

СМЕНА 16

АВГУСТ '87

«Золотые» щепки. Экология в зоне БАМа
Анатолий Приставкин. Прошлое и настоящее
Диас Валеев. Защитить невинного
Василий Росляков. Мой Гёте
Острые письма наших читателей

АКРОБАТИЧЕСКИЙ
ТАНЕЦ – СПОРТИВНЫЙ
РОК-Н-РОЛЛ

Михаил
ПЕЧЕРСКИЙ,
специальный
корреспондент
«Смены»

«ЗОЛОТЫЕ»

ПЛАНИРУЕТСЯ... БРАКОНЬЕРСТВО

Река сердито бурлила в горных теснинах и стремительно бежала от них туда, где бугрился волнами величавый Амур. Но и гордячка Зейя укротила свой бег, растерянно уткнувшись в несокрушимую бетонную плотину, воздвигнутую на ее пути. Об этом укрощении в школах Амурской области на уроках географии учителя рассказывают восьмиклассникам буднично и просто:

— Зейская гидроэлектростанция и водохранилище позволяют решить сразу несколько задач: получить большое количество дешевой электроэнергии, предохранить низовья Зеи от сильных наводнений, улучшить условия судоходства на реке, вовлечь в сельскохозяйственное производство новые земли.

Однако рассказы учителей могли быть гораздо живописнее, если бы, не ограничиваясь скупой констатацией фактов, они поведали о том, как гидростроители многие годы не только сами героически боролись со всевозможными трудностями, но и усердно создавали их для грядущих поколений.

В прошлом году спешно было организовано управление эксплуатации Зейского водохранилища, чтобы спасти громадный водоем, равный по площади Люксембургу, от последствий экологического невежества.

— Смотрите, что получается, — рассказывал директор управления Дмитрий Степанович Данилин. — Семь с половиной лет строилась плотина, и за это время никто даже пальцем не шевельнул, чтобы вырубить лес в зоне затопления, очистить берега реки и ее притоков от хлыстов, которые застряли тут после молевых сплавов. Это, представьте, не предусматривалось проектно-сметной документацией. В результате три с половиной миллиона кубометров невырубленного строевого леса ушло под воду, миллион с лишним кубометров хлыстов плавают по акватории и валяются на берегах, десятки заливов от дна до поверхности плотно забиты топляками.

Дмитрий Степанович выложил на стол папку с документами.

— Вот, пожалуйста, акты наших обследований и выводы, к чему привели недальновидность, безхозяйственность, безразличие и равнодушие к природе. Топляки и плавающие бревна с каждым годом становятся все более опасными для судоходства. Деревья и кусты отрываются ото дна, подтяги-

ваются к плотине, забивают решетки водоприемников, мешают нормальной работе гидростанции. По тем же причинам невозможно вести рыбный промысел да хотя бы даже просто посидеть с удочкой. А вода? Затопленные деревья гниют, насыщают ее сероводородом, она приобретает запах тухлого яйца. Пробовали запускать сюда омуля — не прижился. Исчезли из водоема и многие другие ценные промысловые рыбы, которые любят воду чистую, прозрачную, свежую. Кроме того, растет поток жалоб от населения: ведь эта же самая вода идет и в квартиры жителей города Зейя. Уж коли нарушено экологическое равновесие, то куда ни кинь — везде получается клин. Если сейчас не принять никаких мер, то не успеешь оглянуться — наш водоем превратится в огромную безжизненную и вонючую лужу...

Какие же принимаются меры, чтобы этого не случилось?

13 марта прошлого года Комиссия по охране окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов при Президиуме Совета Министров СССР обязала Минэнерго и Минлесбумпром «принять неотложные меры по сбору и использованию древесины, засоряющей акваторию и берега Зейского, Саяно-Шушенского и других водохранилищ». Общим министерствам было также предложено в кратчайший срок представить в Госплан СССР конкретные предложения о финансировании, сроках проведения и исполнителях этих работ.

Столь категорическое указание, возможно, и вызвало легкое шевеление в министерских лабиринтах, но в акватории и на берегах Зейского водохранилища пока что не произошло никакого ускорения. Леспромхозы, подведомственные Минлесбумпрому, по-прежнему делают то, к чему привыкли: пилят деревья в растущих лесах и не хотят добывать их из водоема. Местные же лесхозы, которые подчиняются Министерству лесного хозяйства РСФСР, делают вид, что так и надо. В прошлом году они были обязаны выдать ордеров для заготовки древесины на акватории и по берегам водохранилища в общей сложности на 405 тысяч кубометров, а оформили только на 10 тысяч. Если дело и дальше пойдет подобными чередильками темпами, то очистить водоем

от засоряющей его древесины удастся только через столетие!

Но предположим, что Минэнерго и Минлесбумпрому объединенными усилиями к 2087 году удастся выловить отсюда последнее бесхозное бревно. А как же быть с миллионами на корню затопленных деревьев, которые, подвергаясь гниению, резко ухудшают биохимический и санитарный режим водохранилища и приносят массу других осложнений? В Финляндии разработан плавучий комплекс, с помощью которого за год можно спилить под водой, отсортировать и пустить в дело 100 тысяч кубометров хлыстов. Появится ли такой спасительный комплекс на Зейском искусственном водоеме?

Речь, однако, не только о том, в какое бедственное положение попало это водохранилище из-за чьей-то недальновидности и элементарной экологической безграмотности. Помимо Зейской, в зоне БАМа со временем появятся новые гидроэлектростанции. Идут ли впрок печальные уроки?

Да вот в том-то и дело, что не идут!

Посмотрим, например, проектно-сметную документацию будущей Гилуйской ГЭС. В зону затопления тут попадает 18 тысяч гектаров лесных угодий, однако проектировщики Ленинградского отделения Всесоюзного института «Гидропроект» запланировали под лесочистку всего 1800. Такое же соотношение (десять процентов от общей площади) предусмотрено и для гораздо более обширной зоны затопления Мокской ГЭС, которую решено построить на Витиме. Стало быть, и здесь, несмотря ни на что, изначально планируется такое же браконьерское отношение к природе, как на Зейском и многих других водохранилищах. Но почему?

Проектанты, оказывается, заглобализированы старинными инструкциями, которые предписывают вести лесочистку лишь на десяти процентах территории, идущей под затопление. Откуда взялась именно эта магическая цифра с какой стати она считается оптимальной для такой местности, тем более для тяжелых зон Забайкалья и дальнего Востока? Непостижимая, загадочная тайна! Еще одно обстоятельство,

на которое ссылаются проектанты, когда местные ревнители природы допекают их своими протестами: «Таково мнение Минлесбумпрома. Оно считает, что сплошная лесочистка затопляемой территории экономически нецелесообразна, поскольку там полное бездорожье».

С дорогами в сибирской и дальневосточной тайге действительно плохо. Но разумно ли относиться к окружающей среде только с позиции сиюминутной выгоды, не задумываясь о том, чем наше сегодняшнее бездействие и равнодушие отзовутся завтра и через много лет?

ЛЕСОПОВАЛЬНЫЙ РАЗБОЙ

Бережливые японцы наловчились каждое спиленное дерево использовать на все сто процентов. Моряки советских лесовозов, доставляющих древесину в Страну восходящего солнца, рассказывают, что после разгрузки каждого судна тамошние приемщики обязательно пройдутся по палубе и портовой территории с совком и венником: не должна пропасть даром даже маленькая щепка. Есть и у нас примеры для подражания, в том числе опыт лесозаготовителей Карелии. Практически на всех предприятиях этой республики в дело идет буквально все — от корня дерева до его вершины. Здесь, правда, не ходят по лесосекам и лесопилкам с совком и венником, однако не встретишь таких безобразных «скифских курганов», о которых в 16-м номере «Смены» за 1985 год рассказал строитель с Читинского участка БАМа Евгений Средних: «...В курганах, окружающих лесопилки, раскопок проводить не надо — издали видно, что это и бревна, и всевозможные доски, и раскряжеванные кругляки, бруски и сучья, и все это, как правило, прибито толстым слоем опилок, смешанных с землей. Это все отходы. Но разве нельзя найти им применения?»

ЩЕЛКИ

Официальный ответ Минлесбумпрома, опубликованный в том же номере журнала, гласил, что этот крик души услышан и рассмотрен. Заместитель министра Н. С. Савченко уведомил редакцию, что штаб отрасли принимает «дополнительные меры по повышению эффективности использования древесины и ее отходов в народном хозяйстве. Планируется увеличение выработки технологической щепы из древесины для целлюлозно-бумажного и гидролизного производства, определено значительное увеличение выпуска древесностружечных и волокнистых плит».

Минуло два года. Срок немаленький. Что происходит сегодня в тайге за Байкалом?

Происходит то же самое, что и было: свалки растут, костры горят, и гибнет столько древесины, что ею уже давно можно было бы многослойно вымостить широкий путь от Охотского моря до парадного подъезда Минлесбумпрома СССР. Да и чему удивляться, если ныне действующая общесоюзная норма официально разрешает лесозаготовителям пускать «в распыл» до сорьба процентов спиленных в тайге деревьев! А что такое 40 процентов, скажем, для Амурской области, где только предприятия Минлесбумпрома ежегодно добывают четыре миллиона кубометров деловой древесины?.. Столь же губительно сказывается на тайге эта злополучная сорокапроцентная индустриальная и в Читинской области. Она разманивает гражданскую совесть лесозаготовителей, закрепляет психологический стереотип потребительского отношения к природе: «Тайга велика — не наш век хватит». И вот что получается, например, только при прокладке лесовозных дорог. Делается так. Могучими бульдозерами сдвигают деревья вместе с кроной и корнями на край дороги. Завалы потом невозможно разобрать, а древесину — использо-

вать. Тот же мне показали в Читинском институте природных ресурсов, следует, что потери при этом достигают более 100 кубометров на каждом километре лесовозной дороги. В области действует 17 крупных лесозаготовительных предприятий, каждое из которых ежегодно строит в среднем 20 километров дорог. Нетрудно подсчитать, каковы общие потери при таких варварских методах «строительства».

Дождаясь в Читинском аэропорту самолета на Чару, я купил в киоске свежий номер областной газеты «Забайкальский рабочий», в котором как раз была напечатана наполненная горечью и гневом обширная статья местного писателя Михаила Вишнякова «Мы не одиноки на Земле», посвященная проблемам сохранения забайкальской тайги от хищнического истребления. Поводом для писательских раздумий послужило письмо геолога Юрия Локтева, которое я здесь цитирую полностью:

«Я, наверное, в сотый раз рву бумагу, потому что получается очень уж горько и безнадежно, а надо, чтобы письмо помогло. Речь идет о водоразделе двух океанов — Тихого и Ледовитого, об уникальной тайге Читинской области, откуда берут начало реки, питающие и озеро Байкал. Дело в том, что эта тайга обречена на гибель. Обречена с легкой руки каких-то канувших в Лету чиновников, причисливших ее по недомыслию к «лесосырьевой базе».

Даже коренные жители Забайкалья потрясены неувядаемой красотой здешних мест. Но еще большее потрясение испытывает человек, увидевший своими глазами, что творится сегодня в верховьях байкальских рек. Вырубки ведутся с грубейшими нарушениями

Гибнет лес... Исчезает рыба в водохранилищах и реках... Уродуются земли в тайге...

Министерства и ведомства равнодушно взирают на это. А комсомольские работники зачастую просто «не в курсе» острейшей проблемы.

Если отношение к природным богатствам в зоне Байкало-Амурской магистрали не изменится, большой регион может превратиться в безжизненную пустыню.

технологии заготовок. Деловой лес растет в горной тайге на крутых склонах. Чтобы добраться до него, трелёвщики вытаптывают весь подлесок, сдирают моховой покров, уничтожают ягодники и кустарники. Дороги, которые идут за фронтом лесоповального разбора, делают тайгу доступной для моторизованной армии браконьеров. Вырублены, растоптаны, изуродованы многие прекрасные речные долины... Оголтелому оптимизму лесозаготовителей должен быть положен конец, поскольку речь идет о гибели нашего национального богатства. Спешите помочь!»

Конечно, «лесоповальный разбой» не остается безнаказанным. В статье М. Вишнякова приведено немало конкретных фактов браконьерского отношения к природе, названы оштрафованные предприятия и суммы штрафов, которые нередко выражаются пятизначными цифрами. Вывод, однако, неутешительный: «Чем строже и принципиальнее действуют лесная охрана и дирекция лесхозов, тем наглее, беспощаднее и злее становятся лесозаготовители. Подумаешь, штрафы! Их платят не из своего кармана, а из касс лесозаготовительных предприятий. А что для леспромпхоза 40—50 тысяч рублей штрафа? Это несколько вагонов леса, отправленных сверх плана. А за сверхплановый объем, как известно, начисляются премии. Гибель тайги — золотой ручей премиальных для всей системы лесозаготовителей, прикрывающейся государственными интересами».

Геолог и писатель речь ведут о проблемах сохранения горной тайги, расположенной юго-западнее Читы. Но то же самое потрясение души, о котором пишет Юрий Локтев, испытываешь и за семьсот верст севернее областного центра — в Каларском районе, через который проходит Читинский участок Байкало-Амурской магистрали.

— В экологическом отношении это наиболее сложный участок зоны БАМа, — еще в Чите рассказывал мне научный сотрудник Института природных ресурсов, кандидат географических наук Анатолий Михайлович Котельников. — Вечная мерзлота, низкие температуры, маломощный напочвенный покров предопределяют сильную ранимость элементов природных систем, низкий уровень ее восстановительных возможностей. Например, для того чтобы выросла лиственница высотой 15—20 метров и диаметром 25 сантиметров, требуется около 250 лет. Притом, учтите, северная тайга — это не сплошные непроходимые леса. Деревья здесь растут редко, запас древесины на каждом гектаре составляет в среднем 70—100 кубометров.

И вот эту хрупкую, ранимую систему безжалостно терзают все, кому не лень, не обращая никакого внимания на природоохранные законы, не думая о том, какой бедой обернется завтра сегодняшнее варварство. Особенно свирепствуют бамовские организации:

УПТК «Бамстройпуть», «КазхБамстрой», строительный-монтажный поезд № 696 и специализированный строительный-монтажный поезд «ГрузстройБам». На делянках они стараются выбрать самые лучшие деревья, а те, что похуже, оставляют, хотя правила лесопользования предусматривают делать наоборот, ибо наиболее крупные и спелые деревья — это семенники, от них зависит лесовосстановление. Выбирают то, что годится для строительных целей. Вершинник, тонкомер и сучья оставляют на месте, захламывая лесосеки и превращая их в пожароопасные. Тот же «ГрузстройБам», например, только за последние три года оставил после себя около 200 гектаров неочищенных лесосек.

Чрезвычайно велики отходы при лесозаготовках: до семидесяти процентов. Что это означает практически?

— Предприятия управления строительства «Бамстройпуть» ежегодно вывозят из тайги в среднем около 20 тысяч кубометров деловой древесины. — просветила меня инженер по охране и защите леса Чарского лесхоза Тамара Данилишина. — То, что после раскряжевки спиленных деревьев идет в отходы и остается гнить на лесосеках, составляет ни много ни мало до 70 тысяч кубометров той самой древесины, которая растет и созревает в течение двух с половиной веков! Штрафы за нерациональную разделку древесины и неочистку лесосек, конечно, выплачиваются — «Бамстройпуть» организация богатая. Но тайге-то от этого не легче...

Чтобы уменьшить потери, есть выход, на который еще восемь лет назад обращали внимание бамовских и местных руководителей ученые Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР. Вместо мелких разрозненных предприятий различных ведомств они предлагали создавать в зоне БАМа кооперативные объединения. Это дало бы возможность сконцентрировать лесозаготовки и деревообработку, обеспечить эффективное использование всей заготавливаемой древесины. В Каларском районе перед местными властями о том же самом уже не первый год хлопчут специалисты Чарского лесхоза, в зоне которого хозяйничают 17 самозаготовителей.

Председатель райисполкома В. Кузьмин и его заместитель Л. Лесникова дружно отмахиваются:

— Централизация? Да кому она нужна? Кто этим будет заниматься? Мы, что ли? А зачем нам такое ярмо? Своих забот хватает...

Вот и скудеет прямо на глазах здешнее таежное редколесье. Там, где можно спилить одно дерево, сокрушают три. А когда вместо них вырастут новые? Да и вырастут ли?

ЧТОБ НЕ ВОЗНИКЛА НОВАЯ ПУСТЫНЯ

— Вы видели нашу пустыню? — спросил директор Чарского лесхоза Евгений Борисенко.

— Только через иллюминатор самолета.

— Тогда по коням!

Минут через десять мы были в урочище «Чарские пески». Это песчаный массив длиной 18 и шириной четыре километра. Живописное зрелище! Высота отдельных барханов, образующих цепи, достигает 15—30 метров. Между барханами там и сям раскидано несколько небольших мелких озер. Их крутые желтопесчаные берега покрыты сосной, ивой и березками. Кое-где молодое зеленое островки чистых сосновых боров. Прекрасное место для отдыха! Не зря сюда каждое лето стекаются туристы со всего Союза. Есть чем полюбоваться.

— Говорят, что в нашей стране больше нигде нет такой уникальной пустыни на вечной мерзлоте?

— Сейчас увидим, — мрачно отозвался Борисенко.

В урочище «Чарский ключ» перед нами возникло огромное унылое безжизненное пространство. Ни дерева, ни кустика, ни клочка почвы, из которого мог бы проклюнуться зеленый росток. Только песок, перемешанный с золой и сажей, хрустит под ногами.

— Это то, что осталось после пожара, который сотворили работники мехколонны 148 треста «Бамстроймеханизация» еще в восьмидесяти первом году, — сказал Борисенко. — Пожар был страшный. Сгорел даже почвенный покров вместе с корнями деревьев и кустарников. Теперь, как видите, это наша новая пустыня. Даже при потомках наших потомков здесь уже ничего не будет расти. Для этого нужна почва. А ученые подсчитали: для восстановления слоя почвы всего в два с половиной сантиметра природе требуется около тысячи лет! И то лишь при хорошем растительном покрове...

Пожары в этих таежных местах случались, конечно, и раньше, до появления строителей Байкало-Амурской магистрали. Но не в таких размерах. Согласно статистике, на Читинском участке БАМа за последние двенадцать лет количество лесных пожаров возросло в пять, а площадь сгоревших таежных массивов — в пятнадцать раз! За это время исчезло две тысячи гектаров леса и в пять раз больше кустарниковых зарослей, в том числе кедрового стланика, маслянистые орешки которого — любимое лакомство соболя и медведя. То же самое происходит и у соседей в Амурской области. Например, недалеко от Тынды только за два майских дня прошлого года по небрежности работников одной из экспедиций производственного объединения «Дальгеология» разбушевалось сразу два пожара, в планы которых погибли 21 354 гектара лесной площади. А всего пожаров в зоне БАМа на территории Амурской области с апреля по сентябрь было 365.

По своим губительным последствиям равнозначны пожарам и «свинорои». Так в этих местах метко называют бесчисленные карьеры, большинство которых бамовские организации отрывают подпольно, без всякого согласования с геологоразведкой и работниками лесного хозяйства. Например, при мне только за один день директор Чарского лесхоза Евгений Борисенко обнаружил пять самоуправно вскрытых карьеров общей площадью свыше трех гектаров. Варварски уничтожены, раздавлены и перемешаны с землей сотни крупных спелых деревьев. Экскаваторы и бульдозеры вели здесь свою разрушительную работу только потому, что так захотелось главному инженеру мехколонны 151 Александру Ландо. Подобным образом ведут себя и многие его коллеги из других организаций. При этом обнаруживается, что карьеры, возникшие по мановению руководящего пальца, непригодны к эксплуатации: то песок грязен, то под заглубленной почвой валуны неподъемные, а то и вовсе скальные породы.

— Ловим, штрафуем, — рассказывает Борисенко, — сигнализируем в вышестоящие инстанции. Но это мало помогает.

Самовольно, впрочем, не только вскрывают карьеры. Невзирая ни на какие штрафы, самоуправно хозяйничают в Чарской долине крупные и мелкие самозаготовители леса. Ссылаясь на то, что заготавливая древесину в дальних таежных массивах им экономически невыгодно, они каждый год тайком, без разрешения лесхоза, сокрушают многие тысячи деревьев поблизости — на берегах речушек и ручьев, питающих Чару. То есть именно там, где лес рубить нельзя ни в коем случае.

Лесоповальный разбой, таежные пожары, всевозможные «свинорои» и многие другие раны, наносимые природе, не проходят бесследно. Скудеет лес — источник кислорода. Нет леса — начинает таять лишенная спасительного полога вечная мерзлота, подвсвергаются заболочиванию огромные простран-

ства, на которых уже вряд ли когда вырастут новые деревья. Нет леса — и вода в своем стремительном беге смывает с горных склонов небогатый почвенный покров, раздирает малые промоины, превращая их в громадные овраги. Нет леса — катастрофически мелеют Чара, Чикой, Гиллой, Ньюжа и многие другие малые реки Забайкалья. Нет леса — суше становится климат, меньше выпадает дождей и снега. Нет леса — свое злое дело начинает творить ветровая эрозия. Уже сейчас в сухую погоду пыль плотным столбом стоит вдоль всей Байкало-Амурской магистрали. Водная и ветровая эрозия вызывает многократное увеличение мутных наносов в реках, отпугивая отсюда рыбу. И это лишь малая часть последствий, которые возникают в результате экологического невежества и нахрапистого наступления на природу.

— Проблем с охраной окружающей среды в нашем районе нет, — сказал мне первый секретарь Каларского райкома комсомола Олег Денищенко.

— Все в порядке, — подтвердил присутствовавший при этом разговоре секретарь комитета ВЛКСМ управления строительства «Бамстройпуть» Сергей Шелудько.

Столь же благодушно настроены секретарь Читинского обкома комсомола Виктор Шулепов, являющийся, кстати, членом совета областного общества охраны природы, заместитель начальника штаба ЦК ВЛКСМ по Читинскому участку БАМа Арсен Кереселидзе и многие другие комсомольские лидеры, с которыми довелось встречаться и разговаривать во время командировки.

Странное, непонятное и неуместное благодушие!

Пора всем миром подняться на защиту природы и действовать жестко, непримиримо и последовательно. Тайга — наше великое национальное достояние, его надо беречь, а не бездумно транжирить.

Нельзя не согласиться с теми, кто призывает ужесточить наказания за безобразное, хулиганское отношение к природе, а с хозяйственных руководителей за охрану окружающей среды спрашивать столь же строго, как и за выполнение производственных показателей.

Всероссийная научно-практическая конференция «Человек на БАМе», которая проходила в Благовещенске, еще восемь лет назад рекомендовала: «На повестке дня должен стоять не только вопрос об эксплуатации лесов, но и об их воспроизводстве и охране. Возросшая интенсивность ведения лесного хозяйства в районе БАМа потребует разукрупнения существующих и создания новых лесхозов. Пока что имеющиеся на севере лесхозы слишком маломощны. Необходимо превратить их в высокомеханизированные хозяйства, укрепить квалифицированными кадрами научно-технических работников и механизаторов, обеспечить необходимой современной техникой».

Что изменилось за восемь лет?

За Чарским лесхозом как была, так и осталась территория размером в 3 миллиона 300 тысяч гектаров. Квалифицированным научно-техническим кадром здесь является только один человек — директор. Кроме него, никто не имеет специального лесотехнического образования. На всю огромную территорию по штату полагается иметь всего 18 лесников. Но мало кто спешит вступить в эту хлопотную и малооплачиваемую должность. При мне, например, в один день подали заявления об увольнении сразу три лесника: нашли себе другую, более подходящую и денежную работу.

На «денежно-вещевом» содержании лесхоза находится офицер милиции Владимир Еременко. Его задача — профилактика нарушений и выявление нарушителей лесопользования. Однако руководство районного отдела внутренних дел волевым порядком по своей линии поручает ему такое множество

текущих дел, что в лес лейтенанту Еременко очень часто выезжать нет никакой возможности. Именно этим в значительной степени объясняется, например, тот факт, что на территории Чарского лесхоза и прошлом году случилось 40 пожаров, а конкретных виновников обнаружено только три.

Из техники Чарский лесхоз имеет три трактора, две пожарные машины и один вездеход на гусеничном ходу. К пожарным машинам по штату почему-то не положено иметь водителей, а вездеход марки ВПЛ-149 имеет две особенности, которые делают его непригодным в местных условиях. Во-первых, он очень прожорлив: на каждом километре пути съедает 1,1 литра горючего, поэтому для дальних бросков не годится, так как бензина вынужден брать на борт гораздо больше, чем воды и людей. К тому же горючего лесхозу отпускают с гулькин нос, из-за чего вездеход по большей части стоит под навесом без движения. Во-вторых, этот «чудо-агрегат» совершенно не выносит здешней каменной местности. Чуть попадают камни под гусеницы — ходовая часть моментально выходит из строя. Замечать ее нечем: запчастей к вездеходу Минлесхоз не дает. Хорошо, если выручат соседи-геологи...

Такое же положение и в других лесхозах Читинской и Амурской областей.

— На допотопных драндулетах работаем, — говорит главный лесничий Амурского областного управления лесного хозяйства Виктор Тимофеевич Яборов. — Нет у нас современной техники высокой проходимости и надежности. Взять хотя бы пожарные машины модели 84 на базе ГАЗ-66. В каждую из них помещается всего два человека. Что они могут сделать, если сильный пожар? К тому же через полтора-два года эксплуатации у этих машин начинают выходить из строя приспособления для перевозки противопожарного оборудования. Что касается вездеходов, то министерство каждый год выделяет их нам всего-навсего два на всю область. У нас 89 лесничества. Это надо 45 лет, чтобы всех обеспечить вездеходами.

Нет слов: БАМ — великое благо для северных зон Забайкалья и Дальнего Востока, обладающих несметными сокровищами, которые стали теперь доступными. Но разве тайга и все, что связано с ней, не такая же величайшая драгоценность? Тогда почему мы так непростительно медлим, чтобы сохранить ей здоровье, защитить ее от безжалостного истребления?

В борьбе за сохранение природы не может быть никакой снисходительности и скарденности. Это может обернуться и уже оборачивается невосполнимыми потерями.

ВОПРОСЫ «СМЕНИ»

Минэнерго и Минлесбумпрому СССР:

— Что будет сделано в ближайшее время для сбора и использования древесины, засоряющей Зейское водохранилище; когда спилят затопленный там лес?

Минлесбумпрому СССР:

— Какие конкретные меры намерено предпринять министерство для внедрения безотходной технологии на лесозаготовках в зоне БАМа?

— Что будет сделано для предотвращения хищнического истребления забайкальской тайги?

Минлесхозу РСФСР:

— Что намерено предпринять министерство для укрепления лесхозов квалифицированными научно-техническими кадрами и обеспечения их современной техникой?

ГлавБАМстрою:

— Что делается и будет сделано для сохранения окружающей среды в зоне Байкало-Амурской магистрали?

**«СМЕНА» И ЕЕ ЧИТАТЕЛИ
ЖДУТ ОТВЕТА!**

В № 13 «Смены» был опубликован очерк «Изгнание из детства» — о неблагоприятной атмосфере, сложившейся в ростовском детском доме № 10. Дополнением к нему может служить письмо двух членов педотряда из этого детского дома, пришедшее в редакцию на имя главного редактора. На наш взгляд, ситуация, о которой рассказывается в очерке и письме, требует безотлагательного вмешательства Министерства просвещения РСФСР.

Мы — члены педотряда, работающего в детском доме № 10 Ростова-на-Дону. В январе этого года у нас был ваш корреспондент, тогда мы мало что могли ему сообщить, так как только начинали свою работу с детьми. Сейчас положение изменилось.

В своей работе (мы занимаемся с ребятами младшей группы — 1—2-й класс) мы столкнулись с одной важной проблемой — нравственно-психологическая среда детского дома. Хочется поделиться с вами своими тревогами по этому поводу.

Мы целиком солидарны с точкой зрения автора очерка, что трагедия детей, оставшихся без попечения родителей, состоит в том, что, лишаясь семейного тепла и чувства защищенности, они в большинстве случаев попадают в атмосферу казенной муштры, насилия и подавления личности.

Нам эта проблема кажется наиболее важной: не решив, как «очеловечить» атмосферу общения в детском доме, невозможно сделать детский дом «теплым домом», формирующим всесторонне развитую личность, несмотря ни на какие материальные затраты. Этот вопрос может показаться второстепенным только при взгляде со стороны, для детей же он первостепенный, ибо атмосфера жизни формирует характер.

Все негативные явления, с которыми мы столкнулись, к сожалению, типичны. Наш детский дом еще не самый худший, он имеет неплохую материальную базу. Но и здесь царит угнетающая атмосфера грубости, непрерывного крика. Основа всех «воспитательных воздействий» — страх перед наказанием.

Особенно достается малышам, так как процветает сложившаяся годами «колониальная система» с властью сильных над слабыми, старших над маленькими. Малыша здесь вообще не считают за человека, к нему относятся с брезгливым презрением. Все эти безобразные традиции усугубляются тем, что воспитателям удобно поручать старшим наводить порядок, прекрасно понимая при этом, какими методами те пользуются. При открытых разговорах с ребятами мы обнаружили в их жизненных представлениях господство культа силы, рабской психологии, полное отсутствие чувства собственного достоинства, желание угодить сильному и агрессивность друг к другу, особенно к слабому, привычку к насилию. Процветает доносительство, которое поощряется воспитателями.

В результате постоянной муштры у детей совершенно не формируются внутренние регуляторы поведения: когда они вдруг лишаются этого пресса, они становятся неуправляемыми.

Еще совсем недавно воспитатели и старшие воспитанницы открыто ходили с резиновыми прыгалками для усмирения. Сейчас прыгалки исчезли — открыто их демонстрировать при педотрядовцах не решаются, но вошло в систему наказывать малышей после отбоя, заставляя их приседать по 300 раз, постегивая при этом детишек прыгалкой по ногам (нам самим приходилось быть этому свидетелем и пресекать подобные безобразия). Причем за-

нимаются этим исключительно старшие воспитанницы при молчаливом попустительстве воспитателей.

Показательно, что именно из этих старших девочек и состоит детский совет. Получая от воспитателей привилегии, они любой комиссии подтвердят, что в их детском доме все в порядке.

Мы не могли не вмешаться, когда узнали, что один мальчик из нашей группы (8-летний первоклассник) был переведен Надеждой Васильевной Андреевой из своей спальни к старшим ребятам (10—11 лет). «отдан на воспитание», как объяснили нам сами ребята («Мы его бьем, и он станет хорошим»). А сама Андреева убеждала нас в том, что его бьют «за дело».

Причем, как только воспитатели поняли, что ситуация нам стала известна, они, боясь огласки, немедленно вернули ребенка к сверстникам. Но дети продолжают пугать друг друга такой вот «отдачей на воспитание» (очевидно, это система). Надо ли объяснять преступность подобных антипедагогических действий!

А совсем недавно, заметив следы на руках у детей, мы узнали от них, что это главный «юный каратель» малышовской группы — восьмиклассница Вера П. — в наказание колола им руки иголками (не менее чем десяти ребятам). И как можно поверить в оправдания воспитателя Андреевой, будто она ничего об этом не знала, если все это происходило в ее дежурство, да еще в то время, когда в расписании значился «урок нравственности»? К тому же незадолго до этого случая мы оказались свидетелями, как другой воспитатель этой группы, Ангелина Ивановна Ахтямова, впрямую угрожала таким наказанием одной из воспитанниц.

Наши ребята страдают от острейшего дефицита общения с людьми, они лишены игрового пространства (в детском доме практически нет игрушек, ликвидирована игровая комната — она переоборудована в «музей выпускников», существующий исключительно для показухи), а поэтому дети не умеют нормально играть, бесконфликтно строить совместную деятельность. Обстановка в групповых комнатах по-школьному казенная, малышей часами выдерживают за партами (так за ними легче следить), все занятия и мероприятия до предела заформализованы.

А сколько пришлось воевать, чтобы преодолеть «научно обоснованную» практику запрета рассказывать малышам сказки перед сном (педагоги считают, что это детей якобы «возбуждает», очевидно, полагая, что куда лучше способствуют засыпанию крик, угрозы, а еще лучше — приседания для особо непокорных). Не делается никаких попыток изменить атмосферу, сделать ее теплой, семейной.

Но результатами нашей работы мы не удовлетворены. И главная причина в том, что в своей деятельности педотряд не только не находит поддержки у педколлектива детдома, но и постоянно сталкивается с его скрытым или явным противодействием (могут вообще запретить малышей в групповой и не пустить на праздник: мол, «своих детей мы сами поздравим!»).

Не понимая, зачем вообще детям нужно творчество, воспитатели всю нашу деятельность считают вредной

и ненужной, дезорганизующей их работу.

Можно понять, что материнского тепла у воспитателя на каждого из 24 воспитанников не хватит, но считать, что ласка вообще якобы «вредит» этим детям, что они «разбалуются и перестанут слушаться», — это уж слишком, тем более когда речь идет о детях 8—10 лет. Конечно, муштрой добиваться покорности легче, чем терпеливо и настойчиво выправлять детские души. Даже сама интонация нашего общения с детьми — спокойная и доброжелательная — вызывает раздражение и недовольство воспитателей потому, что демонстрирует невыгодный для них контраст со стилем грубости, который принят здесь.

Показательно, что администрация потребовала ликвидировать почтовый «ящик доверия», который педотрядовцы попробовали организовать для детей. Все воспитатели единодушно выступили против: «Мало ли что они на нас писать станут!»

Вот, например, та воспитанница, что колола иголками руки малышам, собирается поступать... в педучилище (ее привлекает власть над человеком), и воспитатели дают ей рекомендацию. Мыслимо ли допустить, чтобы человек с искаженными нравственными представлениями, искаленной психикой и явной склонностью к жестокости получил в руки такую власть вместе с самой гуманной на свете профессией?

Какие нравственные качества сможет привить ребятам воспитатель, сам постоянно нарушающий элементарные этические нормы общения людей?

Разве это нормально, что сейчас у нас для того, чтобы общество обратило внимание на условия жизни детей в детских домах, надо, чтобы ребенка как минимум покалечили? А кто ответит за покалеченные души, кто защитит достоинство этих детей? Почему так неохотно органы народного образования занимаются этими вопросами и так либерально реагируют на случаи нарушения педагогической этики? (Почему, например, до сих пор работает воспитателем бывший директор Ангарского детского дома, этот изверг Порошина, о которой писала «Советская Россия» в статье «Диктат страха»?)

Очень важная мысль высказана в дискуссии за «круглым столом» журнала «Коммунист»: «Нужна новая общественная структура, организация, которая открыла бы ворота детских домов для общества». Мы считаем, что важную роль тут могли бы сыграть добровольные общественные педотряды. Наряду с основными своими задачами (помощь в учебе, организация творческих дел и досуга детей, ведение кружков и секций, индивидуальное шефство) они могли бы и осуществлять общественный контроль за материальными условиями и психологической ат-

мосферой жизни ребят. Важно, что такие отряды не будут подвержены ведомственному давлению, а поэтому их контроль будет более эффективным — вся детская жизнь проходит у них на глазах, всякие преступные методы станут невозможными.

Этим педотряд выгодно отличается от всевозможных комиссий, для которых легко устроить показуху, а детей запугать.

Детские дома должны перестать быть «закрытыми», «секретными» учреждениями. Честный и гуманный воспитатель не скрывает своих методов — ему нечего бояться. И он с радостью примет помощь людей, искренне желающих улучшить жизнь его питомцев.

Год назад администрация вывела из детдома группу семиклассников, не доведя их до восьмого класса, очевидно, надеясь этим избавиться от неуправляемых воспитанников, которых сама же и вырастила, совершенно не понимая, что атмосферу насилия, уродующую души, создают сами воспитатели, а «колониальная система» регулярно будет порождать антисоциальные личности — этот закономерный продукт их «педагогических» убеждений.

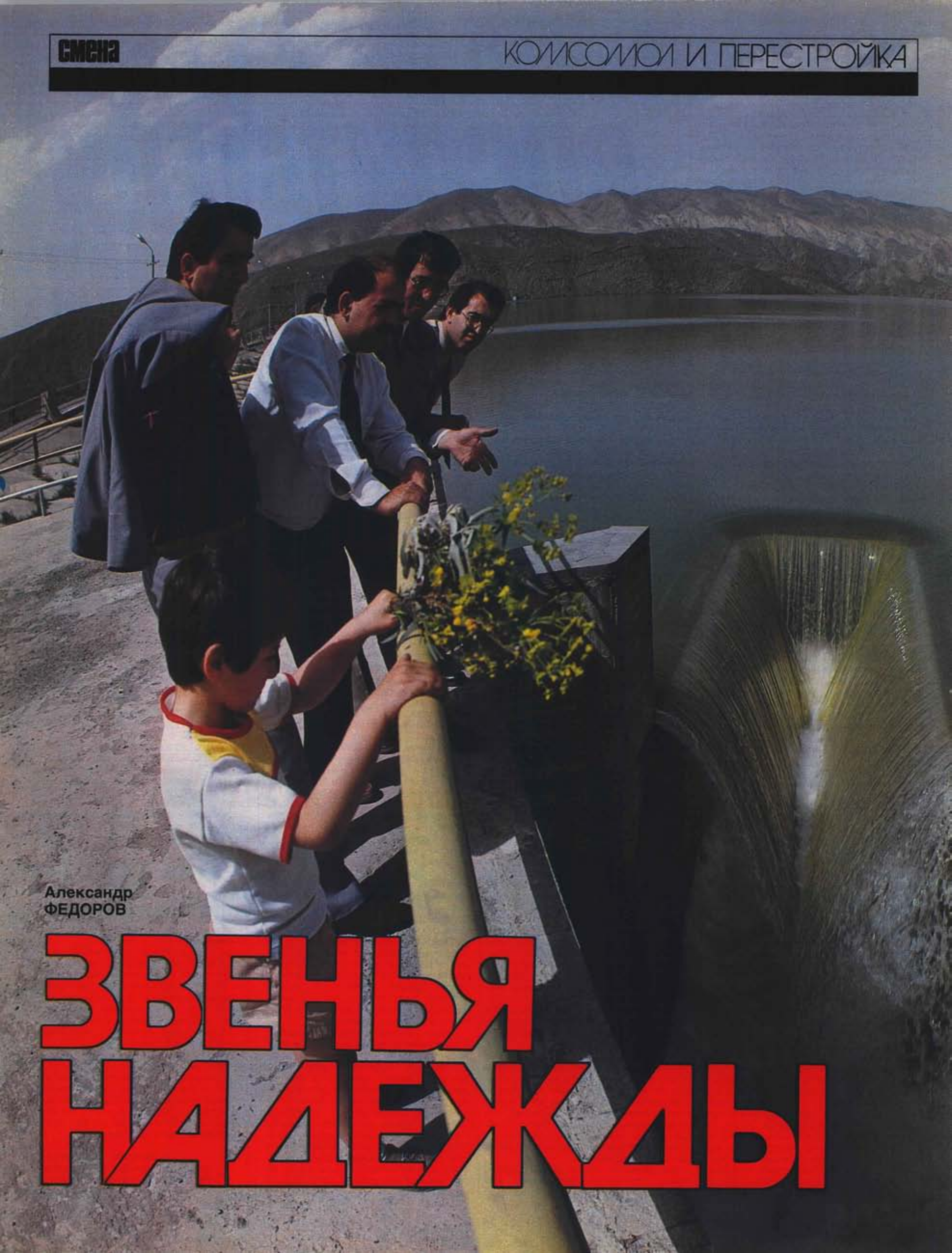
Известен единственно возможный путь борьбы с «колониальной системой». Это организация детского коллектива на основе коммунарской методики профессора И. П. Иванова — путь долгой и кропотливой и обязательно комплексной работы, рассчитанной на годы.

Но мы осознаем также, что для осуществления этой программы абсолютно необходимы единство педколлектива на основе идей творчества и гуманности, его убежденность в необходимости такой перестройки, единодушное осуждение практики авторитарного воспитательного стиля, искренняя приверженность педагогике сотрудничества. К сожалению, с нынешним воспитательским составом этого достичь невозможно.

Так кто же виноват в возникшей конфронтации? Мы вовсе не против сотрудничества с педколлективом (в чем нас пытаются обвинить). Но есть принципиальные вопросы, в которых невозможно идти на компромиссы, если хочешь остаться честным перед своей совестью, и есть явления, с которыми мириться недопустимо.

Вместе с тем и уйти, оставив детей, мы тоже не можем: мы уже почувствовали свою перед ними ответственность. И потому мы не отступим, несмотря ни на какие попытки администрации от нас избавиться. Просим вашего содействия и совета: известны ли вам пути разрешения этого противоречия?

И. ЗЕНИНА, О. ЗЕНИНА,
младшие научные сотрудники
Ростовского государственного
педагогического университета

Александр
ФЕДОРОВ

ЗВЕНЬЯ НАДЕЖДЫ

Неделю был в командировке. Вернувшись, поднимаюсь по лестнице, а на каждом этаже — гвоздем по стене, краской по стеклам — давно известное, но для нашего дома новое слово «металл». А несколько дней назад в одной из ереванских школ я слышал, как у первого секретаря горкома комсомола Григория Исраэляна спросили: «Скажите, а кто такие металлисты?» Секретарь подробно объяснил. Я удивился: откуда среди ереванских школьников такая неосведомленность? Григорий улыбнулся: «Да у нас металлистов просто нет. И не потому, что они под запретом. Мы считаем, надо не запрещать, а отбирать все, что есть хорошего в этих самостоятельных объединениях, и использовать. Где конкретно? В работе, отдыхе, поиске...»

У ереванского комсомола хватает нерешенных проблем, далеко не все и не всегда получается так, как хотелось бы, и критических замечаний в его адрес можно высказать достаточно. Но сегодня хотелось бы поговорить о другом. О том, что мы назы-

ваем положительным опытом, о чем в последнее время мы, журналисты, порой и забываем написать. А ведь положительный опыт — это прочный кирпич в фундаменте перестройки, ориентир, то звено, ухватившись за которое, как говорил Ленин, можно вытащить всю цепочку. Собрать его по крупицам — занятие не самое увлекательное. Но необходимое. Потому что в нем — наши надежды.

Итак, звено первое. Комприемка. Окончив школу, Алвард Мнацкян пришла на фабрику детского трикотажа, а пошивочный цех, где проходила производственную практику. Здесь работали ее мама и сестра. Мама умерла, и Алвард пришла на ее место. Тридцать семь человек выбрали Алвард бригадиром, когда ей еще не было и двадцати.

Сейчас девятьюстами девятью процентов продукции комсомольско-молодежной бригады Мнацкян идет первым сортом. Осталось немного, чтобы достичь потолка. А потом? Жизнь-то не останавливается, совершенству нет предела, значит, надо что-то придумывать: как вместо хорошего делать отличное, вместо отличного — замечательное.

Что их волнует?
Что их тревожит?
Сегодняшняя жизнь со всеми ее проблемами.

Сорт сортом, но от качественного исполнения работы до улыбки на лице молодой матери-покупательницы большое расстояние. Как сократить его?

В бригаде Алвард действует строгое правило — «цепочка комсомольской совести»: каждая швея контролирует предыдущую операцию, сделанную соседкой. Если выявляется некачественное исполнение, изделие возвращается назад. Что это, госприемка? Бригадприемка? Или комприемка? Не знаю, но внедрено это правило задолго до того, как госприемка стала реальностью.

Казалось бы, бригадир можно уложить, но это не о характере Алвард. В выходные дни она (или кто-то из ее подруг по бригаде) идет в «Детский мир». Ее хорошо знают здесь. Она стоит возле прилавка и слушает, что говорят покупательницы о вещах, шитых на фабрике детского трикотажа. Потом возвращается в бригаду, собирает своих девочек, и все вместе они решают,

что нужно предпринять, чтобы выполнить пожелания покупатель. На это уходит до двух недель, но она уже думает, как бы сократить и этот срок.

— Скажи, Алвард, когда ты окончила школу, думала, что станешь швеей?

— Нет, хотела стать учителем физики. Но стоило во время школьной практики прийти на фабрику, как поняла, что здесь мое призвание.

— А смогла бы ты оставить фабрику, бригаду и перейти работать в другое место? Ну, скажем, в райком комсомола, ты ведь занимаешься комсомольской работой, была делегатом XX съезда ЛКСМ Армении?

Она смотрит на меня удивленно: — Конечно, если комсомолу понадобится, на какое-то время я могу перейти работать в райком, но потом...

В Армении есть такое понятие «варпет» — мастер. Так называют очень уважаемого человека, достигшего в своей профессии совершенства. Так вот, я не сомневаюсь, Алвард смогла бы стать варпетом не только у себя на фабрике, но в любом другом деле.

Знаю, Алвард не уйдет из бригады. Будет учиться заочно (в ее планах вернуться инженером-механиком на свою фабрику), шить кофточки и колготки и всякий раз, возвращаясь с сессии, будет придумывать что-то новое, чтобы работники ее фабрики могли гордиться своими изделиями. Сейчас вечерами она учится на подготовительных курсах.

XX съезд комсомола Армении записал в своей резолюции: «Широко распространить инициативу «Производится в Армении — производится отлично».

Это инициатива Алвард.

Звено второе. Вечерний город
Вечером в Ереване спадает жара. День, два хожу по улицам, оглядываюсь по сторонам: а вдруг пропущу? Нет, не видно. Опасаясь обидеть хозяев, осторожно спрашиваю: «А почему у вас не видно панков или металлистов?»

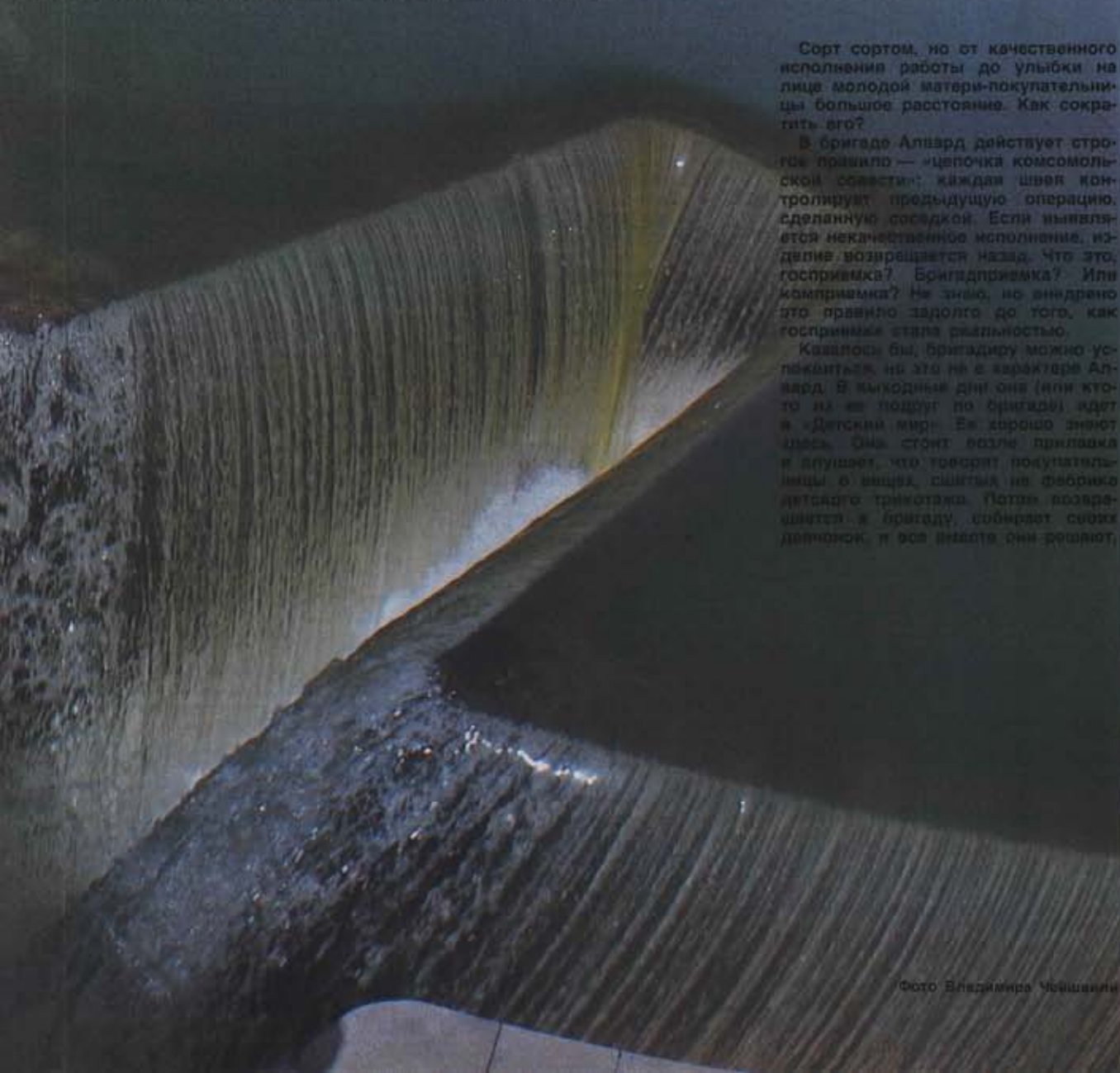

Фото Владимира Чавшвили

Все удивленно пожимают плечами: «А зачем они нам? Да у нас ни одна девушка с таким по улице не пойдут! Да наш парень никогда не позволит себе надеть на шею цепь. Ни один наш отец не пустит из дома сына с крашеными волосами...»

Молодежный досуг Еревана — это клубы по интересам камерного характера, когда встречаются не более 50—70 человек. Не мероприятие, а скорее вечеринка, где все по-домашнему.

Как часто мы задаемся вопросом: чем привлечь молодежь? Только дискотеками, только танцами! А вот молодежный клуб «Крунк» имеет совсем другое мнение на этот счет и в своих рекламных объявлениях пишет: «Каждый день, кроме танцевально-развлекательной программы...» — и приводит перечень разнообразных интересных мероприятий на весь месяц.

Мясниковский райком комсомола, например, создал объединение клубов творческой молодежи, молодых учителей, комсомольских активистов, старшеклассников, молодоженов, кинофотолюбителей, театралов, политической дискуссии «Глобус». Я побывал во многих из них, моим гидом был секретарь Мясниковского райкома Карен Айрапетян.

В клубе, превращенном из обыкновенного подвала (маленький кинозал, вдоль стен столы, экран, стойка, откуда подают кофе, соки, восточные сладости), я познакомился с интересным молодым человеком — Кареном Казаряном, секретарем комитета комсомола школы № 9. В тот день гостями клуба были студенты Йемена, Лаоса, Панамы и Монголии.

...Начинается фильм «Бунтари и фараоны», снятый советскими документалистами. На экране панки и металлисты, что называется, в натуральном виде — с их принципами, лозунгами, образом мышления. Поглядываю на лица ереванских ребят. Захочет ли кто-нибудь из них быть похожим на тех, что сейчас на экране? Думаю, нет.

После просмотра спрашиваю у Карена Казаряна:

— А как проводят каникулы старшеклассники из твоей школы?

— В прошлом году, например, мы решили отработать июль—август на строительстве нового здания школы, — отвечает он. — Комитет комсомола даже не ставил на голосование вопрос о перечислении заработанных денег в Чернобыль — для всех это было совершенно естественно. Мы работали с девяти до четырех с перерывом на обед. Больше нам не разрешали из-за того, что мы несовершеннолетние...

— Если бы не помощь ребят, — добавляет Айрапетян, — школу вовремя не сдали бы.

Надо знать раскаленное ереванское лето, когда всех детей школьного возраста стараются вывезти из города. А старшеклассники школы № 9 строили свою школу и все, что заработали, отдали Чернобылю.

...А вечер в клубе продолжается. Иностранцы рассказывают о своих странах, обсуждают только что увиденный фильм и обязательно добавляют в конце: здесь мы такое представить не можем.

Мы за своим столиком разворачиваем карту района, и я считаю молодежные клубы. Их пятнадцать, а еще есть клубы в институтах, училищах и на предприятиях.

Комсомольские вожаки города и районов давно перешли на «скользящий график», работают без выходных. Хорошо Карену Айрапетяну: он еще холост...

Звено третье. Мозговая атака

В 1985 году совместно с политехническим институтом и управлением по эксплуатации Арпа-Севанского тоннеля и водохранилищ Ереванский горком комсомола создал конкретную водохранительную программу и организовал первый комсомольский творческий мо-

лодежный коллектив (КТМК). В него вошли гидротехники, математики, специалисты по автоматизации физических измерений и контролю за состоянием водохранилищ.

Вот они, их семеро: Оганес Токмаджян, Магеш Маркосян — кандидаты технических наук, Петрос Амбарцумян — младший научный сотрудник, Григор Габоян — начальник участка управления по эксплуатации тоннеля Арпа — Севан, научный руководитель КТМК, Вартан Петросян — инженер-кибернетик, Гурген Халопян — кандидат экономических наук, Рубик Мартирян — начальник отдела охраны водных ресурсов. Средний возраст — двадцать восемь лет. В скобках замечу: Вартан Петросян — секретарь Ереванского горкома, Гурген Халопян — секретарь ЦК ЛКСМ Армении.

Для начала они остановились на проблеме озера Севан и Пичутского и Спандарянского водохранилищ, питающих убывающее озеро. Они поставили эксперимент и доказали, что можно повысить пропускную способность тоннеля.

Они собирались три раза в неделю и спорили до двух часов ночи, измеряли, считали, предлагали, настаивали и, только получив личное задание, которое необходимо выполнить к следующей встрече, отправлялись домой. А утром шли на свою основную работу.

За исследование «Основные направления повышения эффективности использования водохранилищ» этой группе молодых ученых по итогам 1986 года была присуждена премия комсомола Армении.

Вот еще одно из направлений их научного поиска. Группа разработала три варианта системы экономии воды. Один из вариантов рассчитал и математически смоделировал секретарь горкома Вартан Петросян. Услышав его доклад, главный инженер тоннеля А. Варджанян сказал: «Предложение очень интересное и может быть использовано».

Итак, есть группа молодых ученых, их волнуют важные народнохозяйственные проблемы. Их идеи конкурентоспособны и оригинальны. Они помогают делу и не растеряли энтузиазм. И в горкоме решили в одной из комнат поставить круглый стол, а на двери прикрепить табличку: «Комсомольское хозрасчетное бюро «Поиск». Пусть каждый день допоздна горят здесь окна, собираются научные группы, берут задания и работают, опираясь на юридическое лицо — горком. Пусть горком не только руководит, но и силами своих комсомольцев зарабатывает деньги. Он станет производственной единицей, генерирующей идеи.

КТМК нужна финансовая самостоятельность для того, чтобы коллектив мог заключать договора. Возможно, со временем КТМК сам станет юридическим лицом, но пока пусть им будет Ереванский горком.

В этом нет ничего особо сложного. Почему горком, распространяя опыт Алвард Мнацкяна «Производится в Армении — производится отлично», не может реализовать конкретные идеи? Идеи ценятся дорого. И горком начнет зарабатывать деньги, внедряя идеи в народное хозяйство. Разве конкретное внедрение нового — это не политическая работа?

В резолюции XX съезда ВЛКСМ есть и такие слова: «В течение XII пятилетки создать республиканские, городские и районные хозрасчетные центры научно-технического творчества молодежи».

Значит, ереванцы на верном пути.

Вот только три звена из цепочки повседневных дел Ереванского горкома комсомола. Впереди новые дела, трудности и проблемы. Будут и ошибки, и неудачи. Но положительный опыт, накопленный комсомольцами, без сомнения, поможет в работе, даст ощутимые результаты.

В 1959 году был опубликован первый цикл рассказов Анатолия Приставкина, «Трудное детство». С тех пор вышло уже более двадцати его книг, однако у многих произведений писателя судьба была непростой, как и у повести «Ночевала тучка золотая...».

— Анатолий Игнатьевич, повесть «Ночевала тучка золотая...», недавно опубликованная в журнале «Знамя», произвела в читательских рядах, так сказать, доброкачественное замешательство. Но ведь это далеко не первое ваше обращение к детдомовской теме, хотя «Тучка...» — вещь беспрецедентная. В одном из давних ваших рассказов есть образ, который просто впечатывается в память: человеческий коридор, который видится глазами мальчика снизу вверх, во всем своем величии гуманизма и доброты. Невольно вспоминаются голливудские слова: «Нет уж святее товарищества». Но ваша тема гораздо шире. Не могли бы вы вместе с читателями проследить военно-детдомовскую цепочку вашего творчества, которая привела к «Тучке...»?

— Рассказы, о которых вы упоминаете, были написаны в конце 50-х годов довольно быстро, до легкомыслия быстро. После них я не возвращался к этой теме лет десять. Она становилась для меня все труднее и труднее. Воспоминания тяжелье, а написать — это второй раз пережить. Только в начале 70-х годов я вернулся к своим детдомовским годам в повести «Солдат и мальчик». Речь в ней шла о том же «коридоре», о святости и величии подлинно человеческих отношений...

Вспомним. Мальчик в составе банды обокрал солдата, отставшего от части. Он, как «шестерка», получил свою крохотную долю и забыл об этом эпизоде, подобном многим. А обворованный солдат — без оружия, без документов — по условиям военного времени дезертир, человек обреченный. И он решает покончить с собой. Совершенно случайно ему полагается тот самый мальчик, об участии которого в ограблении солдат и не подозревал. И случайно же, как бы прощаясь с жизнью, солдат гладит бедовую голову детдомовца, никогда не видевшего ласки. У мальчика от неожиданности даже начинает болеть голова. Он — никчемный, ничейный — впервые в жизни переживает странные ощущения. И вот этот маленький звереныш по кличке Сморок (у него имя получено в детраспределителе — условное — Дубровский), у которого была единственная и постоянная мечта — нажраться за любой счет, вытаскивает из-под пезда отчаявшегося 18-летнего солдата. С одного движения начинается движение двух людей друг к другу. Оба обречены, с одним расправится банда, другой «завис над статурей». И оба три дня ищут украденное. За три дня они начинают свою жизнь, как должны бы жить вообще люди, и находят друг в друге все человеческое. Среди черных рынков, банд.

— Как бы вы выразили мораль этой вещи?

— Мир не потерян, если люди еще могут понимать друг друга. Но семь лет повесть не печатали. Она вышла в журнале, кусками, растерзанная. Еще через четыре года появилась отдельная книжка. После журнальной публикации ее зверски раскритиковали. Пришлось как-то... оправдываться.

— В чем же вас обвиняли?

— А в том, что войны такой не бывает, что я изобразил какую-то странную войну в тылу, о которой никто не знал, не ведал. Сейчас повесть «Солдат

и мальчик» выйдет под одной обложкой с «Тучкой...». Кстати сказать, братья Кузьменыши из «Тучки...» появились в той повести, о которой в приличной критике не было ни одного упоминания.

— Как все-таки вы объясняете причину такого молчания с филологической, что ли, точки зрения?

— Писатели, пишущие о войне, — это, как правило, писатели воевавшие, фронтовики. Но те, кто тогда был подростком, видели другую сторону войны, другую ее изнанку, потому что война — такое специфическое явление, у которого нет «лица», есть две изнанки. Так вот этой войны, в тылу, «подростковой», фронтовики не знали. А у них сложился своего рода стереотип фронта и тыла. И когда ты пишешь вразрез с этим стереотипом, это вызывает неудовольствие. Я же, со своей стороны, скажу, быть может, неожиданную вещь: симоновская повесть «Двадцать дней без войны» значительно слабее его фронтовых вещей. Это, по сути, взгляд кадрового военного, случайно попавшего в тыл, которого он не знает. Алексею Герману, снимавшему фильм по сценарию Симонова, пришлось многое вспомнить из своего детства, чтобы насытить фильм плотью.

— Язык ваших повестей непривычен для «мирного» уха, для тех, кто погружен в атмосферу языковой усредненности. Это, конечно, признак самостоятельности и темы, и автора. Но, вероятно, он кое-кого шокирует. Думаю, вас это не должно смущать. Приходилось ли вам «погружаться» в события далеких невеселых дней, чтобы ощутить себя в той филологической стихии?

— Нет, не приходилось. Если хотите, мое поколение — хотело оно того или нет — всеми порами и кровью впитало в себя все впечатления детства, и хорошие, и плохие. Плохого, может быть, было больше. Как мне объясняли позднее, «Тучка...» написана на сленге — смеси рыночного, прибалтийского фольклора изрядно насыщает ткань повести. Но — что делать — все это из детства, все это правда. Наша правда изъясняется таким языком. Вообще, должен сказать, существует огромный, пока еще не востребованный материал о войне. Он принимается туго, но его придется принять. Однако и это касается не только войны и не только литературы.

— Итак, примерно через десять лет после «Солдата и мальчика» была написана нашумевшая ныне повесть. Своего рода итог тридцатилетних размышлений и переживаний «воспоминательной субстанции». Воспринимается ли вами она как вершинная, итоговая, во всяком случае, из произведений на эту тему?

— Вы знаете, моя писательская судьба — это не судьба везунчика. Непростая судьба. То есть нормальная для нормального писателя. Поэтому громкие слова, восторги, порой одобренные властью соленой, меня не обольщают. Я много раз бывал свидетелем того, как громкие слова обращались в тишину неузнавания, а слезы быстро просыхали. «Вершинная, низинная...» — никто не может этого знать. И в первую очередь автор. Время дает самую справедлившую оценку. В данном случае автор знает твердо лишь одно: что у него готов роман на эту тему. «Рязанка» — по названию железной дороги, где прошли мое детство, моя юность. Роман, полагаю, идет гораздо дальше «Тучки...». И если он удался, на что я надеюсь, его путь будет, как и положено, тернист. Повторю, в литературе, как и в жизни, легких путей не бывает.

— Существует и, так сказать, успешно плодятся мнение касательно того, что можно и чего нельзя давать

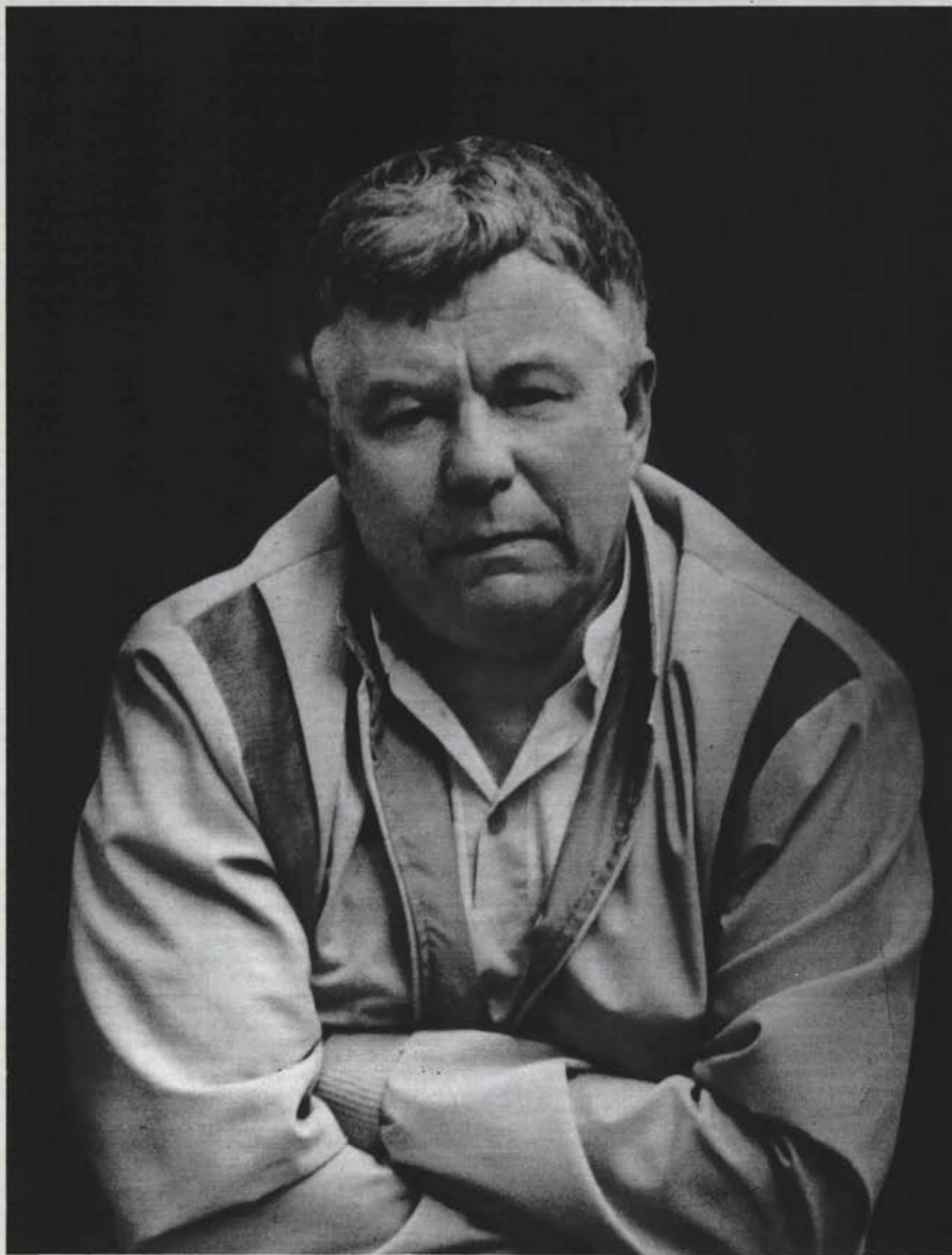

Фото Евгения Стецко

Анатолий Приставкин:

ПРОШЛОЕ ТРЕБУЕТ СЛОВА

молодежи. Вот оно: им нелегко быть молодыми, их будущее, как известно, под угрозой, а тут еще лишают прошлое спасительно-романтического ореола — это жестоко... Мне думается, что как раз самое гуманное и, если хотите, по-мужски очищенное от всего сбивающего с пути истинного дело — это давать молодым правду, какой бы жестокой, страшной, тяжелой она ни была. Вы согласны?

— Это единственно верный путь. Впервые, молодежь действительно трудно живет. У современной молодежи нет или почти нет романтического идеала — тут я с вами согласен. А дежурное бодрчество многих молодежных деятелей, как и записных врунов из всех сфер, вызывает у нее аллергию. Обнаружив неправду, не понимая ее истоков — а у нее-то несправедливые корни очень крепкие, сразу не пощупаешь, не доберешься, — молодежь теряется, в ее среде возникают процессы и явления, которые иных шокируют и в которых я лично молодежь никак не могу винить. Не видя выхода, не зная, куда двигаться, пойдешь поневоле на поводу у самых экстравагантных вывертов собственной фантазии. То есть я хочу спросить: а не оставили ли мы молодых ребят наедине с их собственными проблемами?

Во-вторых, молодому человеку, как и вообще любому человеку, нужна правда. Без правды никакого развития быть попросту не может. А будет — и было — не могу найти определения... Застой... Пессимизм... Безыдейщина... То, что еще недавно и происходило. Молодежь была более проницательна и чутка, чем мы думаем. И ей можно доверять. Если говорить правду, на равных и всерьез.

— Приятно видеть в вас человека, относящегося к молодежи с глубокой приязнью и пониманием. Впрочем, такой вывод можно сделать, и не встречаясь с вами, по вашим книгам. Но вот в чем, по-вашему, заключается «методологическая» ошибка ваших не-единомышленников в этом вопросе?

— Отношение к молодежи сильно упрощено. Или полный «плюс» — и получается слюнтявое подбострастие; или полный «минус» — и получается высокомерное отторжение. Я могу с грустью констатировать, что последнего не удается избежать и великолепным нашим писателям-современникам, признанным мастерам. Этакое первоначальное раздражение по отношению к современной молодежи нет-нет да и появляется в их глубоких, я бы сказал, могучих вещах. Это очень грустно, когда серьезный писатель из-за такого вот полуневольного небрежения не может «пробиться» к душам тех самых молодых людей, которым, быть может, как воздух необходим нравственный заряд его творчества.

А что до «полного плюса», то такое идет от поверхностного отношения, от какого-то недомыслия, тоже инфантильного. А может, и служебного рвения, то есть бюрократизма навыворот. И то же самое равнодушие.

— «Что, ребята, музычкой увлекаетесь? Пожалуйста — люблю. Цепочки развешиваете между ухом и тазом? Давайте...» Вы это имеете в виду?

— И это тоже... Но есть во всех поколениях молодых людей и общее. Оно порой скрыто за временным, наносным, теми же цепочками... Я не певец этого поколения, я не могу прочувствовать закономерности, которые им движут. Но понять его я стремлюсь. Понять их можно и должно. Иначе непонимание. А оно, как говорилось на пленуме Союза писателей СССР, ведет к отчуждению и разрыву поколений. Но понять-то мало, надо еще и помочь...

— *Насколько я вас понял, если посмотреть на вашу юность через шоры, которыми ограничен взгляд многих на юность сегодняшнюю, то представление о вашем поколении извратится?..*

— А наше поколение исчезло, исчезает... Как побито войной поколение рожденных в 1923—1924 годах, которые первыми ушли на фронт, так и те, кто пережил войну в тылу. Мы тоже носим раны, нанесенные войной. Вот почему мне так трудно найти ровесников по беспризорнице.

— *Признаюсь, несколько неожиданно...*

— А вы представьте. Ведь беспризорница в послевоенные годы и в военные не была таким локальным явлением, как сейчас, хотя, как известно, у нас сейчас детдомов много и они переполнены. Но то была, если можно так назвать, всесоюзная беспризорница. На фронте были миллионы людей, репрессированных были миллионы, сколько же оказалось выброшенных на улицу детей? Можете представить? А еще адова работа женщин в тылу. Моя мама, например, работала у станка по 12 часов, она умерла от туберкулеза. Значит, даже если по логике арифметической судить, дети где-то сосредоточивались. Знали бы вы, сколько детей «врагов народа» пришлось мне пережить, тогда, правда, ни я, ни они не догадывались, чьи они дети и почему папа им не пишет, а мама не приезжает...

— *Почему вас выслали на Кавказ? Почему не в Подмосковье, поближе к родным местам?*

— По одному Подмосковью насчитывалось двести или около того детдомов. Это двести банд. Они сражались — детдом на детдом, завоевывали рынки, как ареалы обитания. И сражения бывали нешуточные. Был ведь не только лагерный фольклор. Нами управляли бывшие лагерные «паханы». В драках за банку тушенки, за «территорию», за «просто так», «за ради бога» мощно вырастали группы преступников — так казалось, и так во многом и было.

— *Теоретически-то понимаешь, но в полной мере все-таки представить не можешь, честно...*

— Вы знаете, что у меня от детдома осталось? Больше ничего не осталось, она — единственная. Знаете, что? Финка для детской руки. Не игрушечная — ею можно было убивать. Ее ведь специально выточили для руки десятилетнего пацана. Оружие сохраняют, вот и, наверное, я потому сохранил...

— *Анатолий Игнатьевич, то, о чем вы рассказываете, горько. Но, слушая или читая об этом, испытываешь странное чувство облегчения. Наверное, потому, что все это — правда. Понимаю, как вам непросто все время возвращаться мыслями в то время, к этой теме. Но хочу задать еще один вопрос. Если ваше поколение, как вы говорите, побито — а это, конечно, практически так, — то описываемое вами может восприниматься читателем, не ведавшим той жизни, экзотикой.*

— Как ни странно, наше поколение дало еще и немало писателей. Год назад было обсуждение моей повести в Союзе писателей. Предоставили небольшую комнату, а пришло более ста человек, и многие сгрудились на лестнице. Стенографировать не разрешили — стенографистки срочно «заболели». Принесли магнитофон, его велели выключить. Но не это меня поразило, а совсем другое: примерно половина из выступавших на обсуждении писателей начинали свое выступление словами: «Сам я детдомовский...» От Золотуского, от Евтушенко...

И я вдруг подумал, что давний, изначальный надлом все последующие годы искал выхода. Когда-то мы карабкались к одной цели — просто выжить и просуществовать, потом мы стали карабкаться к другой — существовать в литературе. И, разумеется, та военная детдомовская тема не давала покоя, как осколок, засевший у сердца...

— *Вы говорите — «изначальный надлом». Наверное, он был у всех переживших беспризорницу. Но, понимая, что вы не утверждаете, будто все ваше поколение — или уголовники, или писатели, смею предполагать: большинство из поколения — ни те, ни другие, и таких людей миллионы.*

— Не подумайте, что я сгущаю краски, но повторю: из детдома не вырвешься никогда. По себе знаю. И не только по себе.

Пришло ко мне письмо из Тольятти, от рабочего. Пишет о том, что всех нас роднит: спецмерсменное училище, успел выучиться, поработать, что-то пережил. И дальше — о себе. Как его в детдоме трижды распинали на кроватной спинке — директор «покорял». И ремнями, и плетью, и стальными прутьями завоёвывал тот директор авторитет. Но сначала распяли. «Больше ста раз меня избивали до полусмерти», — пишет мой корреспондент. А затем следуют поразительные страницы. Он оказался сломленным настолью, что всю жизнь потом не мог себя найти. В конце он пишет: «Как мне жить? Я вас ни о чем не прошу — помочь там или что-то в этом роде... Я не знаю, зачем я живу». Такое письмо. От серьезного, очень неглупого, дееспособного человека. Внешне он, вероятно, вполне благополучен, его уважают на работе, он соблюдает все наши небогатые традиции общежития. И никто, быть может, не знает, что над ним тяготеет давнее-давнее то распятие...

— *Все же насколько мы недооцениваем то, что независимо ни от каких внешних обстоятельств и тем более благих пожеланий существует в душах людей. Провозглашенная эпоха гласности не так проста, как представляется. Повязки сняты, и мы ужасаемся видом того, что было, — не привыкли...*

— Повесть моя еще полтора-два года назад лежала в... бельевом шкафу. Я боялся ее вытаскивать. Ты поднял вопросы, которые трогать нельзя, говорили мне друзья. Так получилось, что сперва я предал «Тучку...» гласности таким образом: собрал друзей и предложил послушать две-три главы. Огорчение, кислое согласие. Как-то стало не принято, к сожалению, у нас просто читать друг другу, как во времена Чехова, Достоевского, Пушкина. Стали слушать, просили читать дальше. Потом молча разошлись. Но в конце кто-то сказал: «Зачем ты это написал? Спрячь». А на следующий день звонит один: я тут жене пересказал, просит дать почитать. Потом перепечатывали, копировали. Я видел даже экземпляр, переписанный от руки. В общем, к тому времени, как решился вопрос о публикации, повесть, по моим подсчетам, прочитало порядка шестисот человек. Значит, она людям нужна. Прошла она и все «толстожурнальные» круги, и не скоро нашелся редактор, который смог взять на себя ответственность, не побоялся — нет, не наказаний каких-то, собственных предрассудков, собственного внутреннего перестраховщика, сидящего, к сожалению, еще во многих, — и повесть была напечатана. Вот вам, собственно, и ответ на ваш вопрос о наличии добровольно надетых шор, внутренней полуинстинктивной сопротивляемости правде.

— *Значит, как показывает нынешнее время, можно констатировать, что рукописи действительно не горят, как и гранки, и фильмы?*

— Все не так. Рукописи горят, да еще как горят. И пленки сжигаются, но мне повезло. Только между фильмом и книгой есть существенная разница: если фильм лежит на полке, его никто не увидит; если книга в столе, то ящики стола, как известно, легко выдвигаются.

Вот тогда и правда: рукопись уж не сгорит! Люди не дадут, сберегут, как часто и случалось в истории литературы.

— *Анатолий Игнатьевич, позволяю задать вопрос, который может показаться банальным и общим. В по-*

следнее время в интервью некоторых крупных писателей, в частности Виктора Астафьева, обозначается мнение, что роль литературы в современной жизни традиционно преувеличивается. Что не надо обольщаться ее неперменной действительностью. С другой стороны, вы говорили об обязательном изъятии правды, а молодые люди нередко, даже приходя в библиотеку, спрашивают: «Что за книга? Плохой конец? Тогда читать не буду!» Получается как бы замкнутый круг: одни несут правду, другие, кому она предназначена, ее «не хотят».

— Литература у нас продолжает оставаться тем, чем была всегда, — выражением совести и духа народа. Есть, есть элементы ее дискредитации, но не писателями, а борзописцами. Но Ахматова творила в самые глухие годы «культы» и благодаря таким, как она, да Андрей Платонов, да Пастернак, да Булгаков, можно назвать и другие имена, литература наша сохранила цепочку высокой гражданской традиции. Цепочка эта утончалась временами почти до невидимости, но никогда не рвалась.

Мне довелось учиться в Литинституте, когда жив был, а жил он тут же, во флигельке, Андрей Платонов, когда мы могли в коридорах нашей альма матер общаться со Светловым, в аудиториях слушать Паустовского. Через них шли те соки старой культуры, которые, смею надеяться, через нас будут впитаны теми, кто будет после нас.

Ни в одной стране нет таких откровенных отношений читателя с литературой, но, думаю, нигде нет и такого читателя — требовательного, благодарного, вдумчивого, ощущающего душевную потребность в правде.

— *Но молодежь...*

— Может быть, молодежь и посылала к литературе: век информации, разнообразные приставки, диктуемые многосложным временем... Но у литературы ведь есть один необычный признак. У хорошей литературы. Нужно только прикоснуться к ней, достать с полки хорошую книгу — и ты уже приобщаешься к чему-то самому главному в жизни. Ни телевидение, ни видео, ничто не заменит этого ощущения истинности. Человек может оглушить себя музыкой, наркотиком, порнографией, но в каждом человеке, если он еще живой, всегда есть потребность в поиске истины. И книга — это поле такого поиска. Друг может предать, любимая женщина — изменить, а книга — никогда.

Да, иные во что бы то стало хотят «хорошей концовки». И это естественное, здоровое желание, если оно совпадает с жизнью. А если нет? Жить, закрыв глаза?

А мы, кем были, каких концовок искали? Что из нас делала жизнь или детдом, детдом в самом широком смысле? В доме у меня, например, книг не было вообще: отец работал на заводе с утра до ночи, мать — на фабрике. Нас воспитывало ложноромантическое чтение: Бабаевский, Бубеннов, Шпанов... Да кто их сейчас помнит! Но и, конечно, киноопусы. Фильм «Сказание о земле Сибирской» я считал лучшим в мире, а ведь это вредный фильм, подделка, к тому же дурно сработанная. Попав в 50-е годы в Сибирь, я еще застал по дороге Тайшет — Лена только-только распущенные лагеря... Колочая проволока не успела поржаветь... Вот как к нам пробивалось настоящее... Не через искусство, а через жизнь. Настоящее искусство к нам не пробивалось, оно вообще не пробивалось.

— *У вас практически не было выбора...*

— Ну, а какой выбор у нынешней молодежи? Создан «серый поток». Из ста книг, если говорить о книгах, одна стоящая. Как молодой человек может ее найти? Вкус нужен. А вкус откуда возьмется? Если многие учителя в школах по меньшей мере старомодны, догматичны независимо от возраста. Вспоминаю своих институтских преподавателей — могу вспомнить одного-двух, которые пытались говорить прав-

ду. Остальные лгали — неважно, вольно или невольно. Должен произойти какой-то слом, оттаивание...

— *Печально то, что критика наша литературная, как «правило, формалистична, наукообразна, непонятна для молодого человека, юноши. Она изысканна, хитроумна, но идет не от живой потребности людей — той самой потребности в истине... Но сдвиги все-таки есть...*

— Я думаю, что наша сегодняшняя критика на уровне, и эту критику молодые поймут. Еще недавно помились на «Анжелику». Еще не перестали. Но кто заполняет кинозалы во время демонстрации фильма Тенгиза Абуладзе? Ленту «Легко ли быть молодым?» зимой в Дубултах крутили по 7—10 раз на дню в течение недели. Я попал на последний сеанс в последний день не смог. Большинство зрителей были молодыми...

Человеку можно говорить что угодно. Если это его лично не задает, ему простите, плевать на то, что вы ему преподнесете в какой угодно упаковке. Но если его «просверлило», он вам жизнь отдаст, если понадобится. Любимый человек, если он еще жив как личность.

— *То самое прикосновение, о котором мы говорили вначале?*

— То самое... Молодежь лишь отражает то, чего мы все, все наше общество достойны. Она, если хотите, наше зеркало. Что посеяли, то и вырастили. И если вас вдруг перепугал своим видом доморощенный панк или металлист, не спешите с возмущениями, а лучше загляните в себя и постарайтесь разобраться и помочь. Кстати, неплохо бы к «старым» понятиям присоединить и такие действенные, как сочувствие, сострадание, взаимопонимание. Только не искусственно, а по правде. Мы разучились это делать.

— *Значит, надо выкарабкиваться всем вместе. На основе полной правды...*

— Да вот в чем сложность: говорить-то все научились. Правдивость надо оценивать не по разговорам, а по делам. Перестройка наша — это революция. Не кому-то отдельно нужная, а всем нам, стране, обществу и каждому из нас в отдельности. Дальше без гласности было нельзя — смертельно, физически и духовно. Мы еще порой врем по привычке. Правда сама по себе не рождается. Культура правды требует корней, как и любая культура. А мы еще не вполне этой культурой овладели.

— *Ощущение такое, что душа как бы заново учится ходить. Многие сейчас смущают непривычные проявления гласности. И то верно — гласность не есть вседозволенность. Как вы относитесь к концепции «пусть расцветают сто цветов»?*

— Меня эта богатая палитра не смущает. Пугает она своей броскостью тех, кто по привычке тяготеет к одному цвету, обычно серому. Но в той варке, которую мы сейчас наблюдаем и в которой участвуем, должны присутствовать все компоненты и сталкиваться разные мнения и взгляды. Конечным же результатом ее будет обязательно движение вперед. Движение вперед может родиться только в столкновении идей, а значит, цветы нужны разные.

— *То есть перестройка подразумевает активность действия всех нас?*

— Недавняя ситуация, на мой взгляд, заключалась в том, что система безответственности, у нас сложившаяся, больше функционировать не могла. Люди привыкли жить, ни за что не отвечая. Не отвечаешь — с тебя и спрос маленький. Это культивировалось сверху донизу с известных времен. Возник тип человека «гомоинертус», «гомо лежачий». Теперь он сам уходит от перестройки, не замечает ее, уже устал от нее, хотя она только-только начинается. Понять истоки такого положения необходимо, поэтому история все настоятельнее требует слова. Мы долго шли по пути нейтрализации самых активных и самых действенных единиц общества...

Анатолий
ПРИСТАВКИН

БАНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Ольга пришла на теплоход, где мы с художником Сергеем Сергеевичем выступали. Пришла она, как потом выяснилось, вовсе не на наше выступление, а зашла на судно к своему мужу, капитану. Поглядев на нее, я подумал: чья-то дочка, школьница. Кругленькое с румянцем лицо, светленькая челочка, очки.

А потом она пригласила зайти к ним домой, если найдется у нас время. Они с мужем живут в пади под названием Баранчик... Все тут знают, покажут...

Нам показали: влево, если смотреть на порт, Молчалинская падь, вправо, но чуть ближе, те самые Баранчики. Идти надо вдоль рельсов старой железной дороги, аппендикс, ныне почти и не живой, бывшей транссибирской магистрали. Сейчас на нем пасутся лошади. Километрах в трех от порта в расщелине между гор можно увидеть деревянные избы, уходящие вглубь от Байкала, вдоль ручья. Третий от магазина — дом Ольги. Однажды мы зашли.

Ольга обрадовалась, зарделась от неожиданности, как девочка. Засуетилась, захопоталась, стала угощать и не отходила от нас ни на шаг. Ведь мы, по ее словам, были «оттуда». Оттуда, где все другое: люди, встречи, интересы...

Сама Ольга выросла с братом и сестрой в детдоме, мама умерла, не дожив до сорока лет. Ольга поступила в педагогическое училище, а восемнадцати лет вышла замуж. Поселилась тут, в Баранчиках, неподалеку от брата с невесткой, прожила пять лет. Только однажды в жизни выезжала она на «запад», на Кавказ. В школе, а потом в училище Ольга вела дневник. Там же записывала она стихи, свои и любимых поэтов.

Такие вот, например:

Мое призвание — ждать тебя,
Когда бы ни пришел,
Мое призвание — ждать тебя,
Встречать, сажать за стол,
Чтоб свежий хлеб был на столе,
Чтоб не остыл очаг,
А остальное на земле —
Все на твоих плечах...

— Забыла автора, — говорит она странным грудным голосом. И голос, и взгляд у нее нутряные, какие бывают у цельных, глубоких натур.

Она продолжает:

— Забыла, кто написал эти строчки, но мне всегда казалось, что это я сама так написала. Эти стихи о моей жизни. Жить вот тут и ждать своего капитана. Придет — не придет. Или придет... Так изо дня в день. А вдруг придет. А если придет, это уж такой праздник! Все вместе: приезд и расставание, потому что ему снова уплывать. Тут напряженка с рейсами.

И после паузы:

— Раньше могла сколь угодно терпеть и ждать... Так вот: «чтоб не остыл очаг». А сейчас стала уставать. От ожидания. От детей. От одиночества. От того, что в двадцать три года ничего не осталось, как глядеть на Байкал и ждать. Ждать и быть одной...

Мы молчали. Что можно на это вообще сказать? Произнести разве какие-то привычные банальности, вроде того, что везде люди живут одинаково, что счастье не в географии, а в нас самих да в том, что нас окружает... В семье, в детях в конце концов...

Право, так ли?

Не верно ведь, что везде люди живут одинаково, что география тут ни при чем... Все для жизни имеет значение: и город, и окружение, и семья. Да и тоска Ольгина, если вдуматься, о другом.

Ее дневник — она мне доверила, показала — это напряженная духовная жизнь, попытка поиска смысла жизни. Пишет еще девочка, чистая, наивная, но мыслы работает остро, и чувства звенят, как струнка. Подруги, книги, вечеринки... И вот уже появляется мельком, а потом все чаще и чаще он, будущий капитан, а тогда курсант из мореходного училища.

Любовь или не любовь? Сколько тревожных строк, сомнений и переживаний, встречи, ссоры, разрыв, примирение, начало семейной безоблачной жизни... Ожидание счастья... А потом пять лет здесь, в Баранчиках, где ущелье и два десятка домов. Вчера Баранчики, и сегодня, и завтра... И всю жизнь. Ожидание и Баранчики. Баранчики и ожидание.

И внутренний огонь, который на страничках дневника, как костерок на ветру, как тот стихотворный неве-

домою автора очаг... Глохнет, глохнет. И нечем его поддерживать. Последние угли. Последнее тепло. Даже ее собственные стихи становятся равнодушными, холодными. Она бросает писать: ни к чему уже. Это последние странички, набросанные наспех, а далее — полтетради пустые. А тут мы...

Я листаю дневник, лежа на постели в гостинице, вечер. Гостиница эта похожа на большое общежитие, на первом этаже находится залчик ожидания, наверху несколько комнат, в одной из них мы с Сергеем Сергеевичем. У нас своеобразный «люкс» — комната на четверых, остальные комнаты большие. Железные койки, тумбочки, посередине стол, заваленный окурками и корками хлеба на посланной газете.

Кроме нас с Сергеем Сергеевичем, жильцов двое. Один, механик, ночует в Баранчиках у зазнобы, его мы не видим. Другой — мастер Петрозаводского речного училища, приехавший с отрядом ребята для рабочей практики во время каникул. Он молодой, энергичный, похожий на спортивного тренера: седой ежик волос и чистое загорелое лицо. Зовут его Владислав Андреевич.

Владислав Андреевич человек занятой: прибежит затемно, съедает какой-то бутерброд и — в постель. Но слышно, временами не спит, ворочается, вздыхает. Однажды разговорились, он рассказал про одного из курсантов, Петю Сыроежжину, который с ними сюда приехал. Ночью плохо себя почувствовал, живот, побегал за фельдшером. Достучаться не смогли. Не открыла дверь. Побежали на теплоход «Комсомолец», он пришвартовался ночью. Через час вернулись с медсестрой, сделали укол. А далее? В сознание Сыроежкин не приходил, повезли в Иркутск... Еще два часа. Сперва повезли в инфункционную, там не приняли. Повезли к токсикологу. Тот осмотрел, симптомов отравления не нашел, велел везти в областную больницу. А был уже час дня. Семь потерянных часов. В областной больнице не оказалось дежурного врача. Вместо него пришел невропатолог. А зачем он? Стали ждать. Появились, наконец, терапевт, хирург... Время шло. Стали гадать, кто из них возьмет Сыроежжину. И еще час миновал. Наконец согласился хирург, повезли в реанимацию. В лифте прекратилось дыхание. Сыроежкин скончался... Такова история, но на этом она не кончилась. Вячеслав Андреевич дал телеграмму маме. Она прилетела на самолете. Заказали цинковый гроб — тоже проблема. Пароходство наотрез отказалось оплачивать перевозку тела. «Вы сюда больного

привезли, а мы-то при чем?» — сказал бухгалтер. Отряд снял с книжки свои заработанные здесь деньги, семьсот рублей, оплатил перевозку. А везти кому? Маме? А она инвалид второй группы, в отчаянном состоянии, сама жить не хочет. Говорит: «Сынок с семи лет жил без отца, единственный, зачем мне одинокой оставаться?» Владислав Андреевич метался между отрядом, который работал, и Иркутском. Бегал по начальству.

Те вопрошали:

— Зачем же такого привезли?

— Какого такого?

— Больного.

— Я же не медицинский работник, — оправдывался Владислав Андреевич. — С каждым может случиться.

— А мы платим такие деньги! — говорили ему. — А вы больного!

— Да человек-то подороже ваших денег! — доказывал он. — За четыреста рублей не купишь!

Не дали. Ни денег, ни сопровождающего. Гроб цинковый грузили вчетвером, а отправили сопровождать одного курсанта, друга Сыроежкина. Сыроежкина отправили, а отряд остался: девятнадцать взвинченных, взъерошенных мальчинов...

— Это с виду они мужичины, — говорит Владислав Андреевич. — А так дети. Организм неокрепший, а души... Это мы пожили, а они только начинают, и почитайте, потеря товарища... Ехали сюда — было двадцать, а вернутся — девятнадцать человек... Да и Сыроежкин был на удивление светлой личностью, общительный, как раз накануне пригласил всех друзей после Байкала заехать к нему в гости...

Я поднимаюсь, заглядываю в окошко, которое выходит на пристань. Видно и слышно все: как кричат пассажиры, тут же, прямо на деревянных досках, разложившие свои рюкзаки и чемоданы, как гудят суда и где-то на грузовой станции за высокой горой угля обвывают в мегафон...

Жизнь порта не прекращается и ночью, и все спешат, и никому нет дела ни до умершего Сыроежкина, ни до живущей здесь Ольги... Она смотрит в наши лица, слушает наши голоса. Она хочет понять, что же она такое вот сейчас, когда она рядом с нами. Кто она, когда она одна, она уже догадывается. А ей важно все понять, пока мы тут, рядом. Это просто необходимо для всей ее дальнейшей жизни... А в сущности, кто мы? Два заезжих чужих человека. Художник, беллетрист. Немолодые усталые люди. Вроде того Владислава Андреевича. Приехали, повystупали и убралась восвояси. Нам бы кто сказал о нас, как дальше жить... Мы прощаемся, наутро нам уезжать.

Байкал с утра чист, спокоен. Мы выносим чемоданы на берег и ждем катера до Листвянку, оттуда ходит автобус на Иркутск.

Какая-то женщина черпает воду ведром с пристани, опускает его на веревке. Выбегает из гостиницы дежурная к берегу и пьет, забирая воду ладошкой. Спускаемся попить и мы с Сергеем Сергеевичем. Мы бросаем на память монетки, чтобы сюда вернуться.

Монетки белым серебром падают на дно и все никак не могут упасть, глубина здесь обманчиво большая.

Последний раз, оставив чемоданы, проходим по поселку. Жилые дома, магазин, столовая, здание управления и деревянный вокзальчик, где мы жили, вытянуты по линеечке вдоль берега, между нависшей зеленой горой и берегом Байкала. В поселочке при небольшом количестве народа много мотоциклистов. Ездят они тут без прав и без дорог. Какие могут быть здесь дороги, если одна-единственная и никому не нужная, брошенная железная дорога занимает всю полосу суши. Все ходят по шпалам и ездят по шпалам, этакая тропка между рельсов... Вчера в пьяном виде какой-то парень слетел под откос и поломал ребра.

Мы идем по шпалам, прощаемся. Проходим мимо лошадей, их две: Орлик и Найда. А чьи они, никто не знает. Сколько мы ни жили тут, они жили среди нас, слонялись по рельсам, заглядывали на вокзал в двери магазина или дежурили около столовой. Никому они не были нужны.

Возвращаемся. И уже подходит катер. Мы забираемся с чемоданами на борт. И тут остроглазый Сергей Сергеевич первым углядывает белый плащик Ольги на пристани.

Я догадывался, что она придет нас проводить. Уж очень необычный, откровенный, пронзительный накануне был вечер в ее доме. Пришли родственники, ее брат с женой, оба молодые, беспечно веселые. Достали омуля, шампанского и устроили прощальную вечеринку. А потом Ольга провожала нас до порта, до гостиницы, и была в каком-то смятенном состоянии, никак не могла с нами проститься. Она стояла у наших дверей и просила: «Прогоните меня. Я сама себе противна. Я злюсь на себя и не знаю, как мне после вашего отъезда жить...»

Повернулась и пошла. Мне показалось, что она заплакала. А белый плащик ее долго серебристым пятнышком, как монетка в пасмурно-прозрачных водах Байкала, все тонул и никак не мог утонуть в ночи.

Теперь она пришла. Встреча, как последний глоток воды из Байкала, несколько сверкающих капелек.

Но сказала она другое:

— Мне в ОРС бумаги отвезти, в Листвянку. Я с катером туда и обратно.

Я сказал, что мы собирались ей отсюда помахать рукой. Ей и ее Баранчикам.

— Меня отсюда не видно, — отвечала она негромко, пожевываясь и не отводя глаз от воды. — Даже отсюда...

Мотор загремел, палуба задрожала, и мы стали отплывать от нашего, ставшего почти родным порта.

В Листвянке Ольга проводила нас до автобуса, ни в какой ОРС она, конечно, не пошла. Потом вернулась на катер. На прощание она произнесла:

— Ну вот, теперь можно вернуться. Я вас увидала...

— Это ничего, что на глазах поселка? — спросил осторожный Сергей Сергеевич. — Не будут ли говорить...

— А что здесь можно скрыть? — произнесла она спокойно, почти холодно. — Здесь все все знают. — И помолчала. — Это их основное занятие. А вот погубить будешь, не достучишься! И не увидят, и...

Махнула рукой. А мне показалось вдруг, что в самом ее тоне, в ее глазах, в том, как она вызывающе дерзко на глазах этого крошечного порта провожала нас, таилось какое-то решение. Осознанное, а может, и не осознанное ею самой. Что-то в эту ночь с ней произошло.

Дорога бежала вдоль берега Ангары, все вниз и вниз. Было пасмурно, бурные сопки окружали нас.

— Я знаю, почему сюда ссылали прежде на каторгу, — вдруг произнес Сергей Сергеевич, заглядывая в окно. — Здесь совсем не слышно птиц... А это тяжело... Я лично без птиц, без их щебетания не могу...

— Да. Банальная история, — невпопад ответил я.

Он посмотрел на меня и ничего не ответил. Понял ли? Кажется, понял, что говорили мы с ним об одном и том же.

И я повторил:

— Банальная провинциальная история, уже много раз описанная. И все-таки происходит она вновь и вновь...

А может, это я уже не вслух, а про себя произнес?

Хорошенькая девушка, наделенная тонким духовным миром, попадает в чужой поселок, в деревню, в ущелье, в падь. Приезжает на время и, завидев эти темные в снегу избы, думает со страхом: как они здесь живут?

Это по ее рассказу.

Но прижилась, приспособилась. Привыкла по утрам ходить с ведром на ручей, привыкла копать огород, караулить в магазине хлеб, привозимый из Листвянки. Привыкла смотреть в окошко, не плывет ли ее капитан.

Родила ребенка, первого, для себя. Чтобы хоть не одной, а вдвоем. Но потом еще родила ребенка: «Бабки рядом не оказались для аборт...»

Они-то, дети, крепче цепей привязали ее к щели, к пади, к Баранчикам...

А муж? Ну, что муж... У него как бы своя напряженная и нелегкая жизнь, работа. От нервной такой работы, от всяких неприятностей стал он жестче, запальчивее. Даже злой. Любовь? Да, еще была любовь. А дальше, дальше что?

А мы, такие многоопытные, такие знающие, что мы могли ей сказать? Ей, еще живой, пусть и раненой одиночеством, сомнениями, предчувствием беды.

Мы, конечно же — ах, какие мы умники! — советовали ей не замыкаться в себе, а быть больше на людях, ведь есть же в поселке и хорошие люди. Не то что фельдшерка портовая, я к ней потом насчет Сыроежкина заходил — даже не пустила к себе в дом, и дверей не открыла, и разговаривать не стала... «Надоело, — говорит, — мне все это обсуждать. Не знала я ничего про вашего Сыроежкина и знать не хочу». Так и сказала. Дрянь, конечно. Но ведь есть и другие... Ведь есть же! Такие, как Владислав Андреевич, хоть он из приезжих... А может, ей, Ольге, не поздно в заочный педагогический институт поступить? Все-таки цель в жизни... И выезды на сессию, где свеженькие люди будут...

Она хваталась за наши слова с неожиданной жадностью. Она повторяла: «Да-да. Я сама так думала... Я хотела... Я знаю, что это трудно, но я смогу... Ведь это же и правда возможно! Это ведь возможно, да?»

Мы кивали, подтверждая, что это возможно. Но и мы, и она сама, мы все знали, что никто не верит в то, что она поступит. Уж очень увязла, да и дети у нее совсем маленькие: девочки четырех и пяти лет. Какой уж тут институт...

Не сразу, а через полгода или чуть больше пришла от Ольги коротенькая открыточка. «Простите за неблагодарное молчание, но поверьте, я вам часто пишу. Но такие хорошие письма совсем не нравятся мне на бумаге. Осенью я долго носилась со своими планами об институте, но все само собой прошло, и я спустилась на землю: повнимательней на себя заоблачную посмотрела и все оставила на местах».

Потом я узнал, что переехала куда-то в южные края и ни на какие вопросы, ни на письма не отвечала. Лишь недавно получил я от нее письмо. Через пять долгих лет.

«Не сердитесь, пожалуйста, я просто думала, что буду отнимать своей писаниной у вас время. Но я поняла, что вам действительно интересно, что со мной и как живу. Очень часто я вспоминаю Байкал, снится

всякий-всякий — и безмятежный, штилевой, и угрюмый, штормовой. Чаще всего вспоминаю, как мы с вами были на берегу. Не помню разговора, но чувствую, что нахлынули тогда, — совершенно новые, странные, необъяснимые, — эти чувства не забылись, я и сейчас не смогла бы их объяснить, что со мной тогда было... Но воспоминания сменяются невыносимой грустью, и жалко до слез, что уже не будет меня такой, тогдашней.

...Все было у нас с мужем нехорошо еще тогда, когда мы познакомились с вами. С каждым годом недовольство друг другом росло как снежный ком, и не было сил остановить его, рассыпать, да мы и не старались, наоборот, все наши обоюдные усилия были направлены на то, чтобы этот ком стал крепче, тверже и больше. Все, как у большинства, — нетерпимая свекровь, нерадивая невестка, да еще безродная, без приданого, на шею мужа бросившаяся, и т. п. Надо было что-то делать. У мужа еще и на работе не ладилось, он рассчитался, и мы поехали к свекрови. Она к тому времени вторично вышла замуж и жила с мужем в Костроме. Никуда более, кроме мамы, муж ехать не хотел. Приехали, возникла масса проблем, которые надо было решать, естественно, всем вместе, но инициативу и деньги свекровь потребовала в свои руки. На мои уверения, что мы с мужем могли бы решить многие вопросы сами, разразился скандал, после которого была бессонная ночь и бесповоротное решение уехать.

Наутро, когда все разошлись по своим делам, написала записку, чтобы не искали, взяла детей, поехала на вокзал, как раз проходил поезд на Москву. В Москве в аэропорту мне объяснили, что в Благовещенск, там моя старшая сестричка, я попасть не смогу, так как у меня нет никакой временной прописки, а там пограничная зона. Запасных у меня было всего два адреса: ваш московский и Надеждин (они с мужем на год раньше уехали из порта) из-под Ростова. Так как найти вас я не смогла, поехала на Курский вокзал, села в поезд и поехала в Ростов. Оттуда в область.

Пока ждала вызова из Благовещенска, передумала туда ехать, поселок мне понравился, небольшой, тихий, после нашего порта довольно цивилизованный. Школа есть, детские сады тоже.

Правда, было много трудностей с жильем, с работой, плохо с продуктами. Но теперь более-менее утряслось. За исключением последнего. Живем в малосемейном общежитии. Вполне приличная комнатка (12 кв. м), есть кухня и санузел, все отдельно, наше. Словом, все как у людей. Работая в детском саду воспитателем, девочки учатся в школе. Старшая занимается в музыкальной школе, учится играть на скрипке. Отец их женился, уехал на Байкал, у них родилась девочка, ей второй годик. Девчата мои с ним перепишываются, сейчас что-то давно нет писем.

Сожаления, что уехала, нет, даже нет обиды, если не копаться в воспоминаниях, поутихли. Правда, бывают дни, когда не рада ничему, хандра нападает, отчаяние. Тогда я вапаю в спячку, хожу сонная как муха, ни стремлений, ни желаний. О будущем боюсь думать, слишком мизерный мой заработок, а алименты не ахти какие — только на прожиточный минимум. А девочки мои растут, потребности тоже... Дикое желание спрятаться за чью-нибудь спину, сложить часть забот на чью-нибудь плечи. Но прекрасно понимаю, что это нереально. Тем более по нашим временам. Заводить мужа под силу только сильным женщинам — ведь прибавится масса новых обязанностей, а мои вряд ли кто со мной разделит.

Вездесущие подружки посоветовали завести любовника, это сейчас в порядке вещей, и жить станет легче. Вот и я попробовала. Товарищ не просто так, а с положением, один из местных ответственных работников, прочитала в газете, что так называют руководителей больших предприятий.

Короче, приняла ухаживания, постаралась не ударить лицом в грязь, постоянно слышала: «Ах, Олечка, какая ты женщина, какие у тебя девочки, я отдыхаю у вас телом и душой!» Попросить помощи не решалась долго, хотя знаю, возможности у него колоссальные, а мне для поддержки нужны крохи. Ну, а тогда после моих мучительных раздумий, как бы это ему намекнуть, все же решилась воззвать к сердцу этого ответственного работника, услышала: «А что ты, собственно, хочешь? Ты нарожала, от мужа умчалась, о чем думала? Вот и крутись, как можешь!»

Любовников больше не завожу. Кручусь. Одна моя байкальская знакомая года два назад написала: «В зиму выйду замуж, а там посмотрю». Мне очень понравилось, как она выразилась, хотя мне это не подходит: жилплощадь маловата, а девушки мои уже большие. Я, конечно, понимаю, что вещизм — это нехорошо, что надо воспитывать в детях нормальное отношение к вещам, то есть иметь то, что необходимо. Но это очень трудно сделать, потому что вокруг живут по другому принципу: чем больше, тем лучше.

Впрочем, хватит, а то вы подумаете, что у меня развились новые комплексы по этому поводу. Но есть еще работа, которая выматывает, но которую я в общем-то люблю, хотя не все ладится у меня.

А как вы относитесь к Вл. Леви, что думаете, напишите, пожалуйста. Все же хорошо, что мы когда-то встретились и что вы меня не забыли. Ольга».

ЖАЖДА ПЕРЕМЕН

Отклики читателей на письмо пионервожатого Игоря ШАМШУРИНА, опубликованное в № 11 «Смены»

Отец мой был из бедной семьи. Я не помню, чтобы он чего-то не умел делать. К концу жизни он, как и многие, застрял где-то между городом и деревней. Все поражаюсь: вот мостик-то развален, а вы мимо ходите, почему? И поправлял тот мостик. А когда ушел на пенсию, сказал: я на этом вот участке буду строить свой коммунизм. И построил. И тут же на него — десяток доносов от соседей: куркуль, мол, и т. д. Легче ведь донос написать, чем вырастить, скажем, хороший лук.

И сейчас — пресса тому много подтверждений дает — во многих местах человек инициативный вызывает активную неприязнь. Первый импульс на новое у многих — захватить, не пустить.

— **Доводилось слышать рассуждения одного начальника о кооператорах, пытающихся организовать кафе: «Да они ж по тысяче будут зарабатывать!» По тысяче, но какой ценой...**

— А другой ценой мы никогда не создадим приличной продукции ни в промышленности, ни в сельском хозяйстве. Чинуши думают, что они что-то создают. Но и создают они ничто, а «курируют» тех, кто создает нечто, причем такое нечто, которое из-за этой высококооплачиваемой опеки никому не нужно. Политика «антиселекции» среди руководителей тому виной: крупные колоды выстригали, мелкие оставляли...

— **Где вы видите основные тормоза перестройки? Не кажется ли вам, что они лежат в области формулы «коллектив всегда прав»?**

— Именно! Крупный руководитель, тормозящий прогресс, сегодня испытывает неуют — на него дают письма, жалобы, кое-что в нем происходит, хоть и вынужденно. А вот «каре» из посредственностей, составляющих большинство мелких коллективов, — это страшно. Такой вредитель никому не очевиден. А если кто-то один закричит: «Товарищи! Да что ж мы делаем?» — его тут же съедят любым из отработанных способов. Я вполне сознаю, к чему призываю. Поверьте, я имею на это моральное право — мне хорошо известно, что такое «темная». И не только в «детдомовском» смысле, но и в литературном. Был ведь период, когда меня вообще долго не печатали... Но убежден: мало того, что перед нами открыли дверь, мало войти в захлащенный дом — надо еще одолеть тех, которые ни за что добровольно не дадут вынести этот хлам. Потому что они не заинтересованы, у них отбита генетическая способность чем-то заинтересоваться.

— **Мне кажется, есть в принципе выход, который подсказывает история. Один уважаемый и компетентный человек сказал недавно: «Русские люди могут работать в коллективе отлично только тогда, когда они любят друг друга». И привел в пример артель — форму организации труда, существовавшую в России начиная с XV века. Все капитальные доходные дома в Москве, например, были построены такими артелями по 30—50 человек за один летний сезон.**

— Не будем углубляться в историко-экономические изыскания. Мне кажется, что как раз артельная форма и пробивается в бригадном подряде, на хозрасчетных предприятиях, в самофинансировании... Хотелось бы сказать о роли молодежи в пробивании тех «каре». Попытки эти могут поначалу напоминать самоубийства, но они необходимы. С коллективом, спянным воедино на основе посредственности, сверху бороться невозможно, он игнорирует любые указания директивных органов. Чем указания эти разумнее, тем охотнее игнорирует. Бороться можно только изнутри, не ссылаясь внутренне «на Москву», на всяких «самых», не откладывая эту борьбу на наше вечное «завтра». Для этого нужно мужество — во имя справедливости, без которой те же молодые потом не выживут. А мужество у них есть. Это доказал Чернобыль. Но недопустимо же ожидать катастроф для того, чтобы, спохватившись, латать пробоины.

Беседу вел Игорь Дьяков.

Меня взволновало письмо — крик души Игоря Шамшурина. И я работал пионервожатым шесть лет назад и «кричал» точно так же, правда, в душе. Увы, смелости написать обо всем не было. Меня хватало лишь на то, чтобы бороться пассивно: не выполнять некоторые формальности, вносить в работу с детьми элементы творчества. В результате мне посоветовали работать где угодно, только не в школе. Я не сдаюсь, окончил пединститут, стал учителем физики. Чуть больше заговорил о кризисе школы, чуть больше стал применять новое. Увы, большинство учителей и учеников (вот что самое страшное) не понимали меня. Доставалось за уроки, дисциплину, конспекты, документацию. Правда, хвалили за сценарии для агитбригад, линейек, за поставленные спектакли, ярко проведенные мероприятия. Даже должность в школе нашлась — организатор внеклассной работы. В лучших не был, но терпели за отсутствием лучшего. Сменил сельскую школу на городскую, ругать стали больше. Но времена меняются, и школа поворачивается лицом к свету. Согласен со всеми приведенными в письме недостатками, но нет в нем решения. Мне повезло, десять лет назад я познакомился с коммунарской методикой. Понял, что в ней решение всех проблем. Удивительно, что и учителя, и Минпрос без конца говорят о коллективе, о его достоинствах, игнорируя методы создания коллектива, коллективные формы работы. Освоение и внедрение методики шло с трудом, но я учился на своих ошибках. Наконец прошлой осенью удалось создать ледотряд из школьных седьмого — десятого классов, цель которого — осваивать методику самим и помогать это делать другим. Нас было чуть больше десятка. Сначала было очень трудно, затем начали постигать суть. Чтобы больше времени уделять работе с детьми по-новому, ушел из школы и стал директором районного Дома пионеров. Сейчас в отряде более пятидесяти ребят с 4-го по 10-й класс. За спиной четырнадцать агитпробегов в сельские районы, четыре трехдневных сбора-учебы актива.

Мой опыт пока из самых слабых. Опыт «Орленка», московских педагогов гораздо значительнее, интереснее. А об опыте ленинградцев, где и родилась эта методика, созданным талантливым ученым И. П. Извановым, многие ничего не слышали. Значит, Минпросу надо быстрее внедрить коммунарскую методику. И ЦК ВЛКСМ не должен стоять в стороне. Ведь работа любой первичной комсомольской организации должна строиться только коллективно. Иначе формализм и бюрократизм не избежать. Даешь революцию в школе!

Евгений БАРЫШНИКОВ,

27 лет,

г. Добрянка Пермской области

Я полностью согласен с тем, что школьная общественная работа — это «чистейший вздор, никому не принесший ни капли пользы». Но и отрицательное влияние просчета в общественной работе на умы школьников автором письма явно преувеличено. Ведь на школьном идеологическом воспитании свет клином не сошелся. Ученик 4—5-го классов вполне способен

составить себе достаточно четкое представление об истории партии и революции. Для этого он должен только не затыкать уши и не зажимать глаза. Дети далеко не так глупы, как это кажется взрослым, забывшим свое детство. У детей есть любопытство, интерес к жизни, чувство прекрасного, есть все, чтобы стать хорошими взрослыми людьми. Нужно только не убивать, не уродовать с раннего детства лучшие качества в душе человека.

Я недавно прочитал школьные сочинения учеников 4—5-го классов, и мне стало страшно. В каждом классе найдется 3—4 сочинения, которые читать легко и радостно: за строчками видна человеческая личность. Остальные двадцать пять — полный мрак. Детей, которые пишут такие сочинения, нельзя испортить плохой идеологической работой — они ее не воспримут, ни плохую, ни хорошую, потому что круг их интересов резко ограничен, они не умеют и не хотят размышлять, не умеют излагать свои мысли. На перестройку сознания нельзя рассчитывать до тех пор, пока не будет создана новая система воспитания и образования, в корне отличающаяся от нынешней.

Александр ЮРЧЕНКО,

18 лет,

Харьков

Наконец-то обнаружены серьезные школьные проблемы. Долгое время Всесоюзная пионерская организация считалась самым благополучным обществом. На страницах «Пионерки» — смеющиеся лица ребят в пилотках, салютующие руки. Идиллия! А вы видели лица девочки в красном галстуке, когда «за невыполнение пионерского поручения» ей объявляют выговор чуть ли не с занесением в личное дело и вызывают в школу родителей? Меня, например, в 7-м классе исключили из совета дружины за отсутствие какого-то отчета. Пионерскую организацию настолько затопили бумагами, фразами, лозунгами, что я согласна с автором письма: нужна настоящая революция. Как известно, комсомол — старший брат пионеров. Пусть он им и будет, в нем все-таки многое уже перестроилось. К сожалению, нынешние пионеры уже не спонсоры всех барьеров. Но ради пионеров будущих комсомольцы, идите к ним, зовите их на интересные, познавательные нужные дела! Мое письмо, наверно, получится сбивчивым и неконкретным, но, понимаете, я просто рада сказать: «Да, я знаю эти проблемы, я целиком поддерживаю того, кто их высказал!» Я бросила общественную работу, когда была в 7-м классе, когда увидела всю эту закоснелость и сплошной бездушный формализм. И тут же «полетела» со всех «постов», из всех штабов и советов. Не жалко об этом: слишком много там приходилось врать. Но, признав меня «паршивой овдой», мне не дали и рекомендации в комсомол. Да, я не комсомолка. Я до сих пор боюсь вступать в члены ВЛКСМ. Очень больно, но я признала себя побежденной и не хочу вновь сталкиваться с бюрократами. Но, честное слово, я буду помогать комсомолу в его работе с пионерами. Потому что эти проблемы меня очень волнуют.

Ольга КОРЯГИНА,

16 лет,

г. Шуя Ивановской области

Я не педагог и не пионервожатый. Я участник Великой Отечественной войны, ветеран Советской Армии. Может быть, я привык к лозунгам, но я их воспринимаю именно как «положено» (по терминологии тов. Шамшурина). Лозунг — не фикция, в кратко изложенный определенный призыв. Так ведь можно договориться до того, что вообще станешь отрицать все призывы. Тов. Шамшурина позабыл еще один важный лозунг — «религия — опиум для народа». Ну, конечно, если ему не нужны те общие знания, которыми его все-таки как-то «напичкали» в школе, то тов. Шамшурина просто не помнит его. А ведь все те лозунги, о которых он пишет, косвенно связаны и с лозунгом о религии. Нам в детском возрасте прямо говорили: бога нет. И мы верили на слово. Однако потом, приобретая понятия о физике, химии, биологии, наконец астрономии, мы постепенно утверждались в том, что религия — действительно опиум для народа. А сейчас в церквях все больше и больше молодежи. И в этом я вижу немалую «заслугу» вот таких пионервожатых, как тов. Шамшурина.

Я очень не хотел бы, чтобы мой внук рос «дубиной стогорсовой», не имеющей понятия о математике, физике, химии, биологии. А чем же тогда должна быть занята голова школьника? Шлягером?! Это сейчас очень модно, но только знания возбуждают детское любопытство и, если правильно нацелены (а это зависит и от пионервожатых тоже), формируют мировоззрение молодых людей, нашей смены.

В общем, я за лозунги! Разумные, утверждающие. Только не нужно воспринимать их как догму. Лозунги дают нам общее направление, цель.

Федор КУЛИК,

пенсионер,

Днепропетровск

Уважаемая редакция! Автор письма пишет только об октябрьских пионерках, не упоминая о нас, старшкласниках. А ведь именно мы «продукт» такой политики. Мы уже не верим ничему. Слишком много нам врал. Врели бессовестно, зная, что мы знаем, что нам врут. Но врали! (Это удобно, совершенно ненаказуемо и к тому же часто поощряется.) И тем не менее стоит нам сделать что-либо плохое, начинаются крики: «Чему вас только в школе учили!» Этому же и учили. И поэтому ни в слова, ни тем более в лозунги мы не верим. Корень зла по любому вопросу ищут в нас. Будто мы родились такими. В крайнем случае начинают обвинять семью! Школу же сами педагоги не считают виноватой.

В последние время, чтобы не отстать от жизни, нам вроде бы дали инициативу, но как только мы стали ее проявлять, нам заявили, что наша инициатива должна проходить в строго отведенных рамках! И все сразу заглохло. Школе действительно нужна революция! И не только в методике, а и в идеологии, надо, чтобы человек, прежде чем стать пионером или комсомольцем, действительно это заслужил! Но, если честно, я не очень верю, что мои дети будут учиться в современно преобразованной школе.

В. ШЕВЧЕНКО,

16 лет,

Украинская ССР

Неприятности начались с телеграммы из поселка Лиозно Витебской области. Районный военный комиссар извещал командира части о тяжелом состоянии Сметанникова Валентина Петровича и просил предоставить военному служащему Олегу Сметанникову кратковременный отпуск. Телеграмма была заверена врачом районной больницы. Дежурный по штабу вручил телеграмму командиру батальона гвардии майору Онищенко и спросил, какие будут указания.

Майор повертел телеграмму в руках, взглянул на обратную чистую сторону бланка и вздохнул:

— Указания? Никаких. Сами все оформим... Не дай бог никому такого отпуска.

Было пять часов дня. Ближайший поезд в Москву уходил в девять вечера. Но на него Олег опаздывал, потому что находился в карауле далеко от части и связи с караулом не было. Поедет ночным поездом — решил майор.

Я помню Валентина Петровича Сметанникова. Полтора года назад он приезжал к сыну на принятие

присяги. Стоял страшный мороз, и мы толком не сумели поговорить. Моложавый, крепкий, невысокого роста, он рассказывал о своей армейской службе, заметив, что в его времена одевались солдаты похуже и на построении обходились без оркестров. Помню, что он долго колебался, прежде чем подойти к командиру и попросить его отпустить сына до вечера в город вместе с ним. В конце концов сделала это мать Олега Екатерина Тимофеевна.

...Вернувшись из наряда и узнав о телеграмме, Олег растерялся. Присел на табурет. Дважды перечитал

лаконичный текст. Что-то бормоча, пошел в каютку, там сидели Капешко и Михайлов. Олег стал копать в углу, вытащил саперную лопатку, направился к двери. Капешко, до того молчавший, не выдержал:

— Ты куда?

— Обещал сегодня вернуть лопатку, брал у ребят из химзвода.

— Какая лопатка, Олег! Беги к ротному за документами. Тебе домой надо ехать. Там же с отцом что-то. А еще билет надо взять. И вообще не волнуйся, может, обойдется.

Сметанников положил лопатку обратно в угол.

Б

— Ладно, ребята. Без паники. Все понял.

Действительно, может, ничего страшного. Отец болел-то редко.

Олег уехал ночью, четырехчасовым. До этого не спал, сидел в Ленкомнате. Вместе с ним был Михайлов. К ним по очереди наведывались Архиповский, Живодров, Апанасенок. О телеграмме не говорили. Чего о ней говорить, просто, как умели, каждый по-своему старался отвлечь Олега от мрачных мыслей.

Я не раз уже наблюдал, как в армии в тяжкий для кого-то час сослуживцы стремились морально поддержать товарища. В армейском коллективе надолго свою боль не спрячешь. Здесь все обнажено — радости, симпатии, горести, недоумения, обиды. Например, кто-то получил дурные вести из дома. Человек пережи-

вает, замыкается в себе. И все это видно. Так вот его не оставят в покое, пока он не поделится своей бедой с другими. А потом безыскусно, но очень деликатно попытаются развеять его печаль. Для этого придумываются самые разные средства. Причем о самом предмете огорчения напрямую не говорится.

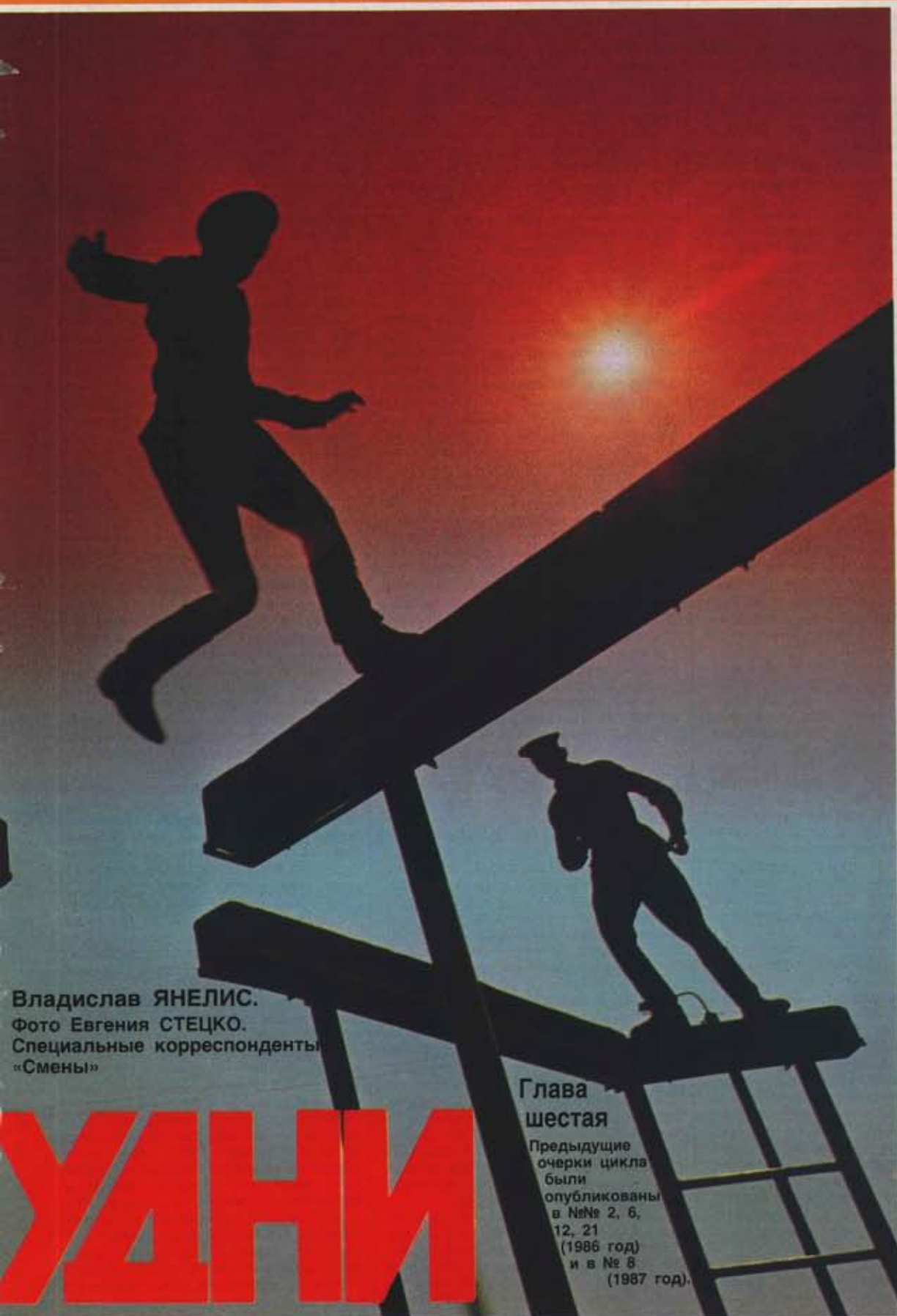
К примеру, тому же Олегу Сметаникову стали реже приходиться письма от Жанны. Да и в тех редких письмах уже не было прежней теплоты. Я видел эту Жанну, когда она приезжала к Олегу. Эффектная внешность, решительные манеры, чуть старше Олега. Не берусь судить, что произошло. Может быть, чувство, которое связывало ее с Олегом, оказалось недостаточно прочным. Может быть, Жанне стало жаль терять время на ожидание, ей нужно было как-то устраи-

вать свою жизнь. Во всяком случае, когда это случилось, Олега утешать никто не стал. Но Капешко как бы между делом заметил, что новая прическа делает его похожим на Алёна Делона. Саша Живодров предложил познакомить Олега с одной девушкой из местных, очень даже хорошим, душевным человеком. Миша Апанасенок категорично сообщил во время перекура, что мужчина должен быть независим от чувств, что верить можно только друзьям, женщины же по своей природе коварны. Возник спор, мнения разделились. Но Апанасенок, хотя и признал, что без любви не проживешь, в главном остался непоколебим.

Как бы там ни было, Олег немного оттаял. Мне он сказал, что, не поддержи его тогда ребята, ему пришлось бы много труднее.

Великая это вещь — мужская дружба, мужская солидарность, взаимовыручка. Нигде так щедро не одаривает нас судьба этими чувствами, как в армии. Недаром мужчины несут дружбу, связавшую их на военной службе, через всю жизнь, не позволяя никому вторгаться в нее. Какой бы пост ни занимал человек, как бы ни был погружен в быт, в работу, он всегда найдет время для встречи с армейским товарищем. Потому что это святое. И те, кто служил, знают, что я не преувеличиваю.

Однако вернемся к неприятностям. Следующей по счету и по значению стала самовольная отлучка Федора Филинова. «Самоволка» — ЧП, о ней сразу же докладывается командиру части, она несмываемым пятном ложится на дисциплинарную отчетность батальона, полка, диви-

Владислав ЯНЕЛИС.
Фото Евгения СТЕЦКО.
Специальные корреспонденты
«Смены»

Глава
шестая

Предыдущие
очерки цикла
были
опубликованы
в №№ 2, 6,
12, 21
(1986 год)
и в № 8
(1987 год).

УДАНИ

зии. Она сводит на нет усилия сотен людей в глазах высшего командования. И пусть в твоём подразделении отличные результаты по боевой подготовке, пусть в безукоризненном состоянии находится техника, самовольная отлучка из части одного из солдат все это перечеркнет.

И это справедливо. Мы живем в беспоконной время. Каждую минуту десантный полк, как и любой другой, может быть поднят по тревоге. Место каждого солдата расписано, он — неотъемлемая часть слаженного боевого механизма. Конечно, в случае чего его могут заменить другим солдатом. Но тогда где-то все равно образуется брешь. Рота, батальон — не футбольная команда, там запасных не держат. Поэтому каждую «самоволку» в армии квалифицируют как серьезное дисциплинарное нарушение.

В то утро мы хотели собрать их всех вместе, давно не делали коллективный фотопортрет. Но ночью уехал Сметанников — ладно, решили, соберем остальных, тем более что Капешко вечером тоже собирался уезжать. Он избран секретарем комсомольской организации батальона и направлялся на двухнедельную комсомольскую учебу.

Приехали в полк рано, чтобы успеть до развода. У штаба встретили гвардии старшего лейтенанта Юрия Мацнева, а его роте когда-то служила вся витебская девятка.

Мацнев сочувственно качнул головой, загадочно изрек:

— Да, кто бы мог подумать...

— Что именно? — спрашиваю.

— Ну как, разве вы не в курсе? Филинов, ваш витебчанин, попался в «самоволку». А там гауптвахта, разжалование, ну, и прочее. Неприятно...

Мы недослушали Мацнева, колола сознание мысль: не может быть. Федор, наш Федя... Гвардии сержант Филинов, один из лучших специалистов полка, работага, каких поискать, аккуратист. Он отвечает по службе за приборы, от которых зависят человеческие жизни, и его работу уже не проверяют, так велико к нему доверие. Гвардии майор Яков, под чьим началом служит Филинов, говорит о Федоре только самое хорошее...

Что произошло? Может, захвалили? Не выдержал, сорвался за полгода до конца службы? Надоело ходить в отличниках? Или что-то личное, экстраординарное? Но почему «самоволка»? Спрашиваю, где Филинов. Не приходил. И вообще, объясняет ефрейтор, с его «самоволкой» какое-то недоразумение. Не тот он человек, чтобы подводить товарищей. У нас немного отлегло от сердца.

Решили дождаться Федора в приборном классе. По сути, это мастерские, где около десяти мастеров выполняют регламентные работы с парашютными приборами. Здесь царит абсолютная стерильность, люди работают в белых халатах, никаких внешних раздражителей. Приборы разбираются, тщательно промываются, изношенные детали заменяются новыми, на последней стадии все узлы смазываются особым, чрезвычайно дорогим маслом. Место шеф-мастера, то есть гвардии сержанта Филинова, пустует. Мне объясняют, что Федора вызвал кто-то из офицеров.

Возвращается хмурый. В руке — скомканный листок бумаги. Выхожу с ним на улицу.

— Может, расскажешь все толком? Федор молчит.

— Была «самоволка»?

Он протягивает мне скомканный листок: «Командиру в/ч... Объяснительная... Во время моего отсутствия в роте я находился в расположении зенитной батареи... Причины указать не могу...»

— Не понимаю, что значит «причины указать не могу»?

— Не могу, потому что несерьезные причины.

— Ладно, давай по порядку.

— Ну что... После отбоя пошел к ребятам в батарею, сидели в калитке, брэнчали на гитаре, «травили» каждый понемногу, общались, в общем. Я под-

воротничок пришил, журнал посмотрел, то да се... Бежит парень из нашей роты: «Тебя Власенко ищет, роту построил, а тебя нет, давай дуй за мной». Оказалось, что вечером в расположение с проверкой пришел замкомандира полка гвардии подполковник Власенко. Прошелся вдоль коек, одного, то есть меня, нет. Поднял роту, стал вычислять, кто отсутствует. Ребята не хотели меня выдавать, молчали. Власенко сам догадался. Решил, что я в «самоволке», в городе. Тут и послал за мной, дело оборачивалось слишком круто. Отсутствовал я в общей сложности минут пятьдесят, а «самоволка» — это от часа и больше. Но Власенко рассердился, сказал, что мне это даром не пройдет. Ну, и поехало.

— Глупо все как-то, Федя.

— Да уж куда глупее. Обидно, начнут теперь склонять везде и всюду. И отпуск накрылся.

— Так ведь сам виноват.

Он вздыхает.

— Конечно, дурака сваял, роту подвел. От молодых дисциплины требуют, а сам...

Филинов никогда не пытается казаться лучше, чем он есть. Скорее, даже наоборот. Он действительно искренне переживает ситуацию, и я убежден — делает для себя выводы вне зависимости от выводов командования. Зная его характер, я понимал, что самое тяжкое наказание он уже за свой проступок понес. Это было утром, на общем построении полка, когда его, гвардии сержанта Филинова, поставили перед строем рядом с действительным самовольником.

То, что произошло с Федором, психологически объяснимо. В той или иной мере это происходит со многими. Уходят в запас старослужащие, те, кто вчера еще составлял ветеранский костяк полка. Ребята, у которых за плечами полтора года армейской жизни, как у нашей витебской девятки, освобождаются от еще одного слоя морального контроля. Теперь они самые старшие, на них держатся дисциплина, порядок. Но к этой мысли еще нужно привыкнуть, а пока этого не произошло, возникает чувство своеобразной эйфории, кажется, что им теперь позволено больше, нежели было позволено вчера. Это пройдет, у большинства появится ответственность старших, которая определит их отношение к служебным обязанностям и к своим товарищам на оставшиеся полгода.

Ситуация с Филиновым ясна, и многое убеждает меня в том, что, несмотря на случившееся, с ним все будет в порядке. Иное дело — Леонид Архиповский. Он — до сих пор загадка. И не только для меня.

Долгое время Леонид был в отрыве от своих. Мы не виделись полгода. Приехал из школы военных поваров сержантом, когда еще многие витебчане ходили в рядовых. В голосе, манерах — командирские интонации, какая-то жесткость. Я тогда предполагал, что это напускное, многие сознательно избирают в этом возрасте для себя облик мужественной категоричности. Ладно, подумал, его дело.

Архиповский умел произвести впечатление на окружающих. Открытый, прямой взгляд, краткость суждений, спортивная, даже атлетическая фигура, очень ухоженная внешность.

Какое-то время он работал поваром. Но большой любви к этой специальности Леонид не обнаружил. Словом, что-то у него не очень получалось. Объяснял это тем, что в школе поваров занимался урывками, в основном исполнял обязанности заместителя, а то и командира взвода. Леонид, надо отдать ему должное, и сам вскоре понял, что повар из него липовый, попросил перевести его в роту, на любую должность. Говорил об этом и мне, просил похлопотать за него перед командиром.

Но спустя месяц я узнаю, что он в полковой гостинице присматривает за порядком. Служба не самая боевая, но ответственная и хлопотная. Однако и там Архиповский продержался недолго, случилась какая-то неприятная

история с пропажей вещей прикомандированного прапорщика, отвечать пришлось Леониду. После этого Архиповского уже совсем перевели в роту, на должность гранатометчика.

Бывший его командир взвода управления старший прапорщик Юничев, прямо скажем, об этом не сожалел, по сию пору считает, что у Архиповского по части совести не все в порядке. Но, как бы там ни было, Леонид в роте не потерялся. Парень от природы сообразительный, да и на вторых ролях ходить не любит. Он быстро освоил гранатомет и на первых же учебных стрельбах продемонстрировал отличные результаты — на его счету было три прямых попадания по «танкам» и по автоматной мишени-бегунку, поражение которой для гранатометчика не обязательно, но если оно состоялось, то квалифицируется как снайперское.

Причем особенных усилий стрельбы от него не потребовали. Рядом с Леонидом на позиции кто-то нервничал, гранатометчики без конца просчитывали вероятное отклонение на ветер, нащупывали упор для локтей, впились глазами в прорезь прицелов — мишень появляется в поле зрения всего на секунды. Архиповский же был абсолютно спокоен, весел, подшучивал над товарищами. А когда пришел его черед, он уверенным, точным движением вскинул гранатомет на плечо и послал гранаты точно в основание целей. Хотя это были первые его боевые стрельбы.

Пока я осмысливаю преобразование Архиповского, возникают новые обстоятельства. Политработники полка проводят среди молодых воинов анкетирование. На вопрос: «Кто из старослужащих подразделения ведет себя по отношению к вам не по-товарищески, проявляет заносчивость, требует выполнения не имеющих отношения к службе поручений?» — кто-то называет фамилию Архиповского. Анкеты анонимные, да я и не пытаюсь выяснить авторство,стораживает сам факт упоминания Леонида в анкете.

Объективности ради надо заметить, что Архиповский на это способен. Потенциально. У него несколько занижены личные моральные критерии. Он часто демонстрирует свое превосходство там, где в этом нет нужды, более того, противопоставлено. Наверное, он таким пришел в армию. И судьба его здесь сложилась так, что помочь Леониду исправить себя, изжить какие-то личные недостатки было некому. Одна надежда — еще полгода службы, возможно, они заставят его что-то понять.

Не могу представить, чтобы Ваня Михайлов заставил молодого солдата стирать ему тельняшку. Да и Апанасенок, и Саша Живодров, и Сергей Капешко — им это просто в голову не придет, потому что, требуя уважения к себе, они уважают чувства и достоинство других.

Неуставные отношения, так в армии называют пережитки «дедовщины», начинаются с того, что кто-то воображает себя умнее, достойнее, сильнее... В этом корень зла — в ложном праве превосходства над себе подобными.

Вспоминаю, как месяцев через пять после начала военной службы витебчан мы собрались в парашютном классе. Это был один из самых трудных разговоров для меня и для них. Они — молодые солдаты, недавно пришедшие в роты из карантина, — столкнулись с неуставными отношениями. Имен не называли, о деталях тоже не распространялись, это не принято в армейском коллективе. Но за недоговоренностью, за гнетущими паузами я ощущал, как много накопилось в их сознании. Особенно страдали Апанасенок, Филинов, Капешко, не умевшие мириться с несправедливостью, болезненно воспринимающие любую форму унижения их человеческого достоинства.

Тогда я начал говорить им сам то, что недоговаривали они. О том, как гоняли их в солдатскую чайную за пранниками, как переключивали на молодых работу на кухне, уборку территории, туалета. И как все-таки Капешко, Апанасенок, Живодров, Филинов, другие протестовали и защищали свое до-

стоинство отнюдь не парламентскими способами. Ковалеву, Сметанникову доставалось меньше, они в критических ситуациях находили компромисс.

— Было? — спрашиваю.

— Да, — отвечают. — И есть. Но уже не в такой степени. Многие «старички» поняли, что на нас где сядешь, там и слезешь. Да и командование полка сейчас серьезнее занимается этими вопросами.

— У вас, — сказал я тогда, — есть выбор: или вы спустя полгода-год начнете вымещать свои обиды за нынешние притеснения на молодых, или будете относиться к молодым, уважая в них личность, то есть непредвзято, по-товарищески. Потому что, если вы и ваши сверстники в полку не положите этому конец, «дедовщину» не истребить. Одним офицерам сделать это труднее.

И они сами тогда решили, что, как бы им ни пришлось трудно, впоследствии это не отразится на их отношении к молодым товарищам. Архиповского с нами при этом разговоре не было. Но остальные все же слово, данное друг другу, сдержали.

Естественно, что в большинстве ситуаций слово старослужащего для новичка — авторитет, что первые месяцы он «на подхвате» в работе с боевой техникой. Но прошло время, когда молодым давали поручения, унижающие человеческое достоинство. Это не значит, что в роте уже совершенно нет случаев «дедовщины». Но теперь это уже не явление, а именно отдельные случаи благодаря самим воинам, благодаря тем мерам, которые приняты командованием полка, политработниками, комсомольским активом. Причем меры эти не только пропагандистские, но и дисциплинарные. Подразделения, где особенно процветала «дедовщина», были взяты под контроль командира полка, его заместителя по политической части, коммунистов штаба. Порядок, по которому после «отбоя» командовали ротой «деды», то есть старослужащие, был сломан. Ни один случай неуставных отношений не оставался безнаказанным. Несколько солдат было осуждено и отправлено в дисциплинарный батальон. Но все это в комплексе с разъяснительной работой, очень точно взвешенными беседами, комсомольскими диспутами о морали, о воинском долге. Полк, когда-то фигурировавший в числе худших по состоянию воинской дисциплины (и это при высоких оценках за боевую подготовку), ныне вышел из прорыва, сократив статистику дисциплинарных нарушений втрое.

То ли с радостью, то ли с огорчением узнали, что ушел на повышение бывший командир полка гвардии подполковник Александр Лебедев. Лебедев — личность неординарная. Офицер, обладающий высоким человеческим тактом, необходимой жесткостью, волей, нетерпимый к двурушничеству, многословно, лени, барство в любой форме. Он появлялся в расположении полка в половине седьмого утра, уходил ближе к ночи. Он умел выслушать каждого солдата, вникнуть в суть его проблем. Его любили, и я склонен думать, что в большой мере именно благодаря Лебедеву в полку был создан необходимый морально-психологический климат.

Одно печалит: Лебедев пробыл командиром недолго, года полтора. Останься он еще хоть на год, практической пользы это принесло бы еще больше, он смог бы закрепить, упрочить дисциплину, сделать полк еще более монолитным в боевом отношении. Но с этим не посчитались в вышестоящем штабе, рассудив, что хорошему офицеру надо расти. Кто спорит? Растить надо. Но не вредит ли подобная поспешность главному, ради чего трудится офицер, — воспитанию воинского коллектива.

Полк принял гвардии майор Евгений Савилов. Он, как и Лебедев, прошел Афганистан, бывалый десантник, очень спортивный, легкий на подъем. Задача у него сложная — не просто удержать полк на позициях, которые тот занял под командованием Лебедева, но и пойти дальше. Получится ли?

Станислав
Куняев

ЖИЗНИ

Вновь совесть препятствует
выиграть бой...
Постыдна победа любой ценой!
Я знаю: наивные люди
любимцу фортуны не судьи.
Толпа и молва удалцу не судья —
лишь совесть,
лишь совесть,
лишь совесть твоя...

Покинет — и будешь, как перст одинок,
влачить своей славы позорный венчик.

Сильные мира сего,
видеть железные длани,
замкнутость, спесь, торжество —
не по душе, я не с вами.
Слабые мира... Увы,
видеть потухшие очи,
рабский наклон головы
нет ни желанья, ни мочи.
Вст и живи не тужи,
не выдавая кручины,
в поисках близкой души
иль золотой середины.

Я руки раскину и выйду в поля,
в осенних полях ни души.
О, мать родная, сырая земля,
о чем ты молчишь, Расскажи.
Услышу с реки нарастающий хруст —
вода превращается в лед,
гляжу — востепенулся раковый куст,
под северным ветром поет:
— Забудем о злобе текущего дня,
подыдем глаза в синеву
и скажем друг другу: — Поймите меня,
простите, покамест живу.
Недаром бормочет о каждом из нас
полуночный ветер во мгле,
что вешнего колоса семя не даст,
пока не истлеет в земле.

Иссякнут золото и нефть,
иссякнут пища и одежда,
но человек не верит в смерть,
покамест теплится надежда.
А выболит она, как боль,
и, человечество спасая,
останется одна любовь,
которой ни конца, ни края.

Я уткнулся в китайскую стену
и подумал: а кто же на смену
подойдет, чтобы делу помочь —
одному мне осилить невмочь...
Оглянулся — товарищей нету,
с кем собирался по белому свету
до китайской стены добрести...
Все случается в дальнем пути.

Очередная глава
прожитой жизни закрыта...
Что же так пахнет трава,
что так трепещет ракета?
Помнится, сколько живу,
это бессмертное древо,
врезанное в синеву,
землю связует и небо...
Что же мне делать? Тайком
с ним, бессловесным, обняться?
Стать навсегда стариком?
Юношей вечным остаться?
Глажу ладонью кору,
слышу, как древо бормочет
что-то листвою на ветру,
словно прощаться не хочет.

Победное лето. Салюты.
Предчувствие тяжелой страды.
Но все же такие минуты
превыше нужды и беды.
Два зарева — горе и слава —
сияли во весь окоем,
и были народ и держава
едины в порыве своем.

Что-то случилось со мной —
жженье в груди прекратилось,
выдохся жар нутряной,
боль, словно ток,

заземлилась.
Вновь открываю глаза,
вижу, как вечер синее,
слышу, как пахнет лоза,
сеном и влагою веет.
Боль заземлилась, как ток,
в черную почву впиталась,
вытекла в желтый песок,
малая капля осталась.
Видно,

скорее всего
тайный закон мирозданья
взял на себя самого
большую долю страданья.

Я ночью полог отвернул —
дышала свежестью долина,
а шум реки и жизни гул
переплелись воедино.
Высокогорная гроза,
ее сверкающая сила
заставила сомкнуть глаза —
аж на мгновенье ослепила.
Опять, как в позабытом сне,
рычат чабанские собаки,
опять шиповник льнет ко мне
и нежно рвет рукав рубахи.
А я с печалью говорю:
будь эти дни благословенны!
И матушку благодарю
за все наследственные гены.

Надо сплотиться, чтоб зло победить,
надо — плечами к плечам...
Но принудиловку трудно любить,
тяжко молиться мечам.
Значит, победа немного не та,
коль в победившей груди
разноголосица и маета.
Значит, борьба впереди.

Кузнечики взлетали и парили
на голубых и розовых крылах,
и, приземляясь в заросли полыни,
вдруг опускали серые подкрылья
и тут же пропадали на глазах.
Их укрывали травы и земля.
Мелькнуло тело — видимо, змея.
Мелькнуло и пропало.
Под кустами
сидела ящерица зеленая семья,
спасительными шевеля хвостами.
Хвосты, полоски, серые подкрылья —
их от врагов спасала мимикрия.
Увы, я этих качеств не имел,
я жил рискуя, словно бы в рассрочку,
завернутый в иную оболочку,
я отличался от ползучих тел.
(А впрочем, ползал, раздвигая злаки,
когда носил одежду цвета хаки.)
Я отличался весом, ростом, тенью,
я мог служить прекрасною мишенью,
наверно, с точки зрения змеи,
несовершенны органы мои,
а тело так бесчувственно, так слепо,
громоздко, неуклюже и нелепо.
Да, таково действительно оно.
Да, таково, поскольку с точки зрения
защиты, нападения, подозрения
утратило оно давным-давно
способность и талант приспособления.

Вновь странствуя в отеческом краю,
сбирая память по мельчайшим крохам,
я, русский человек, осознаю
себя как современник всем эпохам.
Пускай их тяжесть давит на плеча,
но я их вырву из тенет забвенья,
когда, то протестуя, то шепча,
мне говорят родные поколения:
— Не подводи полузабытых нас,
и без того судьба была сурова,
но, может быть, придет желанный час
и наши муки воплотятся в слово.
Изломаны огнем и клеветой,
мы выжили, как куст чертополоха,
который вдруг увидел Лев Толстой,
чтобы поведать о судьбе простой
Хаджи-Мурата, кончившего плохо.

Ведущий в строгом костюме с бабочкой меньше всего походил на спортивного комментатора. Расставленные полукругом стулья, цветы и яркие танцевальные костюмы больше располагали к концертному шоу, нежели к спортивному состязанию. Зазвучал рок-н-ролл, на площадку одна за другой вышли пары. Каждая со своей музыкой, своей программой. В ней было все: и сложные трюки, и пируэты, и поддержки; и хотя участники исполняли все-таки танец, это было новое зрелище — акробатический рок-н-ролл.

Английское слово «рок-н-ролл» значит «качайся и крутись». Акробатика переводится с греческого как «хожу на цыпочках, лезу вверх». Теперь если все это соединить с быстрым темпом, точностью движений, гибкостью и ловкостью исполнителей, то получится новый вид спорта. Первый турнир по акробатическому рок-н-роллу состоялся в Москве.

— Мы очень рады, что вырвались наконец из неизвестности и стали официально признанным видом спорта, у которого, хочется надеяться, большое будущее, — сказал Алексей Голев, единственный у нас в стране лауреат международного конкурса исполнителей рок-н-ролла, первый тренер секции акробатического рок-н-ролла при МГС «Локомотив».

Первые спортивно-акробатические танцы появились у нас в стране еще в середине двадцатых годов. В платных танцевальных студиях устраивались вечера-балы, на которых можно было демонстрировать акробатические элементы. А на петроградской эстраде танцевальный дуэт О. Мунгалова и П. Гусев, ошеломляя зрителей сложными поддержками и энер-

гичной манерой исполнения, создавал на сцене впечатление настоящего спортивного соревнования. Почти все балетмейстеры страны вводили тогда в свои постановки гимнастические и акробатические движения.

В пятидесятые годы из Америки пришел рок-н-ролл, и молодежь, которая хотела танцевать что-нибудь новое, подчинила акробатические трюки динамике и ритму этого танца. Во многих странах акробатический рок-н-ролл стал складываться в самостоятельный вид спорта, а когда в начале восьмидесятых новая волна рок-н-ролла захлестнула дискотеки, самостоятельные группы танцоров стали появляться и у нас в стране. Рок-н-ролльщики, как их называли, сами подбирали музыку, придумывали новые элементы, и однажды, организовав просмотр, Алексей Голев предложил им объединиться в спортивную секцию.

— Мы не стремимся сделать этот вид спорта элитарным, — говорит он, — главное его преимущество в доступности. Начинать можно и в 10,

и в 30 лет. Пусть танцуют все, независимо от роста, веса, одаренности. А если кто-то блеснет талантом — путь в большой спорт ему не закрыт.

Сейчас, помимо основной группы при «Локомотиве», в Москве работают секции при МГУ, молодежном центре Брежневского района. Конечно, этого маловато, поэтому уже сегодня очень остро стоит вопрос создания городского хозрасчетного культурно-спортивного клуба. В нем можно будет тренироваться, послушать лекцию о музыке, хореографии, эстетике, получить медицинскую консультацию, воспользоваться услугами массажиста, посмотреть видео... Это не розовые мечты, а вполне осуществимая идея. Причем это будет не только спортивный клуб, но своего рода клуб по интересам для тех, кто любит музыку, спорт, танец.

— Чем так привлекает молодежь акробатический рок-н-ролл? — спрашиваю у четверокурсника философского факультета МГУ Вячеслава Хлопкова. Вместе с Еленой Рябишиной, тоже студенткой университета,

он стал первым чемпионом Москвы по новому виду спорта.

— Во-первых, — объясняет Слава, — удивительным сочетанием артистичности танца с техникой акробатики. Мы много времени уделяем физической подготовке, ведь в одном танце 8—10 трюков, но в то же время учимся импровизировать, творчески мыслить, ведь каждая пара — индивидуальность. Во-вторых, возможностью самоутвердиться, найти себя. Посмотрите, сколько ходит молодых ребят, «потерянных» для большого спорта. А у нас и в 30 лет можно стать чемпионом. В-третьих, это современно, оригинально, необычно, а молодежь всегда привлекает новое.

Слава говорит это со знанием дела. Увлечение акробатическим рок-н-роллом — «практическая часть» его научной работы. На кафедре коммунистического воспитания он занимается проблемами молодежного досуга.

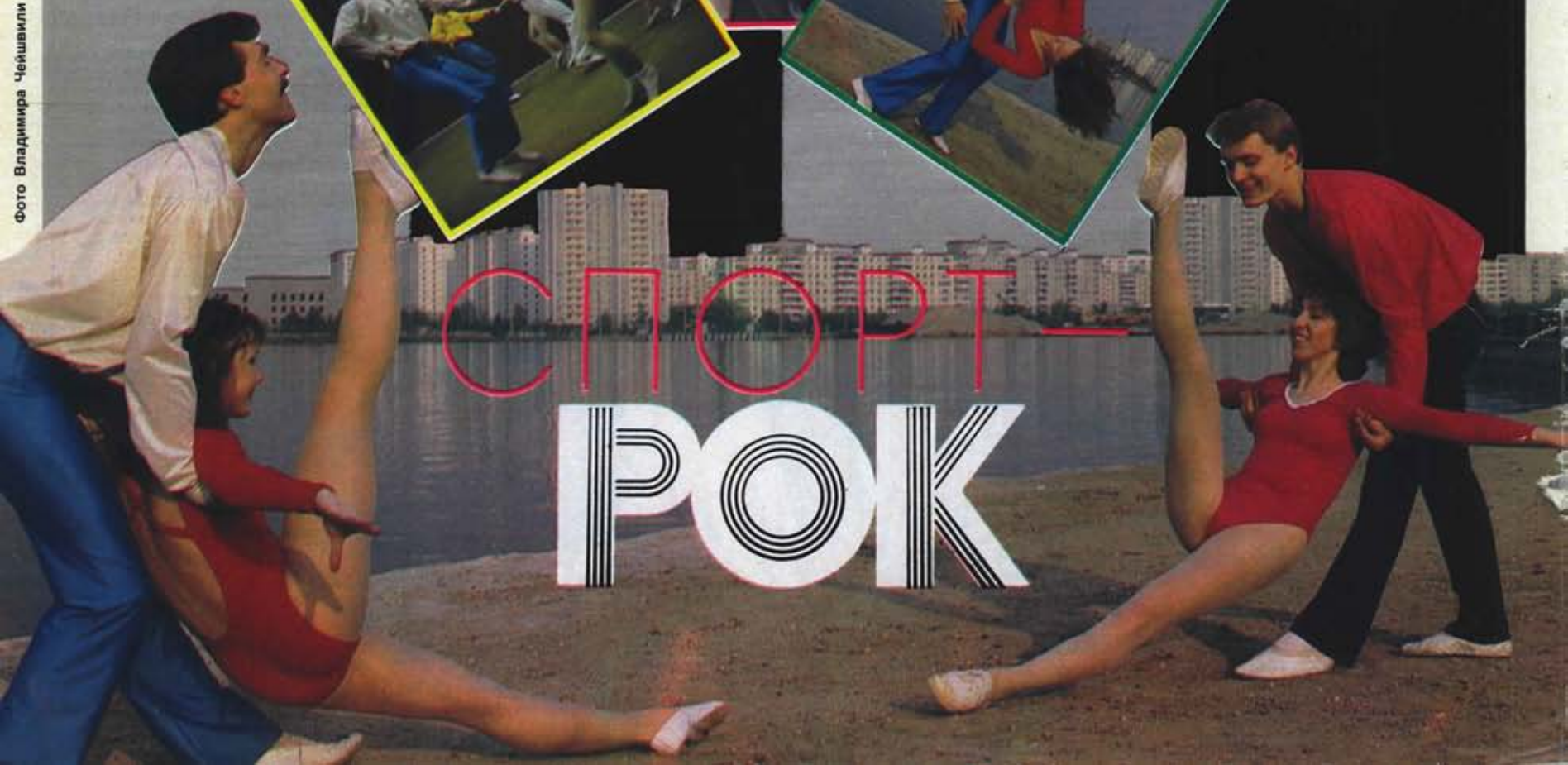
Сейчас много говорится о том, что молодежи не хватает по-настоящему массовых популярных соревнований. Одним из них могут стать чемпионаты по акробатическому рок-н-роллу. Дело за Госкомспортом СССР, который решает вопрос о создании федерации, разрабатывает разрядные нормативы, определяет точные критерии судейства.

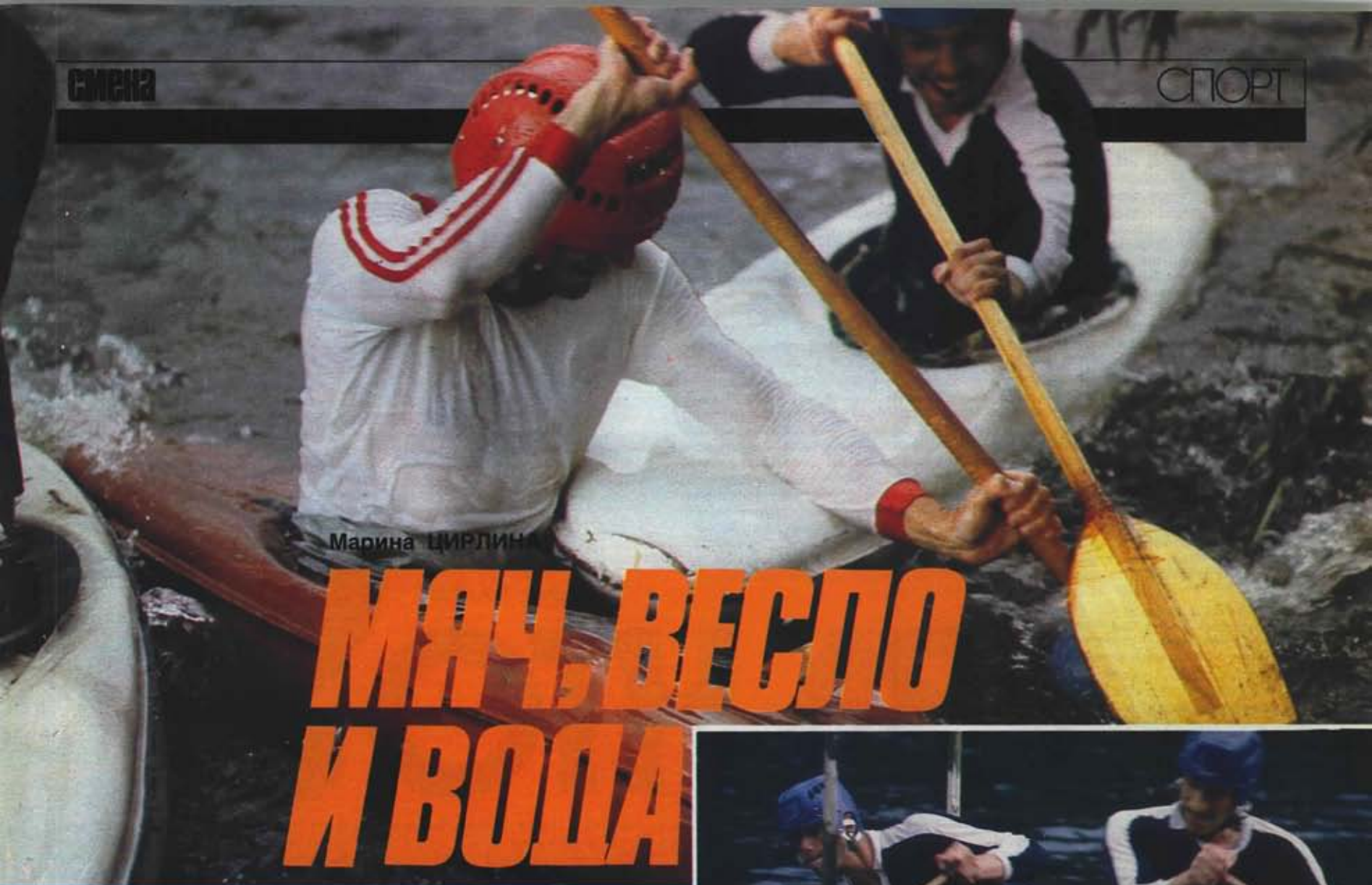
Всемирная конфедерация акробатического рок-н-ролла существует уже более четверти века и ежегодно проводит мировые и европейские чемпионаты, национальные первенства. Этот вид спорта культивируется в 40 странах мира. Спорт покоряется танцу, танец спорту, а вместе они покоряют сердца.

Оксана СУББОТИНА

Фото Владимира Чейшвили

Марина ЦИРЛИН

МЯЧ, ВЕСЛО И ВОДА

Мяч метался между лодками, зависал, взлетая, в воздухе, вновь плюхался на воду, поднимая фонтаны брызг, и вдруг... исчез. Зрители недоуменно переглядывались, но раскатистый свисток все объяснил: удаление. Топить мяч по правилам кану-поло запрещается. И провинившийся игрок понуро погреб к берегу.

У нас в стране с этой диковинной игрой, о месте и времени рождения которой до сих пор не стихают ожесточенные споры, зрители впервые познакомились на показательных выступлениях в программе Игр доброй воли. Болельщики пришли в восторг от необычного зрелища, но были в тот день на берегу и спортсмены — участники Игр. Гребцы, например. Сначала они несколько снисходительно поглядывали на кануполотистов, потом попросились попробовать. Скопление народа их, похоже, нисколько не смущало — вода ведь родная стихия. И в лодках они действительно сидели как влитые. Вот только мяч их никак не слушался — все куда-то уплыть или улететь норовил. Теперь уже усмехались кануполотисты — игра-то, оказывается, требует навыков.

Гребное поло — своеобразный гибрид поло водного, тенниса и... футбола. Да, да, ведь мяч здесь нельзя топить и задерживать в руках или в лодке свыше трех секунд. Касаться же его можно любой частью тела, и самые, поверьте, эффектные мячи в сетку ватерпольных ворот забиваются головой. С футболом кануполо роднят и размеры «поля», и способы ввода мяча в игру — те же ауты, угловые, штрафные удары, нет

только что положений вне игры: водные «офсайды» вызывали бы, пожалуй, слишком уж большие разногласия.

Первыми у нас новую игру освоили все-таки гребцы — воспитанники тренера Сергея Папуша из секции водного слалом московского «Буревестника». «Школа Папуша» имеет давние традиции, члены секции составляют основу сборной Москвы, а лидеры, такие, например, как Леонид Поляев и Лев Макаров, неоднократно брали первые призы и на всесоюзных соревнованиях.

Как впервые в воде рядом с ними оказался мяч, слаломисты теперь уж и не помнят, но забава быстро переросла в увлечение, а на тренировках стала одновременно и подспорьем, и такой нужной разрядкой. Ловкое обращение водников с мячом вскоре заметили, стали приглашать для участия во всевозможных шоу — кануполо все же пока больше воспринимают как развлечение, нежели как серьезную спортивную игру, но со временем на смену показательному этапу придет, наверное, и соревновательный.

Интерес к себе необычный вид спорта сразу возбудил немалый, и байдэрочный эллинг № 2 на речке Сходня, где базируется хозяйство Папуша, повидал уже немало визитеров со всех концов страны. В советах и консультациях здесь никому не отказывают, но надо уже и делом помочь энтузиастам, ведь отечественная промышленность не выпускает даже ватерпольных ворот, а специальных игровых лодок в Самарканде было изготовлено лишь десять штук — опытная партия. В будущем, возможно, наладится и серийный их выпуск. Но играть-то многие хотят уже сейчас.

Фото Владимира Васильева

Два года назад ко мне, незнакомому человеку, пришли жена и муж Сергеевы. Пришли, чтобы поделиться своим горем. Их сын, Вадим Сергеев, осужден на шесть лет.

— Представьте, что где-то километрах в двадцати — двадцати пяти от вас совершено преступление. Вы не слышали о нем, не подозреваете о существовании его участников. Вы в это время находитесь у себя дома. Пьете чай, подметаете пол, читаете книгу. Но вдруг вас хватают, ведут в милицию и обвиняют. И, мало того, осуждают...

«Уважаемые товарищи, к вам обращаются друзья, родители, товарищи по учебе и работе одного молодого человека, которого осудили, хотя он и не совершал никакого преступления... Убедительно просим помочь нам найти правду и справедливость, которые нужны этому человеку. Уже скоро два года, как он в заключении, а наши письма и заявления отправляют из инстанции в инстанцию, и мы теряем веру в закон...» Тридцать пять подписей — и отписка: «Действия квалифицированы правильно. Оснований для опротестования приговора не имеется».

«Мы, бывшие одноклассники Вадима Сергеева, проработавшие с ним десять лет, знаем его как самого добродушного и уравновешенного парня... Мы сомневаемся в его причастности к делу, за которое он приговорен к лишению свободы, и обращаемся к суду с просьбой повторно, более тщательно разобраться в происшедшем. Мы полностью доверяем его честности и абсолютно уверены в нем. Поступок, в котором он обвиняется, просто противоестествен для него. Мы ручаемся за Вадима Сергеева». Двадцать шесть подписей и снова та же стандартная отписка: «Оснований для опротестования приговора не имеется».

26 мая 1984 года в половине третьего дня в районе озера Глубокого, что лежит в пригородной зоне Казани, группой молодежи было совершено преступление. Вадим Сергеев, как утверждал он на следствии и на суде, в это время находился у себя дома. Это подтверждают его тетка А. Ефимова и девятилетняя девочка Л. Дубравина, неродная внучка Ефимовой. В тот день они были в церкви и, выйдя из него, в три часа дня звонили Сергеевым домой и разговаривали с Вадимом. Позже эти свидетельства будут отброшены следствием, судом и надзорными инстанциями как неубедительные в виду того, что А. Ефимова — родственница Вадима.

Работники уголовного розыска Кировского РОВД Казани 31 мая проводили в районе озера Глубокого операцию по «превентивному задержанию». В тот день комсомолец Сергеев поехал устраиваться пионервожатым в один из пионерских лагерей, в кармане у него был паспорт, и, надо же, возвращаясь домой и ожидая на остановке автобуса, попал в «операцию». Подъехала милиция, и 20—25 ребят, возвращавшихся домой после купания на озере, и в их числе Вадим Сергеев, были посажены в машину и доставлены в Кировский РОВД на допросы.

Четверо суток провел Сергеев в Кировском РОВД, пройдя через серию допросов. Дома у него был произведен обыск. Неизвестно, что искали, и, естественно, ничего не нашли. На процедуру опознания потерпевшая Г. С. не опознала в лице Вадима преступника, и следователь А. Макаров, определив, что Вадим не причастен к делу, на исходе четвертых суток отпустил его домой.

К сожалению, паспорт — роковой момент в судьбе — случайно остался в милиции. Сам Вадим думал, что потерял его, когда их «грузили» в машину,

но паспорт не потерялся. Через три месяца, 29 августа, он увидел его в руках следователя УВД Казани В. Попова. Снова допросы, снова арест. Потерпевшая Г. С. на вторичном опознании вдруг опознала его. Некие Леонов и Балякин, которых Вадим увидел впервые только на опознании, вдруг стали говорить, что видели его 26 мая вблизи места преступления. Сергеев, естественно, все отрицал.

Проводился ли следственный эксперимент и выяснилось ли обстоятельство, мог ли Сергеев за полчаса доехать с озера Глубокого до дома? Нет, такие подробности никого не интересовали. 17 декабря 1984 года Кировский районный суд Казани в составе председательствующего Н. Золотова, народных заседателей А. Сайфутдиновой и В. Алексеева с участием прокурора И. Раянова приговорил группу молодежи к различным срокам заключения, и среди прочих Вадима Сергеева — к шести годам с отбыванием срока в исправительно-трудовой колонии усиленного режима.

ЗАЧТО?

На суде выяснились поразительные детали. Прочитав строки из приговора: «В судебном заседании Леонов изменил свои показания, стал говорить, что фактически на предварительном следствии спутал Сергеева с кем-то другим. Был ли Сергеев на месте преступления, он утверждать не может... В судебном заседании Г. С. изменила свои показания. Участвовал ли в преступлении Сергеев, она сказать не может, возможно, она спутала его с кем-то другим». Рухнули, таким образом, показания главных свидетелей обвинения (Балякина на суде не допросили).

Из показаний в суде Леонова выяснилось и то обстоятельство, как появились эти свидетельства. Следователь В. Попов для опознания Вадима Сергеева использовал его паспорт. Так, когда Леонов назвал приметы одного из участников преступления — толстый, здоровый парень, — следователь показал ему паспорт Сергеева и сказал, что это он. Подсказка следователя закономерно и привела к ошибке. Не исключено, что таким же образом «опознала» его 29 августа и Г. С. Во всяком случае, полностью изменив свои показания на суде, Г. С. перед вынесением приговора обратилась к судье Н. Золотову еще и с письменным заявлением, где утверждала, что спутала В. Сергеева с С. Шепелевым, похожим на Вадима внешне. Судья не принял этого ее заявления.

Ошибка следствия, как известно, может поправить суд. А если и суд ошибся, над ним стоят структуры высшего порядка: они-то уж разберутся в кассационных жалобах, не дадут пропасть человеку, если он безвинен.

13 марта 1985 года состоялась заседание судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда ТАСССР. Вот несколько строк из определения: «Судебная коллегия установила: в кассационных жалобах осужденный Сергеев В. А. и адвокаты Доберштейн В. А., Кузовов В. И. просят приговор суда отменить и дело производством прекратить или направить на дополнительное расследование... Потерпевшая Г. С. просит оправдать Сергеева В. А., который не участвовал в преступлении. Указывает, что при опознании ошиблась и в настоящее время твердо уверена

в участии в преступлении Шепелева С. П., а не Сергеева В. А.».

После того, как судья Н. Золотов не принял ее заявления, Г. С. обратилась с заявлением, утверждавшим полную невиновность Сергеева, в Верховный суд ТАСССР. И вот на заседании судебной коллегии это заявление прозвучало. Предварительным следствием и Кировским райсудом, с точки зрения адвоката, не были исследованы обстоятельства, дающие все основания привлечь к ответственности других людей, причастных к преступлению. Некоторые особые приметы, по которым Г. С. описала «полного, здорового» парня, совсем не совпали с особыми приметами Сергеева. Еще в первом заявлении Г. С. указывала, что зубы у парня «редкие, кривые, как будто выходят наружу при разговоре, а уши у него кривые, оттопыренные». Какие же зубы у Вадима Сергеева, тоже, кстати, полного и здорового парня? Оказывается, «маленькие, ровные, плотные». А уши? Уши «прижатые».

Увы, даже «зубы и уши» не смог совместить друг с другом высококвалифицированный следователь В. Попов. Вместо здорового и полного С. Шепелева подвел «под монастырь» здорового и полного В. Сергеева: подошел «по габаритам».

В преступлении участвовали две группы молодежи: первая группа в шесть человек — постарше и поздравнее и вторая из восьми человек — мелюзга. Из тех, что поздравнее, установить никого не удалось — шестеро преступников остались на свободе, — и здесь Вадим Сергеев следователю Попову, возможно, оказался весьма кстати. Заполнил, так сказать, брешь. Потерпевшая Г. С. и адвокат В. Кузовов — все не органы следствия — указали на еще одного возможного участника преступления — С. Шепелева, а также натолкнули суд на мысль, что Вадим Сергеев по случайному стечению обстоятельств «сыграл роль» двойника Шепелева, а потому и осужден вместо него.

Какие еще аргументы были у адвоката? Свидетель Балякин, согласно его точке зрения, имел непосредственное отношение к преступлению, поэтому с особой тщательностью необходимо

Мы верим:
суд всегда прав.
Судьи не имеют права
на ошибку, потому что
каждая из них дорого
обходится не только
человеку, но и всему
обществу. И нам надо
сделать сегодня все
для того, чтобы суд
был действительно
всегда правым
и человечным.

Диас ВАЛЕЕВ

было проверить в суде его показания о том, что он якобы ранее неоднократно встречался с Сергеевым, хорошо знал его в лицо, знал его друзей и был с ним, Сергеевым, в хороших отношениях. Сергеев и Балякин имеют разницу в возрасте, да и по части интересов между ними нет ничего общего. Сергеев утверждал, что он вовсе не был знаком с Балякиным, и поэтому суду необходимо было выяснить, когда, где и при каких обстоятельствах встречался Балякин с Сергеевым, кого из друзей Сергеева знал и не мог ли спутать его с кем-нибудь. Но — не странное ли дело? — Балякин не был допрошен на суде.

Наконец, обвинение против Сергеева строилось еще и на некоторых показаниях ребят, говоривших на допросах у Попова спустя три месяца после происшедших событий, что 26 мая они якобы видели его либо на озере, либо в автобусе, едущем к озеру. Напомним: Сергеев утверждал, что он находился дома, а эти свидетельства вроде бы указали его во лжи. Не правда ли, весьма «серьезные» свидетельства обвинения!

Попробуйте вспомнить, дорогой читатель: кого из знакомых или незнакомых вы видели ровно три месяца назад, где и во сколько часов? Предположим, вы видели своего знакомого в трамвае. Сможете вы безапелляционно утверждать, что видели его в строго определенный день и час спустя три месяца после рядовой, ничем не примечательной встречи? Вероятно, и здесь не обошлось без подсказок следователя Попова. Не случайно ведь в конце концов свидетель Гайсин на судебном заседании, а свидетель Колоколов в кассационной жалобе изменили свои показания и стали утверждать, что видели Сергеева на озере на другой день. Суд не признал сделанные ими показания правдоподобными. Кроме того, свидетели Гагаров, Карасев, Колоколов на допросах у Попова — опять же спустя три месяца после событий — говорили относительно Сергеева противоречиво, но Кировскому райсуду было не до таких мелочей.

Прав, я думаю, адвокат и относительно того, что проверка алиби Сергеева не была проведена. И, наконец,

еще одно весомое доказательство, свидетельствующее в пользу непричастности Вадима Сергеева к делу, — подсудимые Юсупов, Хафизов, Головачев, Мингалеев, непосредственные свидетели преступления Кочуев, Абдулхалимов, Тиммершяхов, Каримов не говорили в своих показаниях и во время следствия и на суде, что Сергеев был на месте преступления. Прибавьте к этому списку еще показания Леонова на суде, где он сказал о том же.

И получается любопытнейшая картина: сами преступники не говорят, что Сергеев там был, и не признают его как соучастника, потерпевшая Г. С. утверждает, что ошиблась и что он не участвовал в преступлении, сам Сергеев отрицает свою вину, свидетели не говорят, что он присутствовал... А что же суд? Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда ТАССР на своем заседании 13 марта 1985 года продублировала ранее вынесенный приговор.

Родители Вадима и адвокат, естественно, не успокоились. Включился в «дело» и я. Жалобы надо было проверять — и тогда в порядке надзора Прокуратура ТАССР поручила эту работу Кировскому РОВД Казани. Любопытный поворот, не правда ли? Там, где заваривали кашу, там и стали ее доваривать.

Было возбуждено уголовное дело на С. Шепелева, дело вели, сменяя друг друга, следователи Кировского райотдела милиции А. Гениатуллин, Х. Гильметдинов, затем следователь прокуратуры Кировского района В. Антонов. Неизвестно, чем это было вызвано, но факт: на допросах у следователя Гениатуллина потерпевшая Г. С. вдруг снова изменила свои показания. Теперь она стала говорить, что на месте преступления были и Шепелев, и Сергеев. Видимо, следствию нужно было в новых обстоятельствах во что бы то ни стало «спасать» свою старую версию.

В разговоре со свидетелем А. Ахметзяновым, записанном в июльские дни 1985 года на магнитофонную ленту и предъявленном в Прокуратуру ТАССР, Г. С. объясняла: «...Сергеева я там не видела, я видела Шепелева». На вопрос Ахметзянова, почему же в таком случае подписала протокол, что на месте преступления были и Шепелев, и Сергеев, девушка ответила: «Что бы я ни говорила в оправдание Сергеева, они (следователи) и слушать не хотят... Его все равно не оправдают! Суд себя виновным считать не будет».

Ввиду резкого протеста родителей, который был доведен до сведения начальника Кировского РОВД Казани и прокурора ТАССР, следователь Гениатуллин был отстранен от ведения следствия. Но, собственно, дело им было уже сделано: протокол с новыми показаниями Г. С. уже фигурировал в деле как новая «козырная» карта следствия. Ведение уголовного дела передали Х. Гильметдинову.

Сергеев его не интересовал, поскольку уже был осужден, а интересовал Шепелев. Именно он, Гильметдинов, и арестовал Шепелева, который признался в преступлении и на предварительном следствии, и на суде, приговорившем его к шести годам заключения. В своих показаниях он, кстати, утверждал, что никакого Сергеева на месте преступления не было.

...Вот они все передо мной — ответы-отписки официальных лиц на бесконечные просьбы родителей, друзей, знакомых, адвокатов, писателей, редакций газет разобраться в существе дела Сергеева.

Из Казани — ответы прокурора Кировского района Р. Вагизова, заместителя прокурора города В. Красова, начальника отдела по надзору Прокуратуры ТАССР И. Борисова и П. Петрова, председателя Верховного суда ТАССР Г. Баранова.

Из Москвы — ответы заместителя

начальника управления по надзору за рассмотрением уголовных дел в судах Прокуратуры РСФСР Е. Дюковлеовой, начальника управления по надзору А. Сурина, члена Верховного суда РСФСР Б. Буровой, заместителя прокурора РСФСР Н. Трубина.

Перебираешь ответы, тасуешь их, как карты, снова и снова вчитываешься в одни и те же строки (все ответы написаны словно под копирку), и, честно говоря, охватывает трепет. Стена! Везде ссылки на показания потерпевшей Г. С., данные ею на допросах у следователей Попова и Гениатуллина, но не в суде и в кассационных жалобах, где они абсолютно полярны (Г. С. в общей сложности четырежды меняла свои показания); на показания Леонова, добытые на предварительном следствии, но опять же не в суде, где он полностью изменил их, а также на слова Гайсина, Колоколова, Гагарова, якобы видевших Вадима Сергеева 26 мая 1984 года в автобусе, на пляже, на остановке, но не на месте преступления («серьезнейшие» доказательства обвинения).

Не выдержав, что их показания, данные ими спустя три месяца после происшедших событий, показания, за достоверность которых они абсолютно не отвечают, без конца используются судебными и надзорными инстанциями для обвинения Сергеева, свидетели Гайсин, Мовлевиев, Гагаров сами пишут жалобы в Прокуратуру РСФСР, где указывают, что, возможно, видели Сергеева совсем в другой день, сами едут в Москву, где обращаются в редакцию одной из газет, — бесполезно!..

Не раз во мне закрадывалось сомнение: быть может, я чего-то не понимаю? Ведь такая уверенность у этих людей! Но потом сомнения у меня исчезли. Я понял эту неведомую нам, простым смертным, правду — правду ведомственного эгоизма, правду ведомственной круговой поруки.

В № 22 «Смены» за 1986 год я опубликовал очерк «Честь и честность» — о подполковнике милиции в отставке, бывшем следователе Наиле Бадретдиновиче Абзалове. В течение более двадцати лет в расцвет «щелоковщины» он вел упорную борьбу с различными отступлениями от законности в системе МВД, в которой работал, в частности, борясь с такой застарелой и трудно поддающейся лечению «болезнью», как укрытие преступлений от учета в целях очковитирательства. И немало претерпел за это: выбрасывали с работы следователя, пытались состряпать на него фальшивое уголовное дело. Борьба была ожесточенной. В конце концов подвело здоровье: Абзалов стал инвалидом. Но остался непобежденным. Двадцать семь лет работы в органах МВД, и главное — честной, фанатичной работы! Огромный опыт за плечами — был следователем, руководил следствием. С имеющимся на руках «досье» Сергеева прихожу к нему, так сказать, персонажу своего предыдущего очерка.

— Что видно из материалов? — начал он. — Винодность Сергеева в предъявленном обвинении вызывает большое сомнение. Еще до суда доказательств в отношении его были очень шаткими. На основании их нельзя было предавать его суду. Прокурор, утверждавший обвинительное заключение, должен был обратить внимание на неполноценность доказательств по части Сергеева и на нарушение процессуальных норм ввиду того, что Сергеева повторно провели через процедуру опознания.

31 мая потерпевшая Г. С. не опознала Сергеева как участника преступления, но видела его в числе предъявленных ей на опознании. Повторное предъявление — это уже нарушение норм УПК. Кроме того, другие участники преступления не показали на Сер-

геева как на соучастника, хотя сами признались в своих действиях.

Показания Леонова на предварительном следствии в отношении Сергеева были единственным доказательством, и потому они вызвали сомнение. Г. С. и Леонов могли добросовестно заблуждаться. Что и подтвердилось на суде, когда они полностью изменили свои первоначальные показания. Кроме них, никто, ни один человек не говорил, что видел Сергеева в момент совершения преступления. А те свидетели, которые утверждали, что видели Сергеева 26 мая на озере или в автобусе, тоже могли заблуждаться. Времени от момента совершения преступления до допроса прошло немало. И когда на судебном заседании Г. С. и Леонов изменили свои показания в отношении Сергеева, в деле не осталось никаких достоверных доказательств о его виновности. Суд, следовательно, не должен был, не имел оснований выносить в отношении его обвинительный приговор. Материалы в отношении Сергеева необходимо было выделить в отдельное производство и направить на доследование или прекратить его. Суд второй инстанции не исправил эту ошибку суда первой инстанции. Странно, что и Верховный суд РСФСР не обратил на это внимания.

Почему меня так взволновала судьба неизвестного мне паренька и я так подробно стал описывать «механику» его осуждения? К сожалению, тот переплет, в который он попал, не единичное явление.

Вот передо мной лежат письма, пришедшие ко мне из разных концов страны. К писателям люди нередко обращаются со своим горем, своей бедой. Одним только словом в данном случае веры нет, бумага, как говорится, все стерпит. Но эти люди и не требуют, чтобы им верили на слово. Они просят одного: чтобы их уголовные дела подвергли проверке. Один из них пишет мне: «Помогите, пожалуйста! Я понимаю, Ваши возможности ограничены. Но мне нужен только совет, куда мне обратиться за помощью для проверки моего дела. Ведь никто не хочет даже выслушать меня — отовсюду идут казенные отписки!»

Бесспорно, правоохранительные органы страны выполняют огромную работу по очистке нашего общества от всякой скверны. Скажем им за эту повседневную заботу о нас спасибо и не будем забывать о ней. Но в то же время не будем забывать и о том, что многих из нас тревожит. Я уже говорил о такой застарелой «болезни» правоохранительных органов, как никуда не годная учетно-регистрационная дисциплина. Эта болезнь известна, о ней не раз писала пресса, и кое-что по лечению этой болезни сейчас уже делается.

Но есть и другая болезнь, менее известная общественности, — это «списание» правоохранительными органами зарегистрированных преступлений по адресу случайно подвернувшихся людей. В целях все того же очковитирательства. Облегчения собственной работы. Для того, чтобы не ломать голову в поисках действительного преступника.

Если мы будем давать жесткий, бескомпромиссный бой каждому факту несправедливости, если мы все не будем проходить равнодушно мимо того, кто, попав в беду, молит нас о спасении, если мы будем предельно неуступчивы к любому злу, в большом или малом, то жизнь в нашем доме станет лучше, человек почувствует себя увереннее.

Вот почему мы обращаемся к Верховному суду СССР и просим считать этот материал официальной читательской кассационной жалобой по «делу» Сергеева Вадима.

В последнее время в печати шла дискуссия по поводу так называемых «шабляников». Одни предлагали запретить использование их труда, другие, напротив, ратовали за его организационное оформление. Хотелось бы знать: как решился этот вопрос и какие права появились у таких временных бригад?

Ю. ЕМЕЛЬЯНОВ,
г. Горький

Действительно, была обобщена практика работы временных бригад в различных регионах страны. В результате признано, что такие бригады при правильной организации труда и соответствующем законодательном урегулировании их деятельности могут создаваться и привлекаться для строительства и ремонта хозяйственных, жилищных и культурно-бытовых объектов.

С учетом этих данных Совет Министров СССР принял постановление «Об упорядочении организации и оплаты труда временных строительных бригад». В развитие этого постановления Госкомтруд СССР и Секретариат ВЦСПС 19 июня 1986 года утвердили положение о порядке проведения работ временными строительными бригадами и форму типового договора, заключаемого с такими бригадами. В этих нормативных актах установлено, что выполнение бригадами комплекса, этапа или отдельных работ может осуществляться только на основе договора между колхозами, совхозами, другими предприятиями, организациями, с одной стороны, и временными бригадами — с другой. При этом договор должен быть зарегистрирован в исполкоме местного Совета народных депутатов.

Контроль за правильным оформлением договоров, проверку хода самих работ, указанных в договоре, условий оплаты труда, расчетов заработной платы осуществляет вышестоящий орган, которому подчинено предприятие (организация), заключившее договор с бригадой. В колхозах это — районное агропромышленное объединение. На всех членов бригады, принятых на работу на условиях, предусмотренных положением о труде временных строительных бригад, распространяются нормы действующего трудового законодательства. Вместе с тем с учетом ограниченного срока договора режим работы бригады (начало работы, время обеденного перерыва и окончание работы) устанавливаются по согласованию сторон.

Договор о работе в составе временной строительной бригады может быть заключен с лицами не моложе 16 лет по предъявлении паспорта, а для военнообязанных — военного билета. Необходимо также справка с постоянного места работы (учебы) о предоставлении отпуска, а для колхозников — документ, подтверждающий согласие правления колхоза на выезд для работы с указанием срока, на который дано согласие. Для поступающих на работу впервые или временно не работающих необходимо представить справку от исполкома местного Совета (пенсионеры представляют пенсионные удостоверения). Оплата выполненной бригадой работы производится по действующим расценкам, как правило, по аккордному наряду, составленному на весь комплекс работ. По согласованию сторон до завершения работ может выплачиваться до 60 процентов заработка, причитающегося за фактически выполненную работу. Окончательный расчет производится после выполнения и приемки всех работ.

Антон КОШКИН

Скажите, можно записаться в клуб биотранспорта?

— А вы, простите, что-нибудь конструируете?

— Одну модель уже собрал — небольшой, правда, велосипед, четырехколесный, на «дутиках».

— Тогда считайте, что главный вопрос решен — вы в клубе. Остаются еще два: какую общественную работу вы готовы взять на себя и сможе-

те ли подъехать сюда в воскресенье на своем изобретении?

— Насчет работы разрешите подумать — не ожидал, что у вас тут все так сразу решается. А приехать, конечно, могу, велосипед у меня испытанный, вот только ГАИ бы по улицам пропустило...

Веломобиль не стал еще частым гостем на наших дорогах. Да и сам термин «биотранспорт» требует, наверное, пояснения. Это все виды безмоторных наземных, воздушных и плавающих транспортных средств, приводимых в действие мускульной энергией человека или с помощью

естественных источников и накопителей энергии — солнца, ветра, волн водной поверхности. Единственный пока в стране клуб его энтузиастов находится в Москве, в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького.

— Все началось двенадцать лет назад с небольшой заметки в газете, проиллюстрированной фотографией какой-то неведомой велокаракатицы, — вспоминает председатель клуба, главный конструктор одного из московских заводов Вениамин Ульяновский (это он на первой минуте знакомства принял в клуб очередно-

го изобретателя велосипеда). — Несмотря на подробное описание, не верилось, что такая конструкция может ездить самостоятельно, да еще быстро. Но какой же конструктор откажется попробовать... Отыскал я два старых, ржавых велосипеда на свалке, сделал кое-какие чертежи, и, представьте, в первую же ночь моего священнодействия эта машина вдруг поехала...

Газетное сообщение попало на глаза, видимо, не одному только Ульяновскому. Во всяком случае, когда через несколько лет в Министерстве автомобильной промыш-

СВОИМИ ХО

КАК ДЕЛА, ИЗОБРЕТАТЕЛЬ?

ленности СССР ему предложили возглавить экспериментальное молодежное конструкторское объединение. Вениамин довольно быстро нашел двадцать пять единомышленников.

Объединение создается хозрасчетное — каждый новый дизайнер или чертежник мог прийти туда на срок, который его устраивал, денежные расчеты производились с ним по взаимной договоренности. Деньги, впрочем, были сравнительно небольшие, и не ради них шли сюда молодые изобретатели. Просто здесь царил истинно творческая атмосфера,

и к любой, самой сумасбродной на первый взгляд идее относились тут с пониманием.

Просуществовал тот коллектив три года и сконструировал за это время шесть моделей для серийного производства. И все они поначалу получили в Минавтопроме одобрение, но с заводского конвейера ни одна машина так и не сошла — договор с конструкторами подписывали одни люди, принимали же модели уже другие, ориентировавшиеся на какие-то свои цели. Достаточно типичная и грустная история.

Но костяк той группы талантли-

вых инженеров, к счастью, не распался. Они продолжали поддерживать связи друг с другом, творили вместе и по отдельности новые модели и очень страдали от отсутствия централизованной базы. Наконец, в 1984 году на помощь им пришла администрация Московского ЦПК и О имени Горького.

Свои основные задачи вновь — или впервые, как хотите, — созданный клуб формулировал четко: оказание посильного содействия всем изобретателям в создании мускульных транспортных средств и быстрейшем внедрении их в жизнь, посредничество между автором и возможным предприятием-изготовителем, защита авторских прав.

К велосипедам и их создателям отношение у нас долгое время было добродушно-снисходительным. Не слишком изящные, тихходные машины, ни дать ни взять — каракатицы. И чего эти неугомонные чудаки убивают на них такую уйму времени? Но эти непритворные модели уже к началу 80-х годов вышли — не у нас, правда, в стране — на такие рубежи скорости, которые и не снились владельцам иных механизированных средств: 105 километров в час по шоссе и 17 — на водной поверхности.

ков и зрителей. Но даже и в Шяуляе до поры до времени все изобретатели варились в собственном соку — не было у них единого центра. Московский клуб первым заявил о себе как об официальном объединении.

Поначалу рамками столицы Ульяновский и его коллеги думали и ограничиться. Но в первую же неделю своего существования вынуждены были сделать немало исключений для изобретателей Московской области. А потом пошло-поехало... Нынешней зимой для участия в кольцевой гонке на призы клуба съехались в Парк культуры свыше сотни гонщиков-изобретателей из самых разных городов страны. До того студеного февральского утра подобные гонки в это время года нигде в мире не проводились.

Но какую реальную пользу из членства в клубе извлекает, к примеру, изобретатель, живущий в Архангельской области? Самую что ни на есть реальную — правлением клуба регулярно рассылается всем его членам информационный бюллетень, из которого можно узнать не только о дате намечающихся соревнований, но и адрес коллеги по увлечению, который располагает несколькими лишними задними обгонными конусами, но задыхается без трубопроги-

Фото Светланы Романовой

ДОМ

Для создания велосипеда требуются недюжинная фантазия, умелые руки, смекалка и... чувство юмора.

ба и звездочной трещотки. А заканчивается каждый бюллетень приглашением провести отпуск на колесах, ведь биотранспорт — прекрасный вид семейного отдыха.

Как видим, москвичи недолго пребывали в одиночестве — начинание быстро приобрело всеобщий размах. Сейчас у клуба, насчитывающего в своих рядах уже свыше 700 членов, создаются филиалы в Минске, Красноярске, Паланге, где живет настоящий фанат биотранспорта и талантливый изобретатель Донатас Романушас. Движение велосипедистов явно находится на подъеме. Только вот двигаться-то им особенно негде. Асфальтированные дорожки прибалтийских курортов, правда, всегда к их услугам, но на остальные трассы велосипедистов пускают не слишком охотно — там хозяйничают автомобили. Пока биотранспортников относительно немного, глобальных проблем на дорогах они как будто не создают. Но вспомним, сколько лет ведутся у нас разговоры о строительстве специальных велокоридоров. Так не пора ли уже от слов перейти к делу?

Москвичам-конструкторам при испытании своих машин не привыкать ловить насмешливые взгляды и пешеходов, и особенно автомобилистов. Впрочем, частенько в них сквозило и любопытство: для столицы подобные зрелища еще недавно были в диковинку. Иное дело, скажем, в Литве, особенно в ее велосипедной столице Шяуляе. Там велосипедом никого не удивишь — традиционные велофестивали давно уже собирают многие сотни участни-

Недавно в вечерней элек- тричке я ненароком услы- шал разговор двух совсем юных девушек — обеим на вид было лет по пятна- дцать-шестнадцать.

— Марин, а какие у тебя отношения с Володишкой? — допытывалась одна у дру- гой. — Серьезные или... просто так?

— «Просто так»!.. Да у нас с ним интимные отношения! Все по-настоя- щему, понимаешь? — отвечала та с многозначительной улыбкой.

— Как у взрослых? — Я же тебе говорю: интимные! Мы ведь уже полгода встречаемся...

— И... не боитесь?

— А чего бояться? Не маленькие!

Было нетрудно догадаться, о каких именно отношениях говорила «сме- лая» девушка своей подруге: о физиче- ской близости. Но вот использовала термин «интимные отношения» не сов- сем точно. В литературе да и в повсе- дневной жизни слово «интимный» не- редко употребляется в качестве сино- нима слова «сексуальный». Однако хо- чу сразу напомнить моим молодым чи- тателям, что в переводе с латинского интимное означает внутреннее, сокровенное. По В. И. Далю, интимный — это близкий, тесный, задушевный, искрен- ный. Поэтому не стоит вкладывать в по- нятие «интимная жизнь», «интимные отношения» узкий смысл. Думаю, если чего-то и не хватало той «смелой» де- вушке в электричке, так это **подлинно интимных**, сердечных взаимоотноше- ний со своим Володей. Впрочем, может быть, я и ошибаюсь. По крайней мере хотел бы на это надеяться: мы порой слишком резко да и, пожалуй, не все- гда объективно судим о нынешнем по- колении молодежи, о его «сексуальных волноостях». Это мнение несколько преувеличено, как и мнение о якобы повышенной сексуальности современ- ных юношей и девушек.

Долгие годы у нас почему-то счита- лось, что говорить о сексуальных про- блемах вслух чуть ли не безнравствен- но. А если и говорили, то не иначе, как с ханжеским лицемерием. С каким тру- дом десять лет назад приходилось мне и моим коллегам «пробивать» статьи о формировании половой культуры и половом воспитании! Чиновники от педагогики и журналистики восприни- мали их в штыки: «Да вы что, товарищи! Разве можно об этом писать открыто? Мы же развратим молодежь, а тем бо- лее подростков... Какой может быть у нас «секс»? Юношество должно ду- мать не о сексе, а об учебе и работе. Это тайна для двоих!»

Правильно, тайна для двоих. Но что- бы она действительно была тайной, чем-то сокровенным, нужно этих двоих подготовить к «обращению» с этой тай- ной, а не поступать с ними так, как учат плавать в деревне: бросят в воду — и плыви...

До недавних пор о половом просве- щении школьников и подготовке их к семейной жизни не могло быть и речи. Да что там школьники! Даже молодые рабочие и студенты имели весьма смут- ное представление об анатомических и физиологических аспектах половой жизни. Так, наш опрос тысячи ленин- градских студентов выявил отсутствие даже элементарных знаний в этой области у... выпускников медицинских институтов. Например, одна студентка, будущий педиатр, так описала свое «просвещение»: «Читаю художествен- ную литературу, останавливаю внима- ние на пикантных местах, а потом за уточнением некоторых деталей обра- щаюсь к медицинскому справочнику».

Сейчас наконец мы стали понимать, что **формирование половой культу- ры — очень важная часть воспита- ния культуры общечеловеческой.** В школах ввели новый урок — «Этика и психология семьи». Стали появлять-

ся популярные книги, посвященные половому воспитанию и подготовке мо- лодежи к супружеской жизни. Но пока это еще капля в море. Мы отстали в вопросах полового просвещения не только от западных, но и от многих социалистических стран.

К сожалению, у нас до сих пор нет серьезных пособий для преподавате- лей и родителей. Да и не только учеб- ников — у нас нет разработанных прин- ципов сексуального просвещения. Ибо считалось, что чем меньше мы будем об этом говорить, тем меньше будет инте- рес юношества к «запретной теме». И что в итоге? Отсутствие знания нико- гда и ни в какой области человеческой деятельности не давало положитель- ного эффекта. Можно ли представить человека за рулем автомобиля или у пульта ЭВМ без основательной подго- товки? Каждый скажет: нет. Но ведь отношения между мужчиной и женщи- ной, несомненно, более сложны и мно- гогранны, чем между человеком и ма- шиной!

Назовем вещи своими именами. Неве- жество в половых вопросах нередко становилось причиной многочисленных разводов, ранних беременностей и аборт, венерических заболеваний...

Во все времена особое место в духов- ном мире человека занимали любовные переживания. Они всегда находились под воздействием морально-нравствен- ных, социальных и общекультурных факторов, эстетических идеалов, суще- ствующих в обществе. Ученые называ- ют это «сферой морального регулиро- вания». В разные времена и в разных странах половая мораль не была одинаковой. Однако общественное мнение всегда порицало половую распущен- ность, проституцию, половые извра- щения.

Проблемы любви и брака с давних пор привлекали к себе внимание мыс- лителей. Достаточно вспомнить «Пир» Платона и «Опыты» Монтеня, «Мораль любви» Рассела и «Крейцерову сонату» Льва Толстого. Половая любовь, как писал Энгельс, «была той осью, вокруг которой вращалась вся мировая поэ- зия в течение тысячелетия». О двой- ственности, сложности любви написано множество философских трактатов. Например, Платон символически изоб- ражал любовь в образе Афродиты не- бесной, то есть возвышенной, духовной и романтической, и Афродиты земной, телесной, прозаической.

Та же двойственность и в самом боге любви Эроте, писал Платон, он «совсем не красив и не нежен, а груб, неопря- тен, необут и бездомен; он валяется на голой земле под открытым небом... Но с другой стороны, он... тянется к пре- красному и совершенному, он храбр, смел и силен». Любовь, по Платону, это не статичное, законченное состояние, а творческое стремление к красоте, ощущаемое и как великое богатство души, и как ее бедность, ненаполнен- ность.

В истории учений о любви было нема- ло попыток взять за основу одно суще- ственное начало и вывести из него все следствия и проявления этого чув- ства. Шопенгауэр считал, что любов- ная страсть не что иное, как голос рода, инстинкт, который действует вопреки индивидуальному рассудку и эгоистическому счастью, принуждает влюбленного совершать подвиги само- отвержения для того, чтобы найти

и завоевать партнера, от которого он сможет произвести на свет наиболее совершенное потомство. Этим и объяс- няется то, что «крайности сходятся»: ведь каждый человек бессознательно ищет такого партнера, в котором ярче всего выражены свойства, ему самому недостающие.

Смысл любви, по Шопенгауэру, рас- крывается в инстинкте размножения, а сила страсти — просто уловка, выду- манная природой для того, чтобы за- ставить человека служить интересам рода, забыв о покое и комфорте. Вла- димир Соловьев отмечал, что размно- жение в принципе может обходиться и без любви. По его мнению, любовь имеет чисто личный, индивидуаль- но-эстетический смысл. Она есть не что иное, как точка высшего расцвета че- ловеческого существа, в которой все творческие силы человека соединяют- ся, чтобы окончательно преодолеть влечение тела и образовать свободную духовную личность.

Если определить практическую жиз- ненную цель, к которой стремилась че- ловеческая мысль в неустанных поис- ках смысла любви, то можно обозна- чить ее одним словом: гармония. Лю- бовь в ее высшем, идеальном прояв- лении всегда есть стремление к гармонии духовного эстетического идеала и его реального телесного воплощения, гар- монии влечений ума, сердца и тела...

Я не согласен с теми, кто пытается утверждать, что «у нас все не так, как на Западе». Да, «славянская любовь», веками стоявшая на основе христиан- ской морали, всегда отличалась глуби- ной и верностью. Кстати сказать, «ры- царская любовь», рожденная в замках французского Прованса, идеализирова- ла весьма странные отношения — ры- царь, как правило, избирал в дамы сердца не свою, а чужую жену. В Рос- сии же испокон веку придерживались совсем иных моральных норм: дом, очаг, семья для людей всегда были святы. Любая измена считалась боль- шим грехом и осуждалась публично. Об интимных отношениях, супружеской жизни у нас никогда прилюдно не гово- рили.

Впрочем, и западная христианская мораль вплоть до XX века относилась к физической близости с откровенной враждебностью. Блестящее подтвер- ждение живучести предрассудков в области половых отношений — акту- альные и поныне слова Мишеля Монтеня: «В чем повинен перед людьми по- ловой акт — столь естественный, столь насыщенный и столь оправданный, — что все как один не решаются говорить о нем без краски стыда на лице и не позволяют себе затрагивать эту тему в серьезной и благопристойной беседе? Мы не боимся произносить: убить, огра- бить, предать. — но это запретное слово застревает у нас в зубах. Нельзя ли отсюда вывести, что чем меньше мы его упоминаем в наших речах, тем боль- ше останавливаем на нем наши мысли?»

Эти строки написаны свыше трехсот лет назад. Сколько же времени понадо- билось человечеству, чтобы научно ос- мыслить значение жизненно важных проблем полового воспитания! В нашей стране первые попытки их изучения на- чались в 20-е годы.

А. Коллонтай изложила свои взгля- ды в статьях «Тезисы о коммунистиче- ской морали в области брачных отно- шений» и «Дорогу крылатому эросу! (письмо трудящейся молодежи)». По мнению Коллонтай, «половой акт дол- жен быть признан актом не постыдным или греховным, а естественным и за- конным, как и всякое другое прояв- ление здорового организма, как утоление голода или жажды». При этом она под- черкивает, что коммунистическая мо- раль осуждает половое общение, вы- званное оголенным физическим вле-

Сергей ГОЛОД,
доктор философских наук

ТАЙНА

«Смена» выполняет многочисленные пожелания читателей и открывает новую рубрику, посвященную интимным сторонам отношений мужчины и женщины, просвещению молодежи и подростков. Ее будут вести ведущие психологи и сексологи страны. Они постараются ответить на все ваши вопросы, дадут необходимые консультации. Ждем писем и предложений.

осуждение и буржуазной аморальной теории «стакана воды», отрицающей социальную обусловленность сексуального поведения человека, с одной стороны, а с другой — отрицание ханжеского взгляда, не считающего любовь, эмоциональную вовлеченность необходимым условием сближения. Признавая необходимым расширение индивидуальной свободы в любви, В. И. Ленин требовал уточнить, о какой свободе идет речь. Одно дело — свобода от корыстного расчета, родительского запрета или обывательских пересудов. Другое дело — свобода от глубокого чувства, от ответственности за свое поведение. В свете этих мыслей В. И. Ленина становится очевидным, что переход к новым брачно-сексуальным отношениям невозможен без роста личной ответственности, особую роль которой подчеркивала А. Коллонтай. Но рост ответственности тесно связан с воздействием на человека моральных норм, существующих в обществе.

Столкновение взглядов по поводу половой морали в 20-х годах, широкая дискуссия, в которой участвовали люди разных возрастов, способствовали становлению этической теории, необходимой для анализа и оценки нравственных отношений в социалистическом обществе. Да, многие мнения тех лет были весьма спорны, но сама атмосфера гласности заставила людей задуматься над содержанием сексуально-брачных отношений.

По данным социально-биологических исследований, в брачных отношениях в начале 20-х годов состояли до 46 процентов женщин и 85 процентов мужчин. Сразу замечу: эта статистика очень мало отличается от сегодняшней. Но сейчас мы о ней не любим говорить: молодые люди с неохотой отвечают даже на анонимные анкеты. И ученым не доверяют, стесняются. Это уже наша вина. От того, что мы замалчиваем проблемы сексуальных отношений, они не становятся менее острыми, и каждое поколение молодых страдает от своей половой непросвещенности. Наверное, поэтому многие девушки вступают в первую половую связь «из любопытства», что чревато всевозможными последствиями.

Что примечательно, 90 процентов мужчин и свыше 80 процентов женщин

считают возможным вступление в брачные сексуальные отношения, и не только с любимыми, но и просто со знакомыми.

Эти данные подтверждают отмирание «двойной» морали. Мужчины стали терпимее относиться к добрачным связям своих невест. И сами женщины уже в большинстве случаев оправдывают сексуальные отношения до замужества.

Каковы причины этих изменений в сексуальной морали молодежи? Они связаны прежде всего с такими коренными сдвигами, как научно-технический прогресс, индустриализация и урбанизация. Индустриализация повлекла за собой массовую миграцию населения из сельской местности в города. А это означало кризис старой системы контроля за сексуальным поведением человека со стороны родных и соседей.

Семья на протяжении длительного времени являлась одновременно и обособляющим, и связующим звеном для ее членов по отношению к городу и государству. Личность растворялась в семье. Теперь роль этой важнейшей ячейки общества изменилась. Деторождение теряет характер определенного общественного или этического долга и все более становится частным делом самих супругов. Появляется семья нового типа — с более демократичным распределением ролей между мужем и женой.

Претерпел изменения и весь жизненный цикл человека. Так, в течение последних десятилетий половое созревание у девочек снизилось с 15,6 до 12,6 лет. Переход во взрослое состояние в настоящее время происходит значительно позднее полового созревания. Разрыв между половой и социальной зрелостью обостряет проблему брачных отношений. Действительно, наступление половой зрелости в 13—14 лет при социальной задержке на 8—10 лет неизбежно приводит к распространению более ранних сексуальных связей. Возраст начала активной половой жизни распределился так: мужчины до 16 лет — 10,3 процента и женщины — 2 процента; мужчины от 16 до 18 лет — 43 процента, женщины — 13 процентов; мужчины 19—21 год — 33 процента и их сверстницы — 51 процент.

Ускорение физического развития принято объяснять улучшившимся питанием и широко развитым медицинским обслуживанием. Вместе с тем все исследователи отмечают, что в городе сейчас половое созревание наступает раньше, чем в сельской местности. Очевидно, здесь сказывается влияние социально-психологических факторов: интенсивный рост городской жизни, стимулирование интереса к половым проблемам поведением старших сверстников, литературой и искусством — все это ускоряет развитие нервной системы, включая и сексуальную реакцию. Даже и сегодня среди ученых мнения о половой свободе неоднозначны. Одни видят в ней упадок морали и нравов. Другие указывают на более полное индивидуальное самовыражение и «интенсификацию» любовных чувств.

Читатель вправе спросить: почему же увеличивающаяся сексуальная свобода получает неоднозначную оценку в обществе? Как относиться к добрачным связям, в которые сегодня вступают многие юноши и девушки?

В нашем обществе происходит известное переосмысление и других нравственных понятий, например, понятия «целомудрие». Оно ранее оценивалось преимущественно с физиологических позиций, и потому большинство мужчин желали сохранения женщинами девственности к моменту заключения брака, видя в этом гарантии «чистоты» невесты. Не означало ли это, что о целомудрии судили скорее по физическим, чем по душевным его проявлениям? Осознав значение духовно-нравственных качеств человека, молодежь переносит акцент на нравственную сторону, способствуя тем самым возникновению единого критерия для оценки сексуального поведения мужчин и женщин.

Однажды по ленинградскому радио прозвучала передача «Береги честь смолоду!». Желали ее авторы этого или нет, но передача была выдержана в духе «двойной» морали: из нее вытекало, что девушки должны по-домостроевски беречь свою честь, о юношеской же чести (или достоинстве) вопрос даже не ставился. В ответ на эту передачу на радио пришло много писем, разумеется, в основном от девушек.

П., 25 лет. «...Я окончила вуз, с душой отдаюсь любимой работе, люблю стихи, театр, музыку, сама играю на рояле, люблю рисовать. Как видите, духовный мир не беден. Думаете, у меня не было юношей? Были, и немало. Среди них были рабочие, студенты, курсанты, инженеры. И ни одному из них не нужен был мой духовный мир. Им нужны были женщины, и они находили их. А я периодически оставалась одна до следующего знакомства. Да, я не совершила ошибок в своей жизни, я боролась за сохранение своей девичьей чести. Порой эта борьба была самой настоящей. Я всегда одерживала победу, но что толку? Раньше я гордилась своей чистотой, а теперь перестала...»

Студентки 3-го курса Технологического института пишут: «Почему мы до сих пор считаем, что сначала нужно расписаться в загсе, а потом уже отдаваться любимому? Разве бумага удержит человека? Если у девушки и у парня действительно любовь, разве меньше будет ценить он ее оттого, что это произошло раньше? Разве он поставит ей когда-нибудь в упрек то, что свершилось до свадьбы? Нам кажется, наоборот. Она верила, очень верила ему. Вот что оценит он...»

Первая позиция отражает традиционный, хотя и подвергаемый сомнению взгляд на «физиологическое» целомудрие. Девушки, воспитанные в этом духе, могут пойти (фактически идут) на ласки и поцелуи, но воздерживаются от физической близости до брака. Суть другой позиции заключается в том, чтобы, не пренебрегая физиологическим целомудрием, акцентировать внимание на нравственном значении этого понятия. Главное — «не бумага» (брачное свидетельство), а то, что лежит в основе отношений, — любовь. Письма свидетельствуют о стремлении молодежи вырабатывать нравственно обоснованный принцип поведения, соответствующий моральным представлениям того «поколения женщин, которым никогда не придется... отдаваться мужчине из-за каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви».

Каждый молодой человек мечтает о том, чтобы кого-то полюбить и самому быть любимым. Близкие, интимные отношения есть, несомненно, большая ценность для человека. Однако очевидно, что такие отношения не возникают сами собой. Тем более они не могут возникнуть только на основе физической близости. Глубина и полнота отношений для обеих сторон зависят и от сходства духовных интересов, и от психологической совместимости и от готовности идти навстречу друг другу и проявлять инициативу. Важно, по видимому, не только иметь развитые духовные интересы, знать литературу, интересоваться музыкой, но и уметь включить эти свои духовные ценности в процесс общения, сделать их основой, почвой взаимоотношений. Если духовной близости нет и даже трудно найти общую тему для разговора, то взаимопонимание и интимность вряд ли появятся даже после возникновения физической близости. Здесь уместно подчеркнуть: любовь — это не дар свыше, который раздается всем поровну и которого нужно ждать сложа руки. Любовь — творчество. Нужно хотеть любить, уметь любить, сметь любить. Поэтому следует воспитывать в себе открытость души, но в то же время умение отличать ложь от правды в человеческих отношениях.

Как готовит юношей и девушек к браку и семейной жизни? Об этом — в наших следующих статьях под рубрикой «Интимная жизнь молодых».

чением, не окрашенное любовью или хотя бы временной страстью. В то же время коллектив должен осуждать брачное общение лиц, не питающих друг к другу физиологического влечения. Другими словами, по Коллонтай, пролетариат может признать моральными только такие отношения полов, при которых эмоциональная вовлеченность сопряжена с духовной общностью.

Развивая свои взгляды на коммунистическую мораль в статье «Дорогу крылатому зрису!», Коллонтай выдвигает предположение о том, что в будущем рабочему классу будет совершенно безразлична форма сексуально-любовных отношений — длительный (в том числе юридически оформленный) союз или быстро проходящая связь. Идеология рабочего класса, с ее точки зрения, не ставит никаких внешних границ любви, но требовательна «к содержанию любви, к оттенкам чувства и переживаний, связывающих оба пола». Правда, все это — дело будущего, а пока «на переломе двух культур» формирующаяся пролетарская мораль должна покоиться на трех основных положениях:

— равенство во взаимных отношениях;

— взаимное признание прав другого, без претензий владеть безраздельно его сердцем и душой;

— товарищеская чуткость, умение прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека.

В. И. Ленин в письмах к И. Арманд подчеркивал, что сексуальные отношения возможно рассматривать только диалектически, как единство общественного и личного. Отсюда резкое

СИЛУЭТЫ

Василий РОСЛЯКОВ

Человек

больнице, где нет привычной городской суеты, где ты все время предоставлен самому себе и находишься, как сказали бы раньше, один на один с богом, то есть думаешь о жизни и смерти, а также о вечности — что она есть такое, эта вечность? — здесь-то я и вспомнил о моем Гёте. Нет, мне не захотелось почитать что-нибудь из его сочинений, а вот именно побыть с ним, поговорить с ним в этой тихой палате, где каждый жил своей отдельной жизнью. И я попросил кого-то из навещавших меня принести «Разговоры с Гёте, собранные Эккерманом». Почему он пришел в голову, его разговоры? Почему захотелось послушать именно его, хотя и в передаче Эккермана? Совсем уж точно я не могу ответить на этот вопрос. Не знаю также, почему вдруг и очень остро вспомнилось вот это место из записанного Эккерманом:

«Наши теперешние таланты немедленно попадают на поднос гласности. Критические обозрения, появляющиеся ежедневно в пятидесяти местах, и шум, который они возбуждают в публичке, не дадут взойти ничему здоровому. Тот, кто ныне не удаляется вполне от этого шума и насильственно не уединяет себя, — погибший человек. Правда, этот плохой, почти всегда отрицательный, разводящий критику и эстетику журнализм распространяет род полубразованности в массах, но для таланта он вредный туман, падающий сверху яд, разрушающий творческую силу его древа от зеленеющей красоты листьев до глубины сердцевины и самых сокровенных фибр».

Не то чтоб уж дословно вспомнилось, а в своей только сути, но как заполучил книгу, так и развернул ее, и тетрадочку вынул из тумбочки, и записал туда эту вспомнившуюся мысль. Значит, уже тогда, чуть ли не триста лет назад, тоска по удалению от шума, по уединению навещала людей, даже таких, как Гёте. Ведь, кажется, как тихо было, какая невозмутимая благодать, а он и эти последние свои столетия, Восемнадцатый и Семнадцатый век, называл «оголтелыми столетиями».

Куда уж нам, грешным, думал я, лежа в тихой палате тихого Петрове-ригского переулка, где за окном плавал тополиный пух и с шорохом перелетали с дерева на дерево городские воробьи. Уединение, думал я, только и найдешь в больнице, если, конечно, палата тихая, непьющая. Я лежал именно в такой. Лежали тут в кроватях разные люди, и каждый думал денно и ночью что-то свое. Иногда вздыхал, переворачивался с боку на бок, иногда кто-нибудь поднимался, уходил куда-то, тихо возвращался, иногда переговаривались соседи по кроватям, по утрам ставили градусники, принимали таблетки, назначенные врачом и принесенные сестрой. Одним словом, жили больные.

А я разговаривал с Гёте, тихонько, не мешая соседям, слушал его и кое-что записывал. И что удивительно, я не чувствовал никакого расстояния между нами, никаких двухсот лет, которые нас разделяли. И когда он говорил, называя свои имена, я невольно тут же подставлял другие, мне близкие, мне знакомые и подходящие к случаю имена, и тогда получалось, что мы говорим буквально о сегодняшнем дне, о том, чем я жил, продолжал жить даже в этой тихой больнице.

«Я Тика любил, — сказал Гёте, а я тут же подставил своего Тика, — и он так же, говоря вообще, хорошо расположен ко мне; однако в его отношениях ко мне есть нечто, чего не должно быть. И притом я в том не виноват и он тоже; тут существует причина особого рода. Когда Шлегели стали приобретать значение, то я оказался для них слишком сильным; чтобы меня уравновесить, они стали подыскивать талант, который могли бы проти-

вопоставить мне. Они нашли, чего искали, в Тике, и ради того, чтоб он показался достаточно сильным по сравнению со мною в глазах публики, принуждены были преувеличить его значение. Это повредило нашим отношениям: Тик, сам того не сознавая, через это очутился относительно меня в ложном положении. Тик — талант высокого значения, и никто лучше меня не признает его чрезвычайных заслуг; но желать его сделать выше его самого и поставить наравне со мною — ошибка. Я могу это высказать прямо, ибо то, что во мне есть, сотворено не мной. Было бы то же, если б я вздумал равнять себя с Шекспиром; он тоже не сам себя сделал, и, однако, он существо высшего порядка, на которого я смотрю снизу вверх и которого должен почитать».

Господи! У каждого из нас есть, наверное, свои Тики, каждый из нас думает про себя что-нибудь в этом роде, потому что каждого из нас, конечно же, недооценили, противопоставили кому-то какие-то Шлегели. И разве не думаем об этом, когда остаемся один на один сами с собой? И тем более, когда, приняв таблетки, лежишь до самого обеда, а там и до самого вечера, и всю ночь лежишь, нигде не торопишься, ничем, кроме думанья, не занятый. Конечно же, думаешь. Вслушиваюсь в тихий и мудрый голос веймарского старца и вот уже сам смотрю на Шекспира снизу вверх, думаю, что должен почитать его, недоумеваю, почему же этого моего Тика так упорно хотят поставить наравне со мной, хочу получше себя понять самого, свое место рядом с другими и все прислушиваюсь к тихому голосу.

«Меня всегда считали за особенного счастливого, и я не стану жаловаться и хулить течение моей жизни. Однако, в сущности, она была только труд и работа, и я могу сказать прямо, что вряд ли за свои семьдесят пять лет я провел четыре недели в своем удовольствии...»

И тут ловлю себя на том, что мы расходимся с моим Гёте. Не вся моя жизнь, к великому сожалению, была только труд и работа. Особенно в юные годы, когда только бы и работать, только бы и трудиться, я часами, как сейчас вижу, просиживал перед окном, бездумно глядя во двор, на дерево ли, на серый забор или на купающихся в пыли воробьев. Остановившись где-нибудь на дороге и часами стоял, глядел на шевелящуюся, не совсем добрую кем-то ядовитую змею, на ползающих муравьев или просто на воду желтой речки, на огонь ли костра, на потухающий закат, разлившийся над селом, или на далекие Кавказские горы, тонкой, чуть приметной синькой прочерченные в вечернем небе. Сколько ушло часов, дней, а может быть, и лет в бездействии, в бездумном созерцании внешнего мира, а временами и внутреннего, где вообще трудно что-либо увидеть, различить, остановиться на чем-то определенном.

Никогда бы не подумал, чтобы так мог жаловаться олимпиец: «... меня повсюду преследовали за то, что я не был лицемером и имел смелость говорить то, что думал. Я верил в бога и природу, в победу благородного над низким, но этого было мало для благодетельных душ: я должен был еще верить, что три равно единице и единица трем: это противоречило чувству правды в моей душе, и притом я вовсе не видел, к чему бы это послужило».

Как все отзывается во мне, струны, которые я уже трогал в себе понемногу, теперь приходили в сильное движение в часы моих бесед, моего слушания великого немца. Нет, не таблетки, не порошки и не что другое помогает выздоравливать, а именно беседы с Гёте, это я запомнил на всю жизнь, потому что действительно в тот раз я быстро пришел в хорошее состояние и выплылся из больницы. А вскоре поехал к нему, к самому Иоганну Вольфгангу Гёте в Веймар.

Не буду говорить, как волновался, опускаясь в лейпцигский подвальчик

«Аузрбахс Келлер», где, как сказали мне, бражничал в свое время Фауст, где сживали Гёте с Шиллером. Я спустился по стержням каменным ступеням в подвал второго яруса, то есть туда надо было спуститься из верхнего подвала. Обратил внимание на огромную, с пола до потолка, винную бочку, потом на стены, которые все исписаны готическим шрифтом, отрывками из «Фауста». В подвальчике вдоль стен стояли, похожие на лабораторные, столы со штативами, которые удерживали стеклянные конусы для вина. В подвальчике застыл золотой сумрак средневековья. Но об этом я уже писал, а теперь не хочется повторять то, что было со мной в этом «Аузрбахс Келлере». Скажу только, что отовсюду мне показывался он, мой Гёте, и в самом подвальчике, и наверху, где стояла бронзовая группа пировавших с Фаустом и Мефистофелем студентов, и чуть в стороне, где установлен памятник Гёте, а на его цоколе цветное изображение в овале его последней очаровательной вдохновительницы, его последнего несчастья, семнадцатилетней Ульрики фон Левецов. Словом, кругом, куда ни повернись, везде был он, отовсюду веяло его именем. Но все-таки мне хотелось к нему самому, к нему домой. А он был в Веймаре, и я поехал в Веймар.

Но по дороге я стал вспоминать свои отношения с этим великим немцем вообще. Когда они, эти отношения, завязались у меня? Не-е-ет. Не в больнице, совсем не там, и не Эккерман свел нас, а совсем другой человек. Свел нас один детский писатель, мой друг, талант которого я уже много лет изумляюсь и которого давно, очень давно люблю. Видно, с тех пор, как начал читать своему малютке-сыну стихи про Африку и про обезьяну в Африке. Малютка мой всегда плакал, как только я начинал читать про эту обезьяну, замерзавшую даже в Африке в холодное время. Потому что «даже в Африке холодно бывает», как писал мой друг Борис Заходер.

Вот и зашел я как-то к Заходеру, помнится, в Переделкине дело было. Зашел и застал его, как всегда, за пишущей машинкой. Ну, что там нового? Вас гибт эс нойес? Да вот, говорит, Гёте перевозо. Гёте? Нет, это не для меня. Олимпиец. Академический поэт, сухой, не подкупает, не трогаёт.

— А вот послушай.

И стал читать.

— Не похоже, — я говорю. — Не он.

— Слушай еще.

Опять был не он, не олимпиец, — живой человек, живой поэт. Интересно. Попросил показать родлинник, попросил перевести не подстрочно, а подсловно, чтобы слово в слово. Все точно, почти дословно, а живой.

Самородкам

Он говорит:

«Ничем я не обязан

Ни современникам, ни старым мастерам,

Я ни с какими школами не связан —

Учиться у кого-то — стыд и срам!»

Все это можно изложить и так:

«Никто не виноват, что я дурак».

Или вот:

Свежие яйца — хорошие яйца

Энтузиазм

Охотно я

Сравнил бы с устрицей, друзья:

Ведь если сей продукт

Не свеж —

То лучше ты его не ешь!

Восторги —

Это не солонья,

Годами годные к употреблению!

— Ты подарил мне Гёте, — сказал я тогда Борису. И действительно, после этого я стал по-другому относиться к олимпийцу. А уж потом в больнице...

Все это я вспомнил по дороге в Веймар и с этими же воспоминаниями подходил к грузному зданию, где жил когда-то друг Гёте, герцог Саксен-Веймарский Карл-Август.

Поднявшись в апартаменты дворца, нам сказали:

— Направо — помещение герцога, налево — герцогини, Анны Павловны.

Анны Павловны? Да, именно. Дочка нашего Павла I, прекрасная женщина, умница, красавица, и наша, русская. Она в строгости держала этого Карла-Августа, и когда пришлось ей помирать, попросила привезти горсть русской земли, чтобы на ней был поставлен гроб. Было исполнено, и теперь ее саркофаг стоит в усыпальнице герцога на русской земле, рассыпанной под саркофагом. А отпевать себя велела построить маленькую церковь позади усыпальницы. И там стоит теперь маленькая церковь, точная копия Софии, не помню уж какой, Киевской или Новгородской.

Прошли мы по апартаментам герцога и Анны Павловны, где я подумал, что не мог быть такой уж расподлец Павел, если произвел на свет такую прелесть, как Анна Павловна. И как оказалось позже, действительно Павел не был уж таким расподцем, это был совсем другой, совсем не похожий на себя, каким он рисовался в прежних понятиях. Этого убиенного царя еще только расшифровывают сейчас, когда историки вышли на прямую связь с историческим лицом. Словом, во дворце герцога было, как во дворце, — роскошь, картины, фарфор, мрамор, золото и серебро, росписи стен и потолков. Ничего интересного. Но тут бывал мой Гёте. И это все меняло.

Будучи влюбленным в поэзию Гёте, восемнадцатилетний герцог пригласил в Веймар великого поэта, предложил ему должность министра при дворе и свою дружбу. Гёте принял предложение. И первое время разделял все потехи юного шалопа Карла-Августа, который чуть ли не каждый день отпраивался на охоту в горы, к подножию Кикельхан, в окрестностях Ильменау. Царственная ватага захватывала из близлежащих деревень хороших девушек, разводила где-нибудь под скалой костры, жарила убоину, пила вино, развлекалась. Когда новый друг герцога увидел, что эта жизнь сильно расходится с той, какую он уже определил для себя, он наотрез отказался от охоты и больше уже не участвовал в веселых развлечениях. Но другом герцога остался.

Здесь же, в этом дворце, внизу, Гёте встретился с Наполеоном. Император, когда был еще простым артиллерийским лейтенантом, брал с собой в египетский поход гётевского «Вертера» и теперь, оказавшись в Веймаре, велел пригласить к себе великого поэта. Когда вошел Гёте, Наполеон сидел за большим круглым столом, за трапезой, одновременно принимал двух своих маршалов: слева стоял Дарю, справа Талейран, с обоими он вел какой-то разговор. Сверх этого император попросил еще и Гёте подойти поближе. Видно, в эту минуту в императорской голове стоял Цезарь, он его изображал, принимая сразу троих да еще и завтракая. Он внимательно оглядел Гёте и сказал:

— Вы вполне человек...

Да, вот тут еще и встреча эта была, двух великих тогдашнего мира.

Интересно.

Но главное все же не то, не это главное. Я подхожу к домику Гёте, и вот тут у меня как-то ослабли ноги. Как? Прямо к нему входить? К Гёте? Да, да. Пожалуйста. С робостью и оглядкой поднимаюсь на второй этаж. Первая комната, вторая, третья, четвертая и так далее, по кругу анфилада комнат. Картины, мрамор, античные фигуры и фигурки стоят то там, то здесь. Сам Гёте понатаскал их из разных стран. Опять же фарфор, росписи, как в замке. Каждая комната выдержана в своем цвете. Все тона легкие, едва уловимые, с туманцем. То едва уловимо розовое стоит в комнате, то чуть заметно голубое, сиреневое и так далее. Все эти тона и переходы одного в другое подбирал сам Гёте. Салонная роскошь. Все-таки не то. Видно, что да, жили в довольстве, по-придворному. Здесь рассказывали, тихо разговаривая, разодетые дамы, разодетые же мужи, министры, советники, графы и всевозможные фрейлины. Я даже слышу тихий шорох их голосов, слышу, как тонко они толку-

Конкурс эрудитов

ЗНАЙ СВОЮ РОДИНУ

ют об искусстве, о поэзии, скульптуре, о хозяине, о его таланте и хорошем вкусе, о его гениальности и так далее. И сам хозяин в лентах и орденах величественно склоняет голову перед прелестной фрейлиной, берет под руку министра и сопровождает его по галерее своего скорее музея, чем жилища.

Да, здесь, наверху, были приемы, светское времяпрепровождение. Но где же он жил? Работал? Где он был человеком? А внизу, вот где.

Спускаюсь вниз. На маленьком пятке стою перед прорубленной дверью. Веревочка отделяет меня от комнаты, от рабочего кабинета, где Гёте и спал. В кабинете сидит, отгороженная веревочкой, милая Гретхен.

— Сюда,— говорит она,— никто из тех, кто был наверху, никогда не входил. Здесь бывали иногда личный доктор Гёте и его Эккерман или близкие люди. Сюда никому было нельзя.

— А сейчас?

— И сейчас нельзя,— мило, с улыбкой, но вполне определенно и твердо говорит Гретхен.— Штрэнг ферботен!

Вот так. Делать нечего, приходится смотреть через веревочку. Сразу перед глазами большой, хорошо потертый, затянутый сильно траченным зеленым сукном письменный стол. Почти как у меня в Москве, подумалось мне. Такой же дубовый, немецкой работы стол. Он вплотную придвинут к перегородке из брусочков, за которыми видны стеллажи с книгами. Стеллажи сделаны, как говорит Гретхен, самим Гёте.

Сам Гёте изготовил эти стеллажи! Вот это настоящее, вот он где живой, вот где он сам. Наконец-таки встретился я с самим. Господи, этот стол, эти грубые, топорной работы стеллажи! Вот где он писал и читал. И разве можно создать что-нибудь дельное наверху, в блеске, в сиянии, пусть даже самого высокого искусства, мрамора древних, картин великих мастеров, среди прелестных женских головок, барельефов и бюстов императоров, полководцев, художников и философов? Немыслимо там ни написать, ни даже произнести про себя: «Ведь если сей продукт не свеж. То лучше ты его не ешь!»

И «Фауста» там не напишешь. Это возможно только здесь. Где простое дерево, простой стол, возле кровати старое кресло с очень потертой обивкой, а кровать застлана лоскутным одеялом. Лоскутным. Сшитым из разноцветных лоскутков, какими я укрывался в детстве. Над кроватью — старый ковер, и по нему свисает шнур для колокольчика, на случай позвать кого — а ну, плохо станет.

Но позвонить не пришлось, не понадобилось. Старый Гёте умер, сидя в этом мягком кресле, где можно спокойно спать, можно и помереть спокойно. С тех пор и я ношу мечту помереть в таком кресле. Очень удобно. И не обременительно для близких.

Его, а также и Шиллера похоронили в усыпальнице герцога. Когда войдешь в этот подвал, то прямо перед тобой два крупных саркофага, рядом стоят — Гёте и Шиллер. Все-таки они по-прежнему в конце концов, вот теперь и лежат вместе. А саркофаги герцога и Анны Павловны, которые раньше стояли на этом месте, теперь задвинуты в сторону от этих священных гробов.

Здесь уже встретился я с гробом Гёте, с его прахом, здесь же и закончились мои с ним встречи. Уходил я с такой же смятенной душой, как и входил. Смутно было на душе, смутно и как-то очень высоко, тихо и покойно. И все время то и дело вспоминалось про то, что он написал «Фауста», это самое глубокое и самое сложное творение всех времен, и что писался «Фауст» 60 (шестьдесят) лет. Начат был молодым двадцатипятилетним поэтом и закончен перед самой смертью.

*Все быстротечное —
Символ, сравнение.
Цель бесконечная
Здесь в достиженье.
Здесь — заповеданность
Истины всей.
Вечная живственность
Тянет нас к ней.*

Заключительный, шестой тур конкурса «Знай свою Родину» наш журнал проводит в знаменательное время, когда советские люди готовятся отметить 70-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции.

Предлагая вопросы этого тура, редакция, как и прежде, рассчитывает, что в поисках ответов на них участники конкурса почерпнут много новых знаний, станут полнее представлять себе историю нашей великой Родины.

Шестой тур, как и предыдущие, «Смена» проводит совместно с Бюро международного молодежного туризма «Спутник» ЦК ВЛКСМ.

Условия конкурса остаются прежними. Участвовать в нем может каждый читатель «Смены». Отвечать на вопросы надо в том же порядке, как они заданы. При этом домашнюю работу следует обязательно разделить на две части: сначала коротко и точно ответить на заданные вопросы, а во второй части, по объему значительно большей, дать к ответам развернутый комментарий. Писать надо аккуратным почерком или на машинке, на одной стороне листа.

Жюри конкурса выявит тридцать пять победителей шестого тура. При равном числе правильных ответов предпочтение будет отдано тем участникам, кто полнее, интереснее их прокомментировал и четко оформил работу. Победителей ждут призы: одна бесплатная путевка в международный туристский центр «Спутника», книги, дипломы Бюро международного молодежного туризма «Спутник» и журнала «Смена».

1. В июне 1918 года из Баку в Москву к Ленину прибыл сын известного революционера. Владимир Ильич подробно расспросил его о военном положении города. По приказу вождя на оборону Баку было выделено оружие и боеприпасы. Узнав, что пареньку шестнадцать лет, Владимир Ильич в разговоре с В. Д. Бонч-Бруевичем тепло отозвался о детях. Как именно? Назовите также юного связного.

Шестой тур

2. Какой город первым в Советской России получил имя Ленина? Когда это было?

3. Как известно, В. И. Ленин из скромности пресекал все попытки наградить его орденом. И все-таки одним орденом он был награжден. Каким именно?

4. Делегатам какого съезда нашей партии, проходившего за границей, удалось вернуться домой лишь благодаря крупному займу под вексель? Где проходил этот съезд? Кому и у кого удалось получить этот заем? Почему его подписали все делегаты? Был ли оплачен вексель?

5. Когда и где были впервые исполнены «Кремлевские куранты»? А Эшпая? Какую дату тогда отмечал наш народ?

6. Его имени нет в «Алфавите декабристов». К моменту восстания на Сенатской площади он уже семь лет просидел в Шлиссельбургской крепости. Поэты И. Гёте и В. Жуковский посвятили ему стихотворные строки за доблесть и мужество. Назовите этого человека. Почему он стал секретным узником крепости?

7. Как назывался высший орган государственной власти в Крыму после разгрома Врангеля? Кто был его первым председателем?

8. В первые годы Советской власти почетным депутатом Моссовета однажды был избран крупный ученый, иностранный гражданин. Кому именно, когда и за какие заслуги выпала эта честь?

9. Статьи для первой комсомольской газеты охотно писали нарком здравоохранения Н. Семашко, нарком социального обеспечения А. Коллонтай и другие деятели. Предшественником этой газеты был журнал. Как они назывались? С именем какого комсомольца связано рождение комсомольской печати?

10. Героя Великой Отечественной войны Цезаря Куникова знает, видимо, каждый. Во время войны ему довелось взять под расписку из эвакуированного Ростовского музея историческую реликвию — станковый пулемет, боевой путь которого закончился в Румынии. Его пулеметчик участвовал в Параде Победы. На-

зовите этого пулеметчика. Чем был интересен пулемет, оказавшийся в Ростовском музее, и где он находится сейчас?

11. Назовите первого белорусского комсомольца, удостоенного звания Героя Советского Союза.

12. Гражданский подвиг узбекской семьи увековечен в монументе Дружбы народов СССР. Назовите эту семью. Чем она заслужила столь высокую часть? Где и когда был открыт монумент?

13. Еще до выхода на массовый экран фильм стал победителем Всесоюзного кинофестиваля, а на XII Московском международном фестивале завоевал Золотой приз по разряду детских лент. Режиссер В. Гресь поставил его на студии имени А. Довженко по сказке, которую еще в 1829 году русский писатель рассказал своему маленькому племяннику, ставшему впоследствии знаменитым писателем. Назовите фильм и обоих писателей. Добавим, настоящее имя первого — Алексей Перовский.

14. Какой народ нашей страны самый малочисленный? Где живут его представители, в каких именно населенных пунктах?

Желаем всем, кто захочет участвовать в нашем конкурсе, успешной работы. Будем признательны всем, кто укажет источники, где он нашел ответ на тот или иной вопрос. Последний срок отсылки конкурсных работ — 20 октября. На конверте, пожалуйста, пометьте: Конкурс эрудитов-87, шестой тур.

В заключение называем читателей, из чьих писем мы взяли вопросы шестого тура: С. Алтухов из Александровска Ворошиловградской области, А. Василенко из села Песчаное Черкасской области, Д. Гавриленко из дер. Вишни Могилевской области, В. Десятерик из Москвы, В. Елисеев из села Ольховка Липецкой области, Э. Малахов из Воркуты, В. Обуховский из Воронежа, В. Петрова из Томска, Д. Третьяков из Новосибирска, Л. Хомякова из Томска, Л. Чернова из Светогорска Ленинградской области.

Участковый из отделения, широкоплечий краснолицый парень с погонами лейтенанта, ждал нас на лавочке возле подъезда, где жила Троепольская. Рядом сидели еще двое пожилых мужчин — понятые, о которых мы просили его по телефону. Задрал голову, Северин осмотрел дом, девятиэтажную кирпичную махину, словно надеялся по каким-нибудь признакам угадать окно, отмеченное печатью трагедии.

— Соседка дома, — сообщил участковый. — Я ее предупредил.

Неторопливые шаги с прищелком послышались за дверью, и нам открыла высокая, худощавая, обликом похожая на воблу женщина в длинном стеганом халате неопределенно-линялого цвета. Дым от сигареты, задвинутой в самый угол рта, лез ей в глаза, и, разглядывая из полутемного коридора нашу компанию, она щурилась и морщилась.

— Куда это столько вас? — недовольно поинтересовалась вобла, обращаясь только к участковому.

— Это я вам звонил, Нина Ефимовна, — ответил тот и показал на нас: — Из уголовного розыска.

Она посторонилась, сказала, цедя слова сквозь сигаретный дым:

— Проходите... Насчет Ольги, что ли? — И добавила иронически: — Долгонько раскачивались!

Не знаю, как Северин, а я слегка оторопел. Вобла тем временем продолжала все так же неторопливо:

— Сразу к ней пойдете? Тогда вот ее дверь. А если сначала меня будете опрашивать... допрашивать или как у вас это называется?.. — Она засмеялась сипловато, а потом закашлялась. — Тогда на кухню пойдём. К себе не приглашаю, не прибрано, на бюллетене я.

Не дожидаясь ответа, она повернулась к нам спиной. Мы с Севериным переглянулись, причем Стас недоуменно потряс головой, и пошли следом.

В кухне она походя швырнула окурки в консервную банку на плите, уселась на табуретку спиной к окну, закинула ногу на ногу так, что халат разъехался почти неприлично, и строго спросила:

— Так что, допрыгалась наша Оленька?

Сочувствия к «Оленьке» я в ее тоне не уловил.

— А почему вы решили, что допрыгалась, Нина Ефимовна? — ненатурально бодренько отозвался Северин, усаживаясь напротив нее. Я остался стоять в дверях, участковый и понятые толклись за моей спиной.

— Да тут полной идиоткой надо быть, чтобы не решить, — оскалилась Лангуева, достала из кармана халата новую сигарету, прикурила и снова закашлялась. Она вся зашлась в сухом лающем кашле, почти согнувшись пополам и вдруг выбросила в мою сторону длинный палец с остро отточенным ногтем. — А ведь я... звонила вам... звонила... предупреждала...

— Кому вы звонили, Нина Ефимовна? — участливо спросил я и тут же понял, что показывает она не на меня, а на возвышающегося за мной лейтенанта.

— Мне? — изумился тот.

Лангуева наконец прокашлялась.

— Вам или другому — какая разница? — раздраженно ответила она. — В милицию я звонила!

Северин легонько прихлопнул ладонью по столу.

— Так. Давайте по порядку. Когда и зачем вы звонили в милицию?

— Когда звонила? Да позавчера! Сразу, как случилось, так и звонила.

— Что случилось? — терпеливо спросил Северин.

— Как «что случилось»? — поразила ее она. — Ну и порядок у вас там, в милиции! Неужто вы нигде не фиксируете, когда вам граждане звонят с сигналами?

— Фиксируем, Нина Ефимовна, конечно, фиксируем, — успокоил ее Северин, оборачиваясь вопросительно к участковому. Тот смущенно пожал плечами:

— Первый день после отпуска я. Не в курсе еще...

— Вот! — торжествующе воскликнула Лангуева. — Он не в курсе! А Ольга-то жива, нет?

— Не жива, — коротко ответил Северин. И снова попросил: — Давайте по порядку. Что же случилось, после чего вы звонили в милицию?

— Допрыгалась, значит, — пробормотала вобла себе под нос. — Так я и думала. Позавчера вечером, часов около восьми, звонок в дверь. Один. Не к нам. Поэтому сижу у себя в комнате. Через некоторое время два звонка. Ну, думаю, нахал! Если тебе Ольга нужна, подождешь у дверей. И вдруг слышу — ключ в замке поворачивается! Вот это, думаю, новости! Выскакиваю в коридор и вижу его.

— Кого? — не выдержал Северин.

— Да откуда ж я знаю! — раздраженно ответила Лангуева. — Первый раз в жизни его видела! Перепугалась, конечно, маленько, но спрашиваю: «Вы к кому?» А он заявляет: дескать, Ольгин брат двоюродный и Ольга дала ему ключи, попросила вещи кое-какие забрать. А сам, подлец, зыркнул глазами по коридору и тянется к ручке нашей двери — не той, откуда я вышла, а другой, у нас тут с мужем две комнаты. Ну, я с испугу и ляпнула: это не ее дверь! А он: ах, извините, перепутал! Поворачивается к Ольгиной, ключ в замок вставляет и открывает...

Я услышал, как шумно задышал участковый.

— А вы?

— Что я? Бросилась к себе и заперлась. Думала, начнет рваться, буду в окно кричать.

— Вы сразу догадались, что это не Ольгин брат?

— Да куда там! С такой рожей... Небритый, куртка грязная...

— Погодите, — остановил я ее. — Про внешность поговорим отдельно. Пока — что вы делали потом.

— Когда он ушел...

— Сколько времени он пробыл в комнате?

— Ну... Минут пять, десять. Да что я, засекала?! В общем, когда он ушел, дверь, значит, хлопнула, я подождала еще, а потом сразу к телефону, в 02 звонить. Приехали двое. Покрутились тут, замки понюхали. Один спрашивает: может, правда, брат? И уехали. Эх вы... — снова укорила она участкового.

— Да я здесь при чем? — не выдержал лейтенант. Северин развернулся ко мне, я понимающе кивнул.

— Где телефон, говорите? В коридоре?

— И вот еще что, — слышал я, как Стас говорит участковому, — нужен плотник.

— Плотник есть, — отвечал тот, — Сергей Макарыч, инструмент захватил?

— Захватил, — отвечал один из понятых, и я оценил предусмотрительность участкового.

— Хорошо, — сказал Северин. — Но до приезда эксперта к двери не подходить. А вот теперь, Нина Ефимовна, давайте поговорим о том, как он выглядел.

Составлять словесный портрет по показаниям одного свидетеля дело не слишком надежное. Я заметил, что мужчины вообще чаще всего запоминают максимум одну-две детали, женщины больше, но немалого. И еще странно: одежду люди описывают гораздо точнее, чем лица. Нина Ефимовна Лангуева оказалась свидетелем явно выше среднего уровня.

— Значит, сначала одежда, — начала она. — На нем была куртка такого, знаете, болотного цвета, в каких за грибами ходят, брезентовая, с капюшоном. Грязная и, мне показалось, рваная. Под курткой... Рубашка какая-то в клетку, а точнее не скажу. Вот штаны были черные, дешевые и очень уж грязные.

— В каких пятнах, не помните?

— Ну, не как у маляра, конечно. А просто вид был такой, что это рабочая одежда. На ногах кеды или спортивные тапочки, тоже замызганные. Вроде все.

— Больше ничего не припомните? Сумки у него не было? Вообще чего-нибудь в руках он не держал?

— Нет. Не помню...

— Ладно. Спасибо на этом. Нина Ефимовна, а лицо его вы не запомнили?

— Лицо-о, — протянула растерянно Лангуева. — Что значит «запомнила»? Узнать — узнаю, наверное.

— А какие-нибудь детали? Вот вы сказали, кажется, он был небрит?

— Да. Усы у него, вот! Как же я про усы забыла! Черные усы!

— Густые?

— Довольно-таки. Но так, не запорожские, естественно.

— Нос?

— Уж больно вы много от меня хотите! — усмехнулась она. — Я и слов-то не знаю, чтоб описывать!

— А я вам помогу, — азартно предложил Северин. — Какой нос: тонкий или мясистый? Крылья носа? Ноздри, вспомните ноздри — большие?

Лангуева устремила взгляд куда-то поверх моей головы, сосредоточенно сдвинув брови, она рассеянно сыпала пепел на халат и не замечала этого. «Клиент медитирует», — говорит про такие минуты Северин и очень их ценит. Он расспрашивал ласково, почти вкрадчиво, стараясь не сбить настроение.

Я только успевал записывать.

Продолжение. Начало в № 15.

НЕУСТААНОВЛЕННОЕ

Сергей
УСТИНОВ

Не успели мы закончить, как в дверь позвонили. Приехал эксперт НТО Леня Гужонкин. Он тут же сориентировался в обстановке, попросил освободить прихожую, положил на пол свой объемистый саквояж и откинул крышку. В чемоданчике помещалась лаборатория: пузырьки, пробирки, шпички, пилочки, пинцеты и захваты. Леня выхватил склянку, ловким движением нацелил ей на горло пульверизатор, вроде тех, которыми пользуются парикмахеры, и подошел к двери в комнату Троепольской.

— Посторонние тут не лапали? — пробурчал он больше себе под нос и нажал на грушу. Тончайшие пылинки наэлектризованного металла вылетали из наконечника черными фонтанами, разбивались о поверхность двери и образовывали большие кляксы с неясным содержанием. Но Гужонкин в этих кляксах ориентировался, как в собственной квартире.

— Пальчики, — произнес он негромко. — А вон, гляди, еще. И вот. Достань-ка мне пленку.

Я наклонился к его чемодану и достал рулон дактопленки. В сущности, это обычный скотч, но очень качественный. Леня отрезал куски один за другим. Он прижимал их к двери, и на них вдруг четко пропечатывался рисунок папиллярных узоров. Потом Гужонкин передавал их мне, и мы с Севериным наклеивали скотч на белую гляцевую бумагу. Священнодействовали мы при полном молчании окружающих, только один раз Лангуева поинтересовалась:

— Наверное, мы с мужем должны будем сдать свои отпечатки, да?

— Всенепременно, — пробормотал Гужонкин, не отрываясь от дела.

Наконец он отключился от двери, последний раз окинув ее взглядом, как художник, оценивающий свою работу. Я заметил, что он даже кончик языка от напряжения высунул.

— Все, — взмахнул он кисточкой, которой очищал наложения металлической пыли, — можете открывать. Только замочек постарайтесь не трогать.

— Это ж придется с петель сымать, — почесал в затылке плотник.

— Сымайте, — царственно разрешил Гужонкин.

Через десять минут, ободрав притолоку, мы сняли дверь и отодвинули ее в сторону. Я заглянул в комнату Ольги Троепольской. Первое, что бросилось мне в глаза, был большой фотопортрет женщины, висевший на противоположной стене. Я понял, что это и есть Ольга. Там, в морге, у нее были холодные, заостренные черты, но лицо то же, я сразу узнал его: угловатое, немного асимметричное, в узкой рамке коротких, слегка растрепанных темных волос. Но здесь было еще кое-что: взгляд чуть прищуренных, разглядывающих тебя в упор глаз с твердым выражением. Я успел отвлеченно подумать, что она, наверное, была ничего, когда за моей спиной сдавленно ахнула Лангуева.

— Да, знатно тут поработано, — протянул Северин, и я оторвался от портрета. Вся комната была перевернута вверх дном. Шкаф раскрыт, вещи из него вывалены на пол, ящики серванта выдвинуты, сиденье дивана поднято, и он смотрит на нас, удивленно открыв свой беззубый рот.

7

— Давайте мысли, у кого какие есть, — сказал Комаров, давая в пепельнице папиросу.

— Добровольная выдача смягчит нашу вину, — устало заметил Северин.

Мы сидели за длинным столом в балакинском кабинете — тут по территориальному признаку будет до самого конца помещаться штаб розыска. За решетками окон сгустилась ночь, мы устали, день начался давным-давно и все никак не кончается.

— Значит, мысли, — Северин встряхнулся, как собака, и заговорил бодрим голосом: — Мы тут с товарищами посоветовались и решили: вряд ли тот человек, который приходил в квартиру, и убийца — одно лицо. Как мы рассуждали? Если бы Троепольская была убита каким-нибудь более грубым, так сказать, способом: ножом, кастетом да хоть кирпичом, тогда можно было бы в это поверить. Но пистолет... Пистолет, как вы понимаете, в нашем обиходе штука крайне редкая и у таких оборванцев, каким его описала Лангуева, обычно в карманах, слава богу, не валяется.

— К тому же, — подключился я, — имеется вопрос: зачем вообще Троепольская полезла в этот пустой дом? Судя по рассказам, девушка была отчаянная, но все-таки сомневаюсь, чтобы даже она пошла неизвестно куда за таким типом...

— Вот! — поднял палец Комаров. — Очень верный вопрос: зачем она туда полезла?

— Два варианта, — решительно заявил Северин. — Первый: журналисточка за кем-то следила, тот заметил это, протаскил ее за собой в пустой дом и пристрелил.

— Чем, ты говоришь, она занималась в последнее время? — неожиданно спросил Комаров.

— Судя по блокноту — букинистической торговлей и, насколько я понял, спекулянтами, которые вокруг этого дела вертятся.

— Заметил, значит, слезку, протаскил за собой и пристрелил... — покрутил голевой Комаров. — Ну-ну.

— Константин Петрович, — обижено стал оправды-

ваться Стас, — это ж вариант. Мы ведь не знаем, может, эта сумасшедшая решила очерк из жизни американских шпионов написать.

— Валяй дальше.

— Вариант второй: ей назначили там свидание, а во время разговора что-то не сложилось...

— Погоди, — нетерпеливо остановил его Комаров. — Меня интересует: почему свидание назначили в таком странном месте? Между прочим, с точки зрения убийцы, оно не такое уж странное. Я бы даже сказал — отличное место! В центре города, а кругом никого, и главное — великолепный путь отступления, черный ход, который выходит на заброшенную сейчас помойку, а потом сразу людная улица. Это для тех, кто знает, разумеется... Не думали?

— Думали, Константин Петрович. — Северин повернулся к Балакину: — Митенька, изложи.

— Я сегодня дал задание выяснить, кто проживал в этой квартире, и в этой комнате особенно. Дом на капремонте уже года полтора и с тех пор стоит выселенный. Пока ничего особенного — люди как люди.

В комнате, где обнаружили труп, проживала раньше семья Попова Валерия Юрьевича. Он — водитель троллейбуса, она — штукатур, двое детей, шести и восьми лет. Два года назад получили квартиру в Строгино. Мы их уже разыскали через троллейбусный парк: Попов дней десять как в отпуске, уехали куда-то всей семьей.

— Интересная профессия — водитель троллейбуса... — ни к селу ни к городу пробурчал себе под нос Северин и, вдруг оживившись, спросил: — А ведь он, поди, лимитчик, этот Попов, а?

— Наверняка, — согласился я, догадавшись, куда он клонит.

— На троллейбус одни лимитчики идут. И, значит, жил он в этой комнате сравнительно недавно...

— Запиши, — приказал Комаров Балакину, — собрать данные на всех жильцов, когда-либо проживавших в доме...

— Может, хватит подъезда? — усомнился Северин.

— В доме, — жестко повторил Комаров. — Возраст, род занятий, наличие судимостей, куда выехали.

— Это работка! — покрутил я головой.

— Ничего, поработаете. И второе запиши: определить круг лиц, которые по другим причинам также могли знать про черный ход, помойку и так далее. Жильцы соседних домов, рабочие со стройки, прораб, ну, дальше сами подумайте. Это что касается места. А теперь насчет того типа. Если он не убийца, то кто же он? Обратите внимание на сроки: Троепольская убита между восемнадцатью и двадцатью часами, а, по словам соседки, он явился около двадцати. А?

— Тут снова несколько вариантов, — продолжал Северин. — Во-первых, его мог послать на квартиру настоящий убийца. Нашел какого-нибудь забулдыгу, дал ему ключи, объяснил, что делать. Во-вторых, этот небритый мог найти где-то сумку, а увидев там паспорт и ключи, попросту соблазнился.

— Зачем убийце понадобилось сначала забирать сумку, а потом ее выбрасывать? — усомнился Балакин.

— Взял оттуда, что ему было нужно, или наоборот, убедился, что там этого нет, — ответил я. Мы с Севериным по дороге сюда проговорили все варианты, во всяком случае, так нам казалось. — Потом есть еще возможность, что убийца вообще не забирал сумку, а небритый побывал в квартире и ее уволок. Возможный вариант: уж очень этот парень смахивает на кого-нибудь из рабочих с этой стройки или с соседней.

— И в-третьих, — заключил Стас, — к Троепольской мог придти настоящий убийца, а его внешний вид — маскарад.

— Мужик с усами, которого видел дед во дворе, — напомнил Балакин.

— Он и тогда был какой-то маскарадный: темные очки, кепка...

— Выводы? — потребовал Комаров.

— Выводы такие, — вздохнул Стас, — что если мы найдем небритого, это может оказаться всего лишь мелкий мародершишка.

— Тогда давайте, что у вас там есть по розыску убийцы.

Северин раскрыл нашу тощенькую пока палочку и стал читать:

— «Версия № 1. Преступление могло быть совершено лицами из числа уголовно-преступного элемента, тунеядцев, пьяниц, находящихся в г. Москве без определенного места жительства и рода занятий, концентрирующихся в районе обнаружения трупа». Ну, тут работа идет полным ходом. Мы дали сводку-ориентировку по Москве, сейчас по отделениям и в медвытрезвителях проверяют всех, кто в последнее время попадал за мелкое хулиганство, за появление в нетрезвом виде и так далее. Завтра силами балакинских сыщиков и участковых будем обрабатывать весь район с фотороботом этого небритого. Как, Шура, будет к завтраму фоторобот? — спросил он меня.

— Гужонкин клялся.

— Ага. Значит, с фотороботом и с фотокарточкой потерпевшей ребята обработают район, места скопления людей, еще раз пройдут по кафе, ресторанам, по магазинам — в общем, это ясно.

«Версия № 2. Лицами из числа связей потерпевшей

в результате возникшей ссоры, на почве ревности или мести». Здесь пока туго. Кроме этого Горюца — никого. Будем еще разговаривать с соседями, на ее предыдущих местах работы. «Версия № 3. Лицами из числа связей потерпевшей или ее знакомых на почве корыстных побуждений».

— Какая там могла быть корысть? — удивился Комаров. — Она, поди, двухсот рублей вместе с гонорарами не получала.

— Это Невмянов настоял.

— Ее сослуживцы говорят, что она как-то недавно обронила фразу: вот, дескать, скоро я разбогатею...

— И это основание для отдельной версии? Может, она премию тридцать рублей собиралась получить!

— Может быть, — ответил я кротко. — Но при осмотре ее квартиры мы обнаружили тайник. Один из ящиков серванта имел двойное дно.

— Двойное дно?

— Да. Изнутри вбиты четыре гвоздика, а на них положена фанерка, под которой получается довольно большое пространство. И этот тайник был пуст.

— «Версия № 4, — прочитал Северин. — Преступление могло быть совершено лицами из числа людей, связанных с потерпевшей по ее журналистской работе, на почве мести или с целью предотвратить возможные разоблачения». Это самое перспективное — пока. Дамочка она была рискованная, все время лезла на рожон. Тут работы много, мы завтра получим в редакции все ее материалы, тогда будем думать. А пока в блокноте есть какой-то Алик по прозвищу Лошадь. Джим — в скобках Сережа и некий Николай Иванович.

— И дневник этот, про который женщины рассказывали, разумеется, не нашли?

Северин махнул рукой.

— На это и не надеялись. Петрова и Пырскова утверждают, что она всегда держала его на работе, в этом сейфике. Вероятно, оттуда он и пропал.

Комаров придумал в пепельнице очередную папиросу и подвел итог:

— Короче, кроме версий, ничего. И даже среди версий главной не видно. А почему у вас в плане никаких соображений нет по соседям? Вам же подруги ее говорили, что там какие-то склоки, или я путаю?

— Не путаете, Константин Петрович, — начал я. — Но мы думали...

— А я бы на вашем месте, — перебил он меня, — хотя бы для приличия включил их в план. Почему соседка не позвонила в милицию еще раз, когда увидела, что Ольга не пришла ночевать? А потом, когда стали звонить с работы? Уже ведь совершенно ясно стало, что что-то случилось! А что за сосед? Муж ее? Где он, что он, вы выяснили?

— Я интересовался по ходу дела, — сказал я. — Лангуева объяснила, что муж уже неделю в командировке, а про себя так: «Работаю в торговле».

— Завтра уточните, — сказал Комаров.

Тут Северин буквально хлопнул себя по лбу:

— Болван, я же еще перед тем, как туда ехать, попросил участкового сделать установочку на соседей. Но там пошли такие дела, что я все на свете забыл!

Через минуту после того, как Северин, поговорив с участковым, положил трубку, мы с ним сидели и старались смотреть, куда угодно, только не на Комарова. Лангуев Степан Федорович работал инспектором охраны труда в Министерстве угольной промышленности. Лангуева Нина Ефимовна — товароведом в магазине «Букинист» Мосбукинистоторга.

8

Когда на следующее утро мы с Севериным открыли дверь в нашу комнату, Комковский поливал из кувшина свою цыкату. Настроение у нас обоих после вчерашнего разноса было неважное. Северин, например, несколько секунд молча наблюдал за Комковским, а потом раздраженно спросил:

— Надеюсь, это соляная кислота?

— Не надейся, — безмятежно ответил тот. — Цветочек, между прочим, вещественное доказательство, я за него расписывался. Пускай стоит. — И добавил смачно: — Мemento мори.

Я набрал номер Гужонкина в НТО и спросил:

— Ну?

— Ты бы хоть поздоровался, Шура, — протянул он иронически. — Ты же, говорят, университеты кончал.

— Гужонкин, не морочь голову. Здравствуй. Ну?

— Людям, которые занимаются раскрытием убийств, то есть постоянно стоят перед ликом вечности, следует вести себя солидней, — сказал Гужонкин назидательно. — Ты вот растратил всю свою нервную энергию, а где возьмешь другую, когда она тебе понадобится?

Я уже собрался послать его к черту, но что-то в его словах насторожило меня:

— Это на что же мне может понадобиться моя нервная энергия?

— А ты поднимайся, — пропел Гужонкин. — Мне лицо твое видеть охота. — И положил трубку.

Увидев в дверях лаборатории наши хмурые лица, он оставил свой ернический тон и перешел к делу:

— Пуля, которой вы интересуетесь, выпущена из пистолета системы «вальтер». Это раз. Замок в комнате Троепольской, так же как и замок входной двери,

не поврежден: никаких следов пользования отмычкой не обнаружено. Это два. А теперь пальчики. На двери и на дверной ручке комнаты Троепольской обнаружены пальцевые отпечатки, идентичные отпечаткам, во-первых, Лангуевой, во-вторых, одного из милиционеров, которые приезжали по вызову, и, в-третьих, неустановленного лица. Отпечатки того же лица имеют место на полированной поверхности серванта, на дверцах шкафа, короче, повсюду в комнате.

— Проверяли?

— Разумеется. Неустановленное лицо ранее к уголовной ответственности не привлекалось.

— Все? — спросил Северин.

— Ну... — пожал плечами Гужонкин, — если вас ничего в моем сообщении не заинтересовало, тогда все...

— Леня, — сказал я проникновенно, — нас буквально все заинтересовало в вашем сообщении. Просто с утра мы не очень хорошо соображаем...

— Вчера вечером мы соображали не лучше, — буркнул Северин.

— Понял, — серьезно сказал Гужонкин. — У мальчиков неприятности. Объясню: вас не удивило, что нигде в комнате не были зафиксированы отпечатки самой Троепольской? Нигде!

— То есть как? — нахмурился Северин, а я буквально физически ощутил, что сейчас на нас навалится очередная проблема.

— Вот так! — развел руками Гужонкин. — Такое впечатление, что кто-то сначала стер все отпечатки в комнате, причем стер очень тщательно, а потом кто-то обильно наследил!

— То бишь в комнату входили дважды, — резюмировал Северин.

А я спросил:

— Но ведь где-нибудь должны же были сохраниться ее отпечатки? В кухне, на посуде!

— Возможно, — согласился Гужонкин. — На кухне, сами понимаете, мы не искали. Хотя, когда я брал эти отпечатки в комнате, мне представлялось, что они-то и принадлежат хозяйке. Уж очень их было много. И если б я сам не снимал пальцы на трупе...

С Севериным мы договорились, что он с Гужонкиным сейчас снова поедет к Троепольской и все там еще раз осмотрит с новых высот нашего знания.

Потом ему предстояло подскокить в редакцию, взять там обещанные материалы Троепольской.

Мне, как немеханизированному подразделению, ставилась одна задача: навестить Горовца. Сбор в три на Петровке, обед и — вперед, по букинистическим магазинам. «Окунемся в море книг», по выражению Северина. Вообще в нас проснулась бешеная энергия.

Горовец жил в прелестном московском районе, тихом, зеленом и центральном.

— Кооператив «Оформитель» знаете? — спросил он меня по телефону. — Неужели нет? Спросите любого прохожего, вам покажут. — Но спрашивать не было нужды. Едва сойдя на остановке, я сразу увидел его: причудливой формы небоскреб из розового кирпича, перед которым столпилось несколько десятков автомобилей. Возле одного из них стоял мой художник.

Сегодня на нем были ярко-оранжевые спортивные штаны с черными полосами по бокам, светло-зеленая куртка, черные тапочки и только кепка та же, что вчера, — белая. Все цвета, включая красные «Жигули», на фоне которых он, казалось, позировал, были сочными, я бы сказал, безаппеляционных оттенков. Но еще больше порадовала меня дама, стоявшая рядом с ним. Во-первых, она была как минимум на полторы головы выше своего кавалера. А во-вторых, это достаточно юное и длинноногое существо в очаровательном «мини» престранно смотрелось рядом с маленьким, пухлым и мордастым художником.

Я увидел, что мое приближение не осталось для Горовца незамеченным. Он кинул в мою сторону быстрый косой взгляд, но продолжал делать вид, что меня пока нет. Положив, вернее, даже возложив руку на талию дамы, художник притянул ее к себе и чмокнул в щечку. После этого она пошла к стоящему неподалеку в ожидании такси, а он смотрел ей вслед, слегка наклонив голову назад. И лишь когда машина тронулась с места, он соизволил заметить меня.

— А, здравствуйте, — сказал он, захлопывая дверцу своих «Жигулей». — Пойдемте ко мне.

Господи, думал я, поднимаясь за ним в подъезд, где мрачная лифтерша, как недремлющий аргус, окинула меня подозрительным взглядом, ведь я для него совершенно незнакомый человек, впервые услышавший даже о кооперативе «Оформитель», в сущности, мелкий чиновник с небольшой зарплатой! А поди ж ты — для меня, судя по всему, устроено целое представление с этой девкой, с машиной, с роскошными заграничными тряпками, которые, конечно, не цепяшь для делового выхода в город, а как домашнее пижонство, которому требуется зритель, или какой-то психологический расчет?

Когда мы вошли в лифт, я поинтересовался:

— Это у вас дочка такая большая?

— У меня нет детей.

— Ах вот как! — сказал я, и дальше мы молчали до самого пятнадцатого этажа.

Но, открывая дверь в квартиру, он все-таки не выдержал и объяснил:

— Это моя приятельница. Манекенщица из Дома моделей.

Мы прошли в гостиную.

— Извините, у меня не очень прибрано, — небрежно сказал Горовец. — Вчера были гости...

Вероятно, это тоже входило в программу: журнальный столик был заставлен пустыми рюмками и бокалами, початыми бутылками. Пока хозяин относил все это на кухню, я сел в кресло и огляделся. Мебель современная, финская. Видеомагнитофон «Джей-ви-си», телевизор «Шарп». Зато весь остальной интерьер из прошлого, даже позапрошлого века. Картины в старинных рамках.

Тонко расписанные тарелки. Миниатюры в виде медальонов. На длинном и низком пузатом комодике — целая выставка фарфоровых статуэток. В углу напольные часы красного дерева с тяжелым маятником, что не мешает присутствовать в комнате еще одним, украшенным бронзовыми виноградными лозами. В подвальных вещах сотрудник уголовного розыска со временем начинает разбираться даже помимо своей воли, так что я смог по достоинству оценить все эти действительно ценные в художественном отношении предметы. Разбирался сотрудник уголовного розыска и в том, почему это стоит.

— Кофе? Рюмочку коньяку? — спросил хозяин, появляясь на пороге. Заметив, что я разглядываю одну из картин, на которой большая толпа наряженных, как для маскарада, людей танцевала посреди освещенной огнями улицы, он снял ее со стены и вместе с ней присел на подлокотник моего кресла.

— Нравится? Мое последнее приобретение. Вообще-то я собираю живопись восемнадцатого и девятнадцатого веков, а вот недавно увлекся началом двадцатого. Это Коровин, парижского периода, эскиз к Дон-Жуану. Только надо бы ее отреставрировать. Видите, краска кое-где пересохла и сыплется. — Он еще несколько секунд разглядывал картину, а я в это время разглядывал его: по лицу художника блуждала гордая улыбка, словно эскиз к Дон-Жуану был творением рук не Коровина, а самого Горовца.

Потом он отнес картину обратно и аккуратно повесил на гвоздик. Когда художник уселся в кресло напротив меня, даже тени прежней улыбки не было. Цепкие глаза снова обшаривали меня, будто пытаясь определить, не скрывает ли я под пиджаком какое-нибудь секретное оружие. Слова, которые Горовец при этом произносил, жили совершенно отдельно от его взгляда и от того, что он в этот момент думал.

— У меня, между прочим, довольно много знакомых среди представителей, так сказать, вашей профессии. Генерал Никодимов — знаете? Ну как же, из министерства! И с вашим начальством знаком, приходилось как-то встречаться на приемах, приходилось.

Ну, все уже ясно, думал я, вежливо кивая. Ясно, что ты богема, элита, что ты со связями, что с тобой надо обращаться аккуратно, как с фарфоровой статуэткой. Не ясно только одно: зачем мне все это нужно объяснять? Просто так, чтобы я знал свое место? Или ты чего-то опасаться?

— Я насчет Ольги Троепольской, — напомнил я.

— Ах, да, да. Ужасная трагедия. — Теперь его глубоко запрятанные глаза смотрели на меня выжидающе. — Чем я могу вам помочь?

— Сейчас нас интересует все, связанное с убитой, — сказал я и улыбнулся ему, как только мог дружелюбней. — Вы ведь художник, стало быть, наблюдательны профессионально. Начните рассказывать, что знаете об Ольге, а я буду задавать вопросы.

Он тоже ласково мне улыбнулся, даже глаза на миг прикрыл, давая понять, что в полной мере оценил мое замечательное предложение. Но ответил:

— Видите ли, я художник, но несколько специфического склада. Мы, оформители, привыкли отталкиваться от конкретного текста, нашу фантазию будит для начала чужая мысль. Так что задавайте вы свои вопросы, а я, если смогу, буду отвечать.

Я вздохнул: не прошло — не надо. Будем задавать вопросы.

— Расскажите, пожалуйста, о ваших личных отношениях с Ольгой Троепольской.

— Я не слишком хорошо осведомлен... в процессуальных нормах. Но разве я обязан? Об интимных сторонах своей личной жизни?..

— Виктор Сергеевич, да, конечно же, ничего вы не обязаны! Я ведь сейчас просто пришел к вам побеседовать и прошу мне помочь. Но вы же понимаете, — прибавил я доверительно, — мы убийство расследуем, а не кражу белья во дворе. Вот вы тут о процессуальных нормах толковали. Если настаиваете, мы можем пригласить вас к нам официально, повесткой. Вам предложат как свидетелю расписаться в том, что об ответственности за дачу ложных показаний вы предупреждены. Вот тогда уже вы будете обязаны...

В этом месте он прервал меня, добродушно махнув рукой, и улыбнулся мне в ответ еще более широко, чем я. Это была просто выставка-продажа улыбок.

— И кстати, — заключил я, — обратите внимание, что я попросил рассказать о ваших личных отношениях с убитой. Слово интимные употребили вы.

Горовец заерзал в кресле. Видно, он прикидывал, что может мне быть известно, вернее, что могло быть известно Петровой и Пырской. Наконец он принял

решение. Для начала это выразилось в том, что он повольнее устроился на подушках и изобразил ухмылку типа «здесь все свои ребята».

— Да что это я, ей-богу! Ольга была женщина незамужняя, я холостой, что тут зорного?

Я молчал, чувствуя, что теперь он будет говорить без покаяния.

— Ну, было, было, — действительно продолжал Горовец. — Да и то сказать — что было-то? Легкий романчик, а уж вам, небось, наговорили с три короба!

— Давно? — спросил я.

— Что давно?

— Романчик. Давно был?

— Да как сказать. Если честно, этой зимой началось, а к весне, почитай, все кончилось.

— Что так?

— Ну и вопросы вы задаете! Сами-то женаты?

Это было настолько неожиданно, что щеки мои помимо воли вдруг стали наливаются краской, и я впервые в жизни чуть было не крикнул сакраментальное: «Здесь вопросы задаю я!» Но сдержался и ответил:

— Нет.

— Ну вот! — радостноотреагировал он. — Значит, должны понимать. У мужчины и женщины возникло вполне естественное влечение друг к другу, потом прошло. Что ж, по-вашему, в наши-то годы обязательно любовь до гроба?

— И как вы расстались? Спокойно?

— Естественно! Как вполне интеллигентные люди. Или вы думаете, что меня на пятом десятке вдруг пронзила роковая страсть к этой корреспонденточке и я застрелил ее в порыве ревности? — Он оскорбительно рассмеялся, а меня покорило, хотя оскорбление было направлено на убитую. Впрочем, может быть, именно поэтому.

— Ну, почему же, — заметил я, окидывая Горовца оценивающим взглядом. — Вдруг наоборот, Ольгу пронзила роковая страсть?

— Вы не намекайте, не намекайте, — усмехнулся он. — Я себя в зеркале каждое утро вижу. Это вы по молодости лет пока думаете, что женщину привлекают в мужчине бицепсы, широкие плечи или физиономия, как у Марлона Брандо. Все это, дорогой блюститель порядка, годится в крайнем случае для первого впечатления. Женщины между тем существа гораздо более тонкие, чем принято думать. Им мудрейшей природой дан изумительный дар — начиная с какого-то момента, видеть своего мужчину примерно таким, каким он сам себя ощущает. Мы к иной красавице подойти боимся — ах, думаем, это не про меня! Я не такой, я не этаким, близорукий, спина сутулая! Квазимодо не имел права влюбляться в Эсмеральду, а вот взял и влюбился! Так вот, я однажды решил, что буду отныне человеком без единого комплекса. Да, маленький, толстый, некрасивый. Ну и что? Меня это не смущает, значит, и женщину не смущает! Она сама, если захочет, найдет во мне уйму положительных качеств: я, например, талантливый, удачливый, остроумный, я умею женщину развлечь, у меня деньги, машина, квартира. Да разве с этим ваши бицепсы могут сравниться?!

— И которое из ваших качеств прельстило Ольгу? — поинтересовался я.

— Не знаю, — ответил Горовец, утомленно откидываясь в кресле. — Не спрашивал. Как видите, я не скрываю того, что люблю женщин, и женщины отвечают мне взаимностью. Простите, но Ольга была в моей жизни всего лишь эпизодом.

— Вы часто бывали у нее дома?

— Никогда не бывал. Только подвозил до подъезда. Она же в коммуналке жила, у нее соседи, кажется, были какие-то склоные.

— Она не говорила подробней, что за склоки?

— Говорила, да я слушал вполуха. Меня, знаете ли, это мало интересовало. Что-то там у них было с обменом. А, вспомнил! Раньше в квартире жила еще одна старушка, потом она умерла, и эти ее соседи забрали себе вторую комнату. И как только все оформили, сразу стали предлагать Ольге развезаться. Но квартирка-то у них маленькая, и однокомнатную для Ольги предлагали только где-то у черта на куличках. Она отказывалась, они ей сначала деньги предлагали, потом скандалить начали, третировали ее как-то. В подробности я не вникал. Предложил один раз помочь, если надо, подключить кое-какие связи в исполкоме, в милиции... — Он примолк, глянув, какое впечатление производят на меня его слова.

Но я хранил непроницаемый вид.

— И что же она ответила?

— Сказала, не надо. Пообещала, что сама с ними разберется.

— Каким образом?

— Не знаю, — ответил Горовец, подумав. — Не спрашивал.

— Она знакомила вас с какими-нибудь друзьями?

— Нет, мы больше к моим ходили.

— Может быть, рассказывала о ком-то?

— Может быть. Но я не помню. Все они любят рассказывать... Особенно по утрам... Я же вам сказал, это было не больше чем эпизодом.

Он нетерпеливо схватился за подлокотники кресла, давая мне понять, что разговор подошел к концу. Но я задал еще не все свои вопросы.

— Скажите, Виктор Сергеевич, а о ком она могла писать в этой своей юмористической повести? Вы о ней слышали?

— Слышал, — ответил Горовец нехотя. — Да только она ведь ее читать никому не давала, одни разговоры вокруг. Я всегда считал, что это очередной ее фокус.

— Очередной? — переспросил я. — А какие были перед ним?

— Не знаю! — неожиданно зло воскликнул он. — Что вы к словам придираетесь? — Но тут же взял себя в руки и продолжал спокойней: — Это просто выражение такое. Я вам сказал: больше ничего не знаю. Что мог, то рассказал. А теперь простите, мне тоже нужно работать.

На этот раз он действительно встал, но я остался сидеть на месте.

— У меня к вам, Виктор Сергеевич, есть еще один вопрос.

— Если один, то давайте, — согласился он и демонстративно взглянул на часы.

— Только один, — подтвердил я. — Расскажите, пожалуйста, что вы делали в воскресенье, начиная с шестнадцати.

Горовец с размаху упал обратно в кресло.

— О-о, — протянул он, — это уже серьезно. Вы подозреваете меня в убийстве?

— Слишком сильно сказано, — ответил я, пожимая плечами. — Но такой вопрос мы будем вынуждены задать всем, кто так или иначе был связан с убитой.

— Пожалуйста, — сказал он, откидываясь назад и закатывая глаза. — В воскресенье весь день я находился дома, работал. А в половине седьмого вечера поехал в Дом кино, на просмотр. Там была новая картина итальянского режиссера Серджионе Леоне, слышали, конечно? После этого я сидел в ресторане, можете проверить. Там я, кстати, познакомился с Лизой, вы ее сегодня видели. Как я провел ночь, рассказывать? — В голосе его была насмешка.

— Пока не надо, — сказал я сдержанно. — А кто может подтвердить, что вы сидели на просмотре?

— Ну, зал там примерно на тысячу человек. Так он был полон — Серджионе Леоне, знаете ли, очень популярный режиссер. — Теперь Горовец смотрел уже с откровенной издевкой.

Этим меня, слава богу, уже давно не прошибешь: работа выучила. Поэтому я продолжал спокойно, почти ласково:

— Вы, наверное, не поняли, Виктор Сергеевич. Я спрашиваю, нет ли кого конкретного, с фамилией, с адресом, кто сидел рядом с вами во время сеанса и мог бы подтвердить, что вы куда не отлучались?

— Чего нет — того нет, — развел руками Горовец. — Сел на свое место, кто там был рядом, не помню.

— Значит, твердо алиби на тот момент, когда было совершено убийство, у вас не имеется, — констатировал я.

Горовец даже привстал с кресла.

— Вы что себе позволяете? — спросил он угрожающе.

Теперь настал мой черед делать удивленное лицо. — Называя факт — больше ничего. Ах, вот вы о чем, — рассмеялся я, будто только что догадавшись. — Так ведь отсутствие алиби еще ни о чем не говорит! Наличие — говорит, а отсутствие — значит просто отсутствие. И только вкуче с другими фактами... Понимаете?

— Понимаю, — проворчал он.

Но, провожая меня до лифта, Горовец снова сделался сама любезность.

— Всего доброго, очень рад был познакомиться, если будут еще вопросы, обязательно звоните...

Только ножкой не шаркнул.

9

Трясаясь в троллейбусе на обратном пути в управление, я подводил малоутешительные итоги. Разговор с Горовцом не оставил во мне ничего, кроме глухого раздражения. У меня осталось лишь смутное впечатление, что наша беседа ему дала даже больше, чем мне. В том смысле, что я не узнал почти ничего интересного, а он понял, что ничего я интересного не знал и до этого.

Мне вообще все сегодня не нравилось. Третий день, а мы еще двигаемся, словно механическая игрушка с ослабевшей пружиной: дернемся — остановимся, дернемся в другую сторону — и снова стоп! Конечно, я по опыту знал, что рано или поздно количество наших усилий перейдет в качество. Но когда, когда?

Еще сквозь запертую дверь я услышал, как в нашем кабинете разговаривают на разные голоса оба телефона. Влетев на полном ходу, я чуть не свалился на пол эту чертову цикуту, но успел вовремя схватить обе трубки и крикнуть в них: «Алле!» В одной оказался Комаров, который коротко бросил: «Зайди». В другой сидел Балакин и, пока я говорил Комарову «есть», обходил вокруг стола и садился, уже что-то рассказывая.

— ... плетеная, с цветочками, — протокольным голосом говорил Митя. — На дне плащ, синий, скомканный, и косметичка, которую она, видать, держала еще

и за портмоне. В ней темные очки, пудра, тушь, тени для век, фотография ее самой, потропанная, размер — три на четыре, две квитанции из химчистки, редакционное удостоверение и паспорт. Кошелек нет, если он был, конечно. И нет ключей — никаких.

— Погоди, Митя, — сказал я, уже поняв, что речь идет о сумке Троепольской. — Где нашли-то ее?

— Так я ж с этого начал! На помойке, кварталах в двух от места убийства.

По словам женщины, обнаружившей сумку, она была уже полузакидана каким-то мусором. Но Балакин утверждал, что пролежать там все три дня она не могла: он проверил, вчера днем мусор вывозили, баки были пусты. Следовательно, сумку подкинули не раньше чем вчера вечером. Именно подкинули, потому что, считал Балакин, даже полный идиот за два дня соорудил бы, что надо отвезти ее куда-нибудь подальше. Из этого Митя делал вывод, что на версию о «рабочем со стройки» нас выводят. Я сказал ему, чтобы ехал к нам, вез сумку на экспертизу, и пошел к Комарову.

Его самого в кабинете не было, зато на стуле у окна сидел посетитель, широкоплечий парень в джинсах, спортивной куртке и кроссовках. Он поднялся мне навстречу и спросил:

— Вы Невмянов? — а после моего кивка протянул руку: — Буйносов. Константин Петрович вышел, просил, чтобы я все вам еще раз повторил.

Я присел напротив. У парня было лицо, похожее на месяц в небе, как его рисуют в иллюстрациях к детским сказкам: все тянулось вперед — подбородок, нос, тонкие губы, короткий светлый чубчик. Говорил он глубоким и мягким голосом.

— Вот, для начала, чтобы представиться... Визитная карточка со стола Комарова перешла ко мне в руки. «Буйносов Эдуард Николаевич. Старший научный сотрудник Государственного литературного музея. Кандидат филологических наук». Я еще раз оглядел парня, который, впрочем, теперь уже парнем мне не показался. Вот, значит, какие нынче пошли книжные черви, музейные крысы! Отстал я, выходит.

Я вернул карточку на стол и изобразил готовность слушать.

— Дело в том, — сказал Буйносов, — что Ольга Васильевна Троепольская вела с нашим музеем переговоры о продаже библиотеки.

Я ничего не понял. Какая библиотека? Видно, недоумение явственно отразилось на моем лице, потому что он поспешил объяснить:

— Не своей. Она, так сказать, выступала представителем. Это библиотека вдовы одного собирателя. Старушка последние лет десять распродала кое-что по мелочам, на жизнь. Через магазин в основном. А с недавнего времени стала плохо совсем, ну, к ней и повадился ходить какие-то на дом. Ольга рассказывала: она не видит почти ничего, еле ходит, так эти подонки принаровились одну-две книжки у нее для вида покупать, а еще пять воровать!

Последние слова он произнес с гневом. Я с ним полностью солидаризовался, но не забыл приметить «Ольгу» и отложить ее в сторону до поры.

— В общем, Троепольская взялась ее опекать, продукты носила и все такое... — Он сделал общий взмах рукой, а я попытался представить себе, что может значить «все такое» в отношении старушки, которая еле ходит и почти не видит, но толком не смог. — А потом уговорила ее передать всю библиотеку в музей — естественно, с компенсацией. Во-первых, чтобы ее больше не грабили, во-вторых, чтобы сохранить цельность коллекции — в память о покойном муже.

— Там что, было на крупную сумму?

Мне показалось, что Буйносов смутился.

— Видите ли, о конкретной сумме речь не шла еще. Только предварительные переговоры, составление списка. Мы не очень-то богаты... Зато можем гарантировать, что коллекция сохранится как единое целое, с фамилией собирателя!

— Но там действительно ценные книги? — гнул я свое, милиционерское.

— Безусловно! Были даже очень ценные, просто уникальные! Прижизненные издания Пушкина, например, и Радищева. Потом...

— Почему «были»? — спросил я.

Он запнулся и кивнул своим длинным носом.

— Я же объяснял уже... Константину Петровичу...

Когда я вчера позвонил в редакцию и узнал про... про несчастье... В общем, сегодня я ездил к этой старушке, к Анне Николаевне. Она ничего не знает, я ей не стал рассказывать. Не смог... Она все время говорила про Ольгу, как про живую, так хвалила ее!.. И еще она сказала, что самые ценные книги она недавно отдала ей на всякий случай, потому что эти нахалы все еще звонят, приходят... Я и приехал к вам.

Ну, вот, подумал я, кое-что и прояснилось. Не зря я плакался сам себе в жилетку. Мы, конечно, не кандидаты филологических наук, но тоже представляем себе, сколько могут стоить прижизненные издания Пушкина и Радищева. Я достал блокнот.

— Можете мне перечислить книги?

Он взял листок бумаги со стола Комарова.

— Вот, Константин Петрович уже записал. И... я тут цены проставил, букинистические. Знаете, на такие

книги даже в каталоге цена определяется не твердо, а от какой-то суммы и дальше вверх, на усмотрение оценщика.

Я глянул на итог, подведенный комаровской рукой: четырнадцать тысяч. Внизу было написано: «Горбатенькая Анна Николаевна». И адрес с телефоном.

Буйносов встал, развел руками.

— Вот, собственно, и все. Константин Петрович что-то задерживается, а мне пора. Вы можете подписать мне пропуск?

— Могу... — Я все прикидывал, как спросить его про «Ольгу». Ничего тонкого не придумал и хотел уже брякнуть напрямую, когда появился Комаров.

— Побеседовали? — усмехнулся он, усаживаясь за свой стол и подписывая Буйносову пропуск. Я подумал, что нет хуже без добра: может быть, к следующему разговору с кандидатом филологических наук я придумаю способ, как потоньше задать ему этот деликатный вопрос. У меня на сей счет имелись кое-какие соображения.

Когда Буйносов ушел, я доложил Комарову про Горовца. Он молча снял трубку и набрал номер.

— Алексей Степанович? — Я понял, что он звонит зам. начальника УБХСС. — Комаров. Можешь выяснить, твоим ребятам такое словосочетание — Горовец Виктор Сергеевич — что-нибудь говорит? Ах, прямо тебе говорит? Ну-ну.

Несколько минут он слушал, не перебивая, потом поблагодарил и попрощался.

— Спекулянт, — кратко передал он содержание своей беседы. — В основном живопись, во вторую очередь антиквариат. Пока по разным делам проходил свидетелем, прямо его не зацепили ничем. Хорошая прикраска: художник, коллекционер.

Значит, все-таки было чего опасаться моему пухлому приятелю, подумал я. Да, в его положении чем меньше контактов с нашим учреждением, тем лучше. А то ведь, не дай бог, начнем ковырять, посыплется краска — не оберешься хлопот с реставрацией!

— Чем не мотив? — спросил Комаров. — Девчонка могла художника на чем-нибудь поприжать. Она ведь, как я понял, крупная была любительница всяких разоблачений.

Возвращаясь к себе, я размышлял над тем, что мотивов прикончить Ольгу Троепольскую набирается все больше. Еще чуть-чуть, и станет ясно, что у нее просто не было шансов выжить.

Когда я открыл дверь в нашу комнату, то застал там всю компанию. Северин курил у окна, пускал дым в форточку и даже не обернулся на мой приход. Балакин с бессмысленным выражением на лице окучивал карандашом цикуту. Гужонкин, как-то криво и неопределенно ухмыляясь, сидел в углу. У него был толковый вид приятеля фокусника, который знает, какую штуку нам сейчас отмотать, но не имеет права фыркать раньше времени. Все молчали.

Я шагнул на порог и врезался лбом в это молчание, как пассажир, забывший пристегнуться ремнем безопасности.

— Ну, что еще случилось? — спросил я, мгновенно ощущая тоскливое томление под ложечкой. — Опять убили кого-нибудь?

— Вроде того, — пробормотал Гужонкин.

— Леня, просвети товарища, — по-прежнему не оборачиваясь, скучным голосом попросил Северин. — У меня что-то голова просто раскалывается.

— Значит, так, — начал Гужонкин. — Для начала, как только ты ушел, позвонил старик Макульский. Видишь ли, у этой девчонки в паху все вены исколоты...

У меня глаза полезли на лоб. Троепольская — наркоманка?!

— Ну и общая диагностическая картина соответствует, — продолжал он. — Почки, печень, желудок, кровеносная система. Явные следы долговременного употребления. Не исключены маковые производные, вплоть до морфия.

Я только и мог, что обалдело потрясти головой.

— Ну, тут уж, сам понимаешь, мы все вместе двинули к ней на квартиру. А там... Как я и предполагал, все дело оказалось в пальчиках...

— Покороче... — проскрипел Северин от окна.

— Короче некуда, — откликнулся Гужонкин. — В кухне, на посуде Троепольской, на столе, даже на банках с вареньем мы нашли одни и те же отпечатки. Того же «неустановленного лица», что и в комнате.

Он замолк, как бы предлагая дальше додуматься мне самому. Но на меня нашел некий ступор: я чувствовал, что здесь что-то неладно, мучительно готов был вот-вот найти отгадку, но в последний момент мысль срывалась с гладкой поверхности и валилась на спину лапками вверх.

— Тогда мы поехали в редакцию, — продолжал Гужонкин, правильно оценив отсутствие у меня реакции, — и там на дверце маленького сейфа обнаружили несколько разнообразных отпечатков, но больше всего — каких? — спросил он тоном учителя, закрепляющего пройденный материал.

— «Неустановленного лица», — автоматически ответил я, сам себе боясь признаться, что понимаю, куда он клонит.

— Правильно! — подтвердил Гужонкин. — После чего мы достали со шкафа графин, из которого Трое-

польская — только Троепольская! — поливала цветы у себя на подоконнике. На нем были — что? — Он вопросительно ткнул в меня пальцем.

Я уже обо всем догадался, но догадка выглядела так нелепо, что я молчал.

— Пальчики «неустановленного лица!» — торжественно провозгласил Гужонкин. — Ну, естественно, тогда уж мы поехали в поликлинику и попросили нам показать амбулаторную карточку, так сказать, покойной. Никакими специфическими заболеваниями она, правда, не страдала, но зато три года назад перенесла операцию по поводу флегмонозного аппендицита...

Он сделал паузу, рассчитанную, вероятно, на последующий эффект, но его опередил Северин.

— Никаких следов операции на трупе нет, — жестко сказал он, поворачиваясь ко мне. — Это не Троепольская.

— Эх, сыщики! — вздохнул Балакин и с треском обломал карандаш. — Что делать будем?

— Я, например, — сказал Северин, снова отворачиваясь к окну, — надену рубище, посыплю главу пеплом и пойду поклониться мощам того Мафусаила, который первый мне, крестину, объяснил, что женщина шла от дома номер шестнадцать! А я, идиот, ему не поверил!

— С нашей активной помощью, — грустно подтвердил Балакин.

— Но погодите... — начал я. — Надо же разобраться! А платье? А сумка с паспортом? А Петрова с Пырской? Они же ее опознали!

— Все это прибереги для объяснений Комарову, — обреченно ссутулился Северин. — А может, кому повезет.

Я вдруг почувствовал, что безумно устал, и опустился на стул. Чем, черт побери, мы занимались эти двое суток? Бежали, суетились, дергались в разные стороны... А пружинка, оказывающаяся, не ослабла, просто крутили ее не туда, куда надо. И теперь, что вполне естественно, она наконец выскочила из гнезда, распрямилась и залепила прямо в лоб незадачливому механику, который взялся посмотреть, что там внутри у механического зайца.

10

Вполне возможно, что я от обалдения утратил на какое-то время способность адекватно оценивать события. Во всяком случае, следующим потрясением дня стало для меня то неожиданное спокойствие, с которым Комаров воспринял нашу информацию. Я говорю «нашу», потому что никто из нас не соглашался идти докладывать в одиночку, и мы вломились к нему все вместе, прихватив с собой даже попытавшегося было вильнуть Гужонкина.

— Ну, что ж, лучше поздно, чем никогда, — сказал зам. начальника МУРа. — Хорошо хоть, что успели выснить это до похорон. Был бы нам всем номер... — И, изменив тон, жестко перешел к делу: — Мысли? Соображения?

— Весь план полетел к черту, — махнул рукой Северин.

— Почему это весь? — неожиданно резко спросил Комаров. — Предположим, это действительно не Троепольская, а некая женщина, очень на нее похожая. Тогда где журналистка? Сумка-то на помойке ее валяется! В ее комнате все вверх дном, не в чьей-нибудь! Какой такой новый план вы мне можете предложить, если даже неизвестно, чей труп у нас на руках? У вас что, заявление об исчезновении другой женщины есть? Нет! Зато у вас есть... — Он принялся медленно загибать пальцы, выкачивая в нас каждое слово, а мы увидели, как постепенно и неотвратимо свирепеет наш начальник, причем об объекте его неудовольствия, увы, гадать не приходилось: — Платье на Троепольской в день убийства было такое же, как на трупе — раз! Сумка такая же — два! Эти из газеты по внешнему виду без всяких сомнений признали в убитой Троепольскую — три! И, наконец, сама она третьи сутки находится неизвестно где — четыре! Что все это значит, вы дали себе труд подумать, прежде чем разнюиваться? А значит это, что когда вы найдете Троепольскую, вы, скорее всего, узнаете, кто убит, а может быть, кем и почему. Ясно?

Я исподтишка переглянулся со своими товарищами и почувствовал, что не меня одного, видимо, хлопнуло по голове и привело в растерянность неожиданным поворотом нашего, с позволения сказать, сюжета. Но, как ни странно, именно вид не на шутку расвирепавшего Комарова — явление редкое и грозное, — кажется, приводил нас в чувство.

— Ясно, — от имени всех твердо ответил Северин. — Значит, так, шестым пунктом пишем в план работу по наркоманам. Кто там у нас по ним главный?

— Леван Багдасарян, — отозвался я.

— Надо будет для начала показать его ребятам карточки Троепольской и убитой... впрочем, это один черт...

И у меня в голове начало, кажется, проясняться. Я сказал:

— Есть версия в отношении собственно убийства. Убить хотели действительно журналистку — мотивов нам известно достаточно. А наркоманка — жертва недоразумения.

— Скорее всего не недоразумения, а какого-то очередного фокуса этой Троепольской, — пробурчал из-за наших спин Гужонкин.

— То, что убитая не Троепольская, еще не значит, что сама Троепольская жива, — тихо, но твердо сформулировал Дима Балакин.

— Работайте, — прихлопнул ладонью по столу Комаров и сам тяжело поднялся со своего места. Не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: теперь его очередь идти докладывать, отдуваться за нас. Мы ретировались мгновенно.

— Ну-с, — нахально сказал Северин, когда мы вернулись к себе. — Мысли? Соображения?

— Иди к черту, — ответил я. — Ты старший, вот и командуй.

— Хорошо, — покладисто согласился он. — Тогда так: Балакин едет к себе и занимается дальше отработкой территории и бывшими жильцами дома номер шестнадцать. Товарища Гужонкина попросим любезно заняться экспертизой сумочки. Невмянов с портретами наших близняшек пойдет к Багдасаряну, я пойду к ребятам в УБХСС с блокнотом Троепольской, поинтересуюсь, как обстоят дела с библиофилами и библиоманами. Потом мы с Шурой решим по обстановке, что делать дальше. Связь держим через Митеньку. Возражения есть?

— Полководец! — восхищенно сказал Гужонкин. — Наполеон!

И все потянулись к выходу.

Леван долго рассматривал фотографии, крутил их так и этак, но потом все-таки сказал с сожалением: — Извини, не узнаю. Оставь, завтра на пятиминутке всем своим покажу.

— Леванчик, — попросил я, — расскажи в двух словах, есть у них какие-нибудь постоянные места сейчас? Кафе? Скверы?

Я помнил, что года два назад, когда мне последний раз пришлось иметь дело с наркоманами, такие кафе были.

— Нет, — покачал головой Леван. — Мы их так обложили, что они все теперь по квартирам расползлись, как тараканы. Адреса знаем, конечно, но войти внутрь, сам понимаешь, не всегда просто. Вы бы выяснили поподробней, из какой она была компании, мы бы постарались дать вам разработку.

Я вспомнил предположительный диагноз Макульского и спросил:

— А какие сейчас каналы поступления опиума, морфия?

— Морфия в ампулах обычные — хищения в медучреждениях. А опиум из мака. Мак везут из Средней Азии, Закавказья, с Кавказа, из Ставрополя, Краснодар. Еще... Морфий вообще-то можно из опиума гнать, но для домашних условий процесс изготовления сложноват, а отсюда цена — 250—300 рублей за грамм. Среди этой шушеры не всякий может себе позволить...

Северин уже ждал меня за своим столом. Скучное выражение его лица говорило, что он тоже не добился особых результатов.

Так и оказалось: ни Алик-Лошадь, ни Сережа-Джим, ни тем более совсем уж расплывчатый Николай Иванович по карточкам УБХСС не проходили.

— В общем-то немудрено, — вздохнул Стас. — Судя по блокноту, Троепольскую интересовала спекуляция в основном старыми книгами, такими, на которые и цена-то твердая не всегда есть. Тут доказывать что-нибудь — замучаешься.

Я извлек из кармана список книг с адресом и телефоном Анны Николаевны Горбатенькой. Северин потянулся к трубку.

— Правильно, с нее и начнем.

Звонка в привычном понимании при входе не было. В высокой прохладной полутьме лестничной площадки громадного, так называемого сталинского, дома мы

отыскали нужную дверь — массивную, резного дерева. В поисках кнопки Северин зажег спичку, в ее свете тускло тускло блеснула тяжелая бронзовая ручка, потом витиевато гравированная табличка: «Профессор Адриан Серафимович Горбатенький». Под табличкой на двери имелось нечто вроде бронзового козырька, из-под которого выступала бронзовая же рукоятка с деревянным полированным шариком на конце.

— Дерни за веревочку, дверь откроется, — почему-то вполголоса проговорил Северин. Я протянул руку и потянул шарик вниз.

Эффект был для меня таким же неожиданным, как и сама конструкция. Сначала за дверью тяжело бухнуло словно молотком, потом что-то затрещало, и вдруг будто посыпались откуда-то в медный таз звонкие шарики. Шарики ударились о дно, выскакивали и прыгали дальше по длинному коридору, заливаясь смехом, радуюсь, что их выпустили на волю, разбегаюсь по комнатам в поисках хозяев. И едва затих последний, щелкнул замок, дверь медленно поползла на нас. Прихожая оказалась ярко освещена. На пороге стояла маленькая, худая, как подросток, очень старая женщина с редкими, не очень опрятными, совершенно белыми волосами, с мешковатым, нездорового оттенка лицом и смотрела на нас бесцветными, широко открытыми, абсолютно ничего не выражающими глазами.

У меня сжалось сердце. Вот как выглядит одинокая старость. Она, наверное, одного возраста со своим звонком. Как несправедливо устроена жизнь: старые вещи растут в цене, а люди... Я подумал почему-то, что, наверное, Ольга Троепольская тоже ощущала эту несправедливость, и вдруг впервые представил ее себе не просто как потерпевшую, объект наших профессиональных поисков, а как живого человека. И этот человек мне понравился.

— Это вы из милиции? — спросила Анна Николаевна. Голос у нее был тонкий, скрипучий. — Проходите.

Она зашаркала по коридору, почти не отрывая от пола стоптанных тапок без задника. Несмотря на жару, на ней был грязноватый байковый халат, подвязанный на поясе серым оренбургским платком. Из-под халата виднелись тонкие ноги в шерстяных, облысевших на пятках чулках.

— Совсем антикварная старушка, — пробормотал еле слышно Северин, но я не услышал в его тоне обычных ернических ноток.

В конце коридора она свернула налево, и мы вслед за ней оказались в просторной комнате, где, кроме огромного письменного стола, крытого зеленым сукном (и оттого больше смахивающего на рабочее место бильярдиста, чем ученого), чернокожего дивана с надменной прямой спиной и такого же кресла, все остальное пространство стен было отдано книгам. Я отметил, что даже при такой скупости интерьерного ассортимента запустение сумело наложить на окружающее вполне отчетливую печать. Книги стояли на полках неровно, неаккуратно, иные вверх ногами, другие и вовсе лежали кривыми стопками, кое-где даже не корешками, а торцами наружу. Местами в их рядах зияли внушительные дыры. И поверх всего стелился толстый ковер пыли.

— Садитесь, — проскрипела хозяйка, и сама, подпахнув халат, присела на край кресла. — На диван садитесь, только пыль стряхните. Это от книг пыль, благородная. — Она раздумчиво пожевала тонкими бескровными губами и сообщила: — Раньше-то Глафира каждый день сметала ее, Арюша очень следил за этим. Теперь не то. Померла Глафира, скоро три года, как померла. Всех я, дура старая, пережила. А зачем? Ну ничего, скоро книги продам, и пыли не будет. Ничего не будет. Вы сели там, я не вижу? — вдруг забеспокоилась она.

— Сели, Анна Николаевна, сели, — отозвался Северин.

— Тогда говорите, зачем пожаловали. — Благодаря Ольге Васильевне Троепольской нам стало известно... — начал Стас, и я высоко оценил это

дипломатическое начало,— что вас обворовывают какие-то молодые проходимцы...— Тут он замолчал выжидательно.

Но старушка молчала.

— Это так, Анна Николаевна? — переспросил Стас, но снова, не дождавсь ответа, почти крикнул: — Вы меня слышите?

— Слышу, слышу,— недовольно ответила хозяйка.— Я слепая, а не глухая. Ну, Ольга! Надо же, милицию вызвала!

— Так это правда?

Анна Николаевна снова пожевала губами.

— Откуда мне знать? Ольга говорит: воруют они, а у Альберта спросила я, так он такую сцену закатил, книги оставил, убежал, кричал, что не придет никогда больше после такого оскорбления...

— Пришел? — невинно спросил Северин.

— Позвонил... Я, говорю, знаю, что вы без меня пропадете. А тут Ольга как раз у меня случилась, схватила трубку и говорит: приходи, говорит, но только при мне. Но недолго, говорит, ходить тебе осталось. Это она на то, значит, намекала, что я книги-то все в музей собралась продавать.

— Давно все это было, Анна Николаевна? — спросил я.

Она повернула в мою сторону лицо с невидящими глазами.

— Да разве я помню? Моя жизнь какая? День да ночь — сутки прочь. Ах! — вдруг оживилась она.— Это в тот день было, когда она того товарища приводила, из музея.

— А больше с тех пор этот Альберт вам не звонил?

— Не помню,— подумав, ответила старушка. И добавила без особого сожаления: — Всего не упомянешь...

Северин, видимо, решил, что настало время задавать главные вопросы, ради которых мы пришли:

— Анна Николаевна, вы нам телефончик Альберта не дадите? И второго... Как его зовут?

— Сергеем. А вот телефончиков у меня нет, они мне сами звонят, зачем мне их телефончики?

— Ну хорошо,— настойчиво гнул свое Северин,— а как они первый раз к вам попали?

— Бог их знает,— устало и равнодушно ответила хозяйка. Ей, похоже, наскучили эти глупые вопросы.— Позвонили, сказали, что насчет книг.

— Но они представились? Сказали, от кого?

— Может, и сказали. Да я запомнила. Давно это было.

Я увидел, что мой друг теряет уже понемногу терпение, и решил временно переменить тему:

— А Ольга как к вам попала?

Перемена, видимо, оказалась удачной, потому что Анна Николаевна впервые за время нашей беседы вдруг заулыбалась.

— Ох, эта Ольга!... Шальная девчонка! Говорит, услышала их разговор, Алика и Сережи, в магазине услышала. А потом за ними пошла. Нат Пинкертон! Ну надо же! — И сейчас еще, как последней новости, радостно удивлялась хозяйка этому засевшему в памяти воспоминанию.— Прямо в дверь позвонила: здравствуй, я ваша тетя! Я, говорит, в газете работаю. Все мне тут прибрала, обед приготвила. А про них все расспрашивала тогда, какую книгу да почему я им продала. Нет, вы только подумайте!..

— А в каком магазине? — спросил Северин.

Теперь старуха на звук голоса удивленно повернулась к нему.

— Как в каком? В книжном магазине, не в рыбном же! — Она снова беззубо заулыбалась собственной шутке.

— Это я понимаю, что в книжном,— бодро, стараясь попасть ей в тон, сказал Стас.— Мне чего интересно? В каком именно?

— А уж это я не знаю,— почему-то обидевшись, ответила хозяйка и подала Северину совет: — Да вы у Ольги спросите! Она скажет.

И тут мне в голову пришла интересная мысль. Я спросил:

— А вы сами, Анна Николаевна, куда носили книги?

— Да тут, рядом,— ответила она.— Из подъезда выйдете — и направо. Можно пешочком, можно на троллейбусе одну остановку. На той стороне улицы, вы его сразу увидите. Туда и Адриан Серафимович ходил лет тридцать, покупал, а я уж потом ходила, пока не ослепла, продавала...

Через четверть часа, поняв, что больше от нее ничего не добьемся, мы распрощались с Анной Николаевной. Потом вышли на улицу, сели в машину, проехали два квартала, развернулись, и Стас притормозил прямо перед большой, полной книг витриной, над которой из неоновых трубок складывалась надпись: «БУКИНИСТ». Я достал блокнот и сверился с записями. Это был тот самый магазин, где трудилась товароведом Нина Ефимовна Лангуева.

наше последнее открытие в равной мере могло оказаться перспективной версией и полным шиком.

Мы сидели у открытого окна в кафе «Ивушка» и ели не переставая, как только могут есть голодные, за день напавшиеся, молодые, возбужденные работой мужики.

— Не скажи, не скажи,— благодушно бурчал Стас, наливая себе третий или четвертый стакан морса из запотевшего графина.— Тебе ли не знать: слишком много совпадений бывает только в плохом кино. А у нас с тобой кино хорошее. Высокохудожественное! Ну почему ты, Шурик, такой пессимист? Посмотри, что мы имеем.— С этими словами он перевернул руку ладонью вверх и положил на нее горошинку черного перца со своей тарелки.— Это Троепольская, в комнате которой все перерыто. А рядом мы имеем,— Стас оторвал кусочек от цветной салфетки в центре стола,— антикварные книжечки минимум на четырнадцать тысяч...

— Книжечек мы как раз не имеем,— заметил я старливо.

— Не придирайся, не придирайся.— почти ласково пропел Северин.— И тут же, рядом, на той же ладошке,— Лангуева, которая с Троепольской в контрах пребывает и на которую журналисточка материальчик собирала...

Лангуеву обозначил кусочек хлебного мякиша.

— А это бабушка-старушка,— Северин искал глазами, нашел в вазочке засохший черенок от яблока и положил его к прочим персонажам,— которая, между прочим, много лет ходила в магазин именно к Лангуевой. А это,— на ладонь отправилась сломанная пополам спичка,— наши друзья Сережа-Джим и Алика-Лошадь, которые с переменным успехом таскают-покупают книжки у бабушки и одновременно фигурируют в блокноте Троепольской, которая собирает материал на Лангуеву. Так что нам с тобой, Шурик, остается только прикрыть эту ладошку сверху другой ладошкой, потрясти хорошенько и вывалить фишки на стол!

Все это он натурально проделал, воскликнув: «Вуаля!» Несколько секунд мы оба изучали кучку слепших вместе бессмысленных предметов, он — благодушно, я — скептически.

— Ну хорошо, Чапаев,— сказал я наконец, чтобы его подразнить.— А почему ты решил, что Троепольская собирала материал именно на примере Лангуевой? И где у тебя доказательства того, что Лангуева знакома с этими книжниками? И как сюда вписывается убитая наркоманка?

Но съевшему сытный обед Северину испортить аппетит было уже невозможно.

— Я чувствую,— провозгласил он, самодовольно откидываясь на спинку стула.— Верь мне, мой юный друг, мы на верном пути к раскрытию этого загадочно-преступления!

— Болтун,— сказал я.— Хватит трепаться. Пошли — давай решать, что делать. Шесть часов уже.

— Сначала мы рассчитаемся,— неторопливо начал Стас.— Потом, как положено после обеда, совершим небольшую прогулку...

Но я достаточно знал его, чтобы понять, что это он говорит уже серьезно, и поэтому спросил по-деловому:

— Куда?

— Недалеко. В Дом книги. Отсюда два шага. Мои друзья из Управления по борьбе с хищениями социалистической собственности открыли мне все свои секреты. По субботам и воскресеньям толкучка собирается на Кузнецком мосту. А в будние дни матерые книжники-профессионалы все здесь, на Калининском. Встали?

Войдя в магазин, я в первый момент растерялся перед уходящими в обе стороны книжными прилавками, вокруг которых роились покупатели. Да еще на второй этаж вела широкая лестница, по ней в обе стороны текли толпы любителей книги. Интересно, подумал я, как и кого мы будем искать на этом книжном вокзале?

Продолжение следует.

Читайте в ближайших номерах:

Уроки революции.
Ваш собеседник — Герой Социалистического Труда Владислав Сериков.

От слов к делам: делегаты комсомольского съезда за работой.

Новый роман Юлиана Семенова.

К 125-летию Бородинской битвы. Из личных архивов героев сражения.

Что знает современный мужчина о моде.

Звезды мировых арен. Автогонщик Ники Лауда.

Почему расправились с кооперативом?

Подписка на «Смену» не закончилась, она продолжается. Вы можете выписать журнал в любом почтовом отделении, в агентстве «Союзпечати» до 1-го числа предподписного месяца. В розницу журнал поступает в ограниченном количестве.

— О чем это говорит? — спрашивал меня Северин, короткой аккуратной собирая подливу с тарелки.

— Ни о чем это не говорит,— отвечал я с набитым ртом, верный привычке спорить со своим напарником. На самом деле истина, конечно, была посередине:

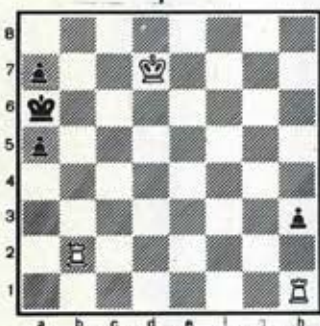
29-я шахматная олимпиада

Под редакцией гроссмейстера
Виктора ЧЕПИЖНОГО

Как шахматному композитору удается «одушевить» деревянные фигуры, чтобы они послушно ходили в определенной последовательности на предусмотренные поля? Одним из наиболее эффективных технических приемов является угроза.

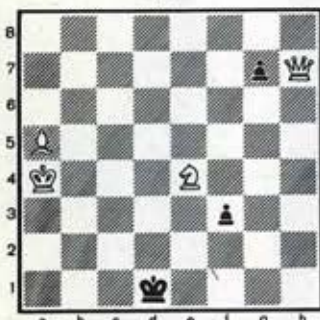
Угроза — это совокупность последовательных ходов, следующих непосредственно за вступительным ходом и приводящих к мату в заданное число ходов. Именно необходимость парировать эту угрозу заставляет черные фигуры ходить так, как задумал автор. Эти защиты и ведут к вариантам, в которых воплощается тематический замысел.

Одиннадцатый тур

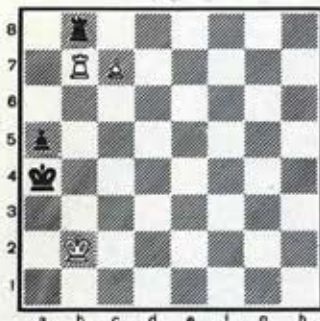
Белые: Крd7, Лb2, Лh1 (3)
Черные: Кра6, пп. a5, a7, h3 (4)
Мат в 3 хода (2 балла)

II

Белые: Кра4, Фh7, Са5, Ке4 (4)
Черные: Крd1, пп. f3, g7 (3)
Мат в 3 хода (3 балла)

III

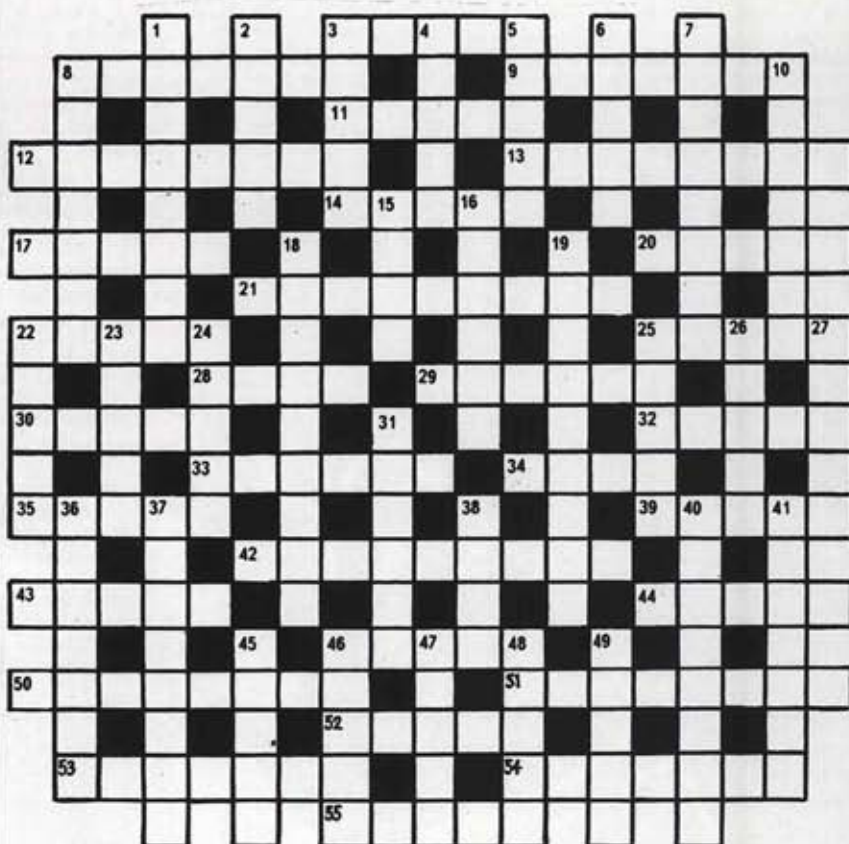
Белые: Крb2, Лb7, п. c7 (3)
Черные: Кра4, Лb8, п. a5 (3)
Выигрыш (3 балла)

Ответы на задания присылайте только на открытках (без конвертов) с пометкой «29-я шахматная олимпиада. 11-й тур». Последний срок отсылки писем (по почтовому штемпелю) — 15 сентября.

КРОССВОРД

А. ШАЙХРАМОВ, село Бакалы Башкирской АССР

«МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ»

По горизонтали:

3. Инструмент, на котором играет Перибонда — герой одноименного стихотворения Т. Шевченко. 8. Механический инструмент, изобретенный американцем Вотей в 1881 году. 9. Арабские двойные литавры. 11. Обычное название теноровой виолы. 12. Инструмент, на котором хорошо играл С. Есенин. 13. Медные сингалские тарелочки в Шри-Ланке. 14. Распространенный у африканского народа банту инструмент. 17. Инструмент, созданный, согласно мифам, Палладой, чтобы подражать стенаниям разъяренных сестер горгоны Медузы, когда Персей отрубил ей голову. 20. Женский однострунный смычковый инструмент у туарегов. 21. «Пой... выюге назло, заплутавшее счастье зови» (песня «В землянке»). 22. Узбекский ударный инструмент. 25. Инструмент, другие названия которого — лавабо, равап. 28. Маленькая тыква, выдолбленная, высушенная и наполненная камешками (Чили). 29. Барабан — основа, наряду с лунгунгу и току, оркестрового ансамбля в Конго. 30. Узбекско-таджикская погремушка. 32. Одно из названий азербайджанского дэфа.

33. Басовая украинская и польская лютя. 34. Ксилофон у мандинго в Мали с 17—18 деревянными пластинками, и при каждой тыква-резонатор. 35. Продольная флейта индейцев Боливии. 39. Один из наиболее любимых после барабанов инструментов в Африке. 42. Афганская лютя, знаменитая легкостью тона, близкого к человеческому голосу. 43. Самый популярный скомороший инструмент. 44. Инструмент, изображающий в симфонической сказке С. Прокофьева «Петя и Волк» Петиного дедушку. 46. Инструмент, название которого в переводе с арабского означает «соединение коротких звуков в один длинный». 50. Черногорская парная жалейка. 51. Совместное изобретение А. Римского-Корсакова и А. Иванова при участии В. Крейцера и В. Дзержковича. 52. «Сундук тайностей», на котором играет женщина в поэме Физули «Семь кубков». 53. Самый большой барабан у народа банту. 54. Берберский, обычно глиняный тамбурин. 55. Бытующее в Замбии название большого барабана.

По вертикали:

1. Инструмент, на котором в китайском театре играет дирижер, подавая условные сигналы оркестрантам и артистам на сцене. 2. Тунисский гобой. 3. Барабан у народа эве в Гане. 4. Большой аргентинский барабан, слышимый за 22 километра. 5. Продольная флейта у древних инков. 6. Кедровый алтайский инструмент со струнами из конского волоса и черемуховым смычком. 7. Вещь, которую Ноздрев в «Мертвых душах» пытался всучить Чичикову. 8. Бытовой инструмент, заменяющий оркестр. 10. Похожий на кубинский майоуакан инструмент парагвайских гуарани. 15. Трещотка в виде расщепленного бруска у ингушей и чеченцев. 16. Самый маленький рояль. 18. Испанская цистра. 19. Литовский инструмент, кувиклы. 22. Египетские тарелочки. 23. Чувашская волынка. 24. Ангольский инструмент, проникший в Бразилию под названием «куика». 25. Литовский духо-

вой народный инструмент. 26. Средневековое название на Руси всех ударных инструментов, игру на которых называли бряцанием. 27. Гвинейский балафон. 31. Самодельная мордовская скрипка. 36. Восьмиструнная кенийская арфа. 37. Эвенкийский варган. 38. Инструмент, на котором играет «и швец, и жнец» из поговорок. 40. Угандийский ксилофон, на котором одновременно играют шесть человек. 41. Язычковый инструмент, сопровождающий свадебные обряды в Китае. 45. Старинная военная литавра, широко представленная в оркестре, созданном по велению Петра Первого. 46. Переносной орган в XVI—XVIII веках. 47. Духовой инструмент арабского происхождения у суахили в Кении. 48. Музыкальный лук с резонатором в Гане. 49. Инструмент, которому посвятил свою творческую жизнь русский педагог, композитор и исполнитель Ф. Бауэр.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года.
Выходит два раза в месяц.

№ 16 (1446)

август 1987

Москва, издательство «Правда»

Главный редактор
Альберт ЛИХАНОВ

Редколлегия:
Валерий ВИНОКУРОВ
Борис ДАНОШЕВСКИЙ
(ответственный секретарь)
Владимир ДЕСЯТЕРИК
Михаил КИЗИЛОВ
(заместитель главного редактора)
Александр КУЛЕШОВ
Июсиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
Евгений РЯБЧИКОВ
Вадим САОУШЕВ
Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
Владислав СЕРИКОВ
Игорь СЕРКОВ
(заместитель главного редактора)
Олег ШЕСТИНСКИЙ

Главный художник
Виталий ФЕДОРОВ

Художник
Елена УЛЬЯНОВА
Технический редактор
Александра ГУСЕВА

101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14

212-15-07 — для справок. Отдел
212-21-59 — работы молодежи и науки
250-29-39 — коммунистического воспитания
251-32-84 — фотокартка
212-21-38 — военно-спортивная
212-13-19 — международная жизнь
251-04-10 — литературы и искусства
212-11-27 — писем и массовой работы

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Рукописи объемом
более одного авторского листа
(24 машинописные страницы)
редакции не рассматриваются.

© Издательство «Правда»,
«Смена», 1987 г.

Сдано в набор 03.07.87.
Подписано к печати 16.07.87.
А 05104. Формат 70 × 108.
Глубокая печать. Усл. печ. л. 5.60.
Уч.-изд. л. 11.55. Усл. кр.-отт. 21.7.
Тираж 1 300 000 экз.
Изд. № 2107. Заказ № 1017.
Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография имени В. И. Ленина
издательства ЦК КПСС «Правда»
125365, ГСП, Москва, А-137,
улица Правды, 24.

Какой цвет платья выбрать? Какой пойдет блондинке, а какой брюнетке? Что с чем сочетается?

Если отвлечься от символики цвета, о чем мы уже писали, то главное — уйти от излишних регламентаций. Цветовая гамма костюма чаще всего определяется модой. Так, в последние годы довольно стойко удерживают позиции белый, розовый, бирюзовый и черный цвета. Полвека назад, в тридцатые годы, насыщенный розовый предложила французская художница Эльза Скиапарелли, знаменитая соперница Габриель Шанель. Его называли тогда — да и теперь тоже — «розовый шок». Этот цвет придает модный вид любой вещи, даже если она довольно консервативна по форме. Если окажется, что розовая блузка, к примеру, не очень-то удачно подходит к цвету лица, можно отделить ее белым воротничком, можно с помощью умелого макияжа изменить и цвет лица. Нет проблем! Если цвет моден — никто не откажется от него. К тому же все дело в оттенках: какой-то оттенок красного вам не пойдет, а какой-то будет в самый раз. Кто же мешает вам выбрать только то, что больше подходит, больше нравится?

Мода, каждый раз выделяя какой-то цвет или оттенок, определяет здесь фаворита, но отказывается и от других цветов. Годами не выходят из моды цвета, которые называют классическими — белый и черный. Всегда удачно дополняют из красный, желтый, зеленый, синий. Кстати сказать, синий цвет обладает удивительной способностью смягчать любое авангардное решение в костюме, придавая ему характер чего-то классического, делового. Традиционно принято в синие комплекты вводить белый, желтые, красные цвета, но более изысканным считается сочетание синего с зеленым и лиловым.

Серый цвет, от которого мы несколько поотвыкли, вновь кажется нам цветом элегантности и благородства. Особенно в сочетании с белым и черным. Беж, коричневый, болотный пришли в моду вместе со стилем сафари и нравились нам до тех пор, пока нравился этот стиль. И все же эта очень спокойная, сдержанная гамма становится вновь привлекательной каждый раз, когда мы начинаем чувствовать усталость от излишне ярких, сочных красок.

Особенно быстро надоедает в одежде красный цвет, может быть, потому, что привлекает к человеку излишнее внимание и столь же заметен на других. Однако и он надолго не исчезает с горизонта моды.

Сколько цветов может быть в костюме? Это зависит от того, что предлагает в данный момент мода. Долгое время она ограничивалась всего двумя-тремя цветами, подобранными

ми в тон или по контрасту. Но возможны и более сложные цветовые комбинации, главное, чтобы при этом возникала гармония. Все должно сочетаться по цвету — одежда, дополнения, макияж, украшения к костюму. Оттенков любого цвета великое множество. Поэтому надо пробовать, смотреть, прикладывать ткани друг к другу, прикладывать их к лицу — только тогда поймешь, что к чему и что с чем.

Такую цветовую гамму предлагают художники Всесоюзного и Алма-Атинского домов моделей трикотажных изделий.

Лидия Орлова,
главный редактор «Журнала мод»

СВЕТА

ЦВЕТА

ВСЕ

фото Эдуарда Крайневского

